

СЕРГЕЙ ЦЫРКУН

СТАЛИН ПРОТИВ ЛУБЯНКИ
КРОВАВЫЕ НОЧИ 1937 ГОДА

СЕРГЕЙ ЦЫРКУН

СТАЛИН ПРОТИВ ЛУБЯНКИ
КРОВАВЫЕ НОЧИ 1937 ГОДА

Я – СЕКРЕТНЫЙ АГЕНТ
СТАЛИНА

СЕРГЕЙ ЦЫРКУН

**СТАЛИН ПРОТИВ ЛУБЯНКИ
КРОВАВЫЕ НОЧИ 1937 ГОДА**

**МОСКВА
2013**

УДК 94
ББК 67.401.212
Ц 97

Разработка серии *А. Саукова*
Типографика на обложке *К. Ногина*

Цыркун С. А.

Ц 97 Сталин против Лубянки. Кровавые ночи 1937 года /
Сергей Цыркун. — М. : Эксмо : Яуза, 2013. — 288 с. —
(Я — секретный агент Сталина).

ISBN 978-5-699-68505-9

Сенсационное расследование трагедии 1937 года. Захватывающий триллер, проливающий свет на самые темные и запретные страницы прошлого. Новый взгляд на причины и цели Большого Террора. Подлинная история борьбы за власть над СССР, в ходе которой Сталину удалось разгромить не только партийную оппозицию, но и органы государственной безопасности, в середине 1930-х годов достигшие пика могущества: ОГПУ фактически контролировало экономику страны и финансовые потоки, правительственную охрану и милицию, Особые отделы Красной Армии и гигантскую теневую империю ГУЛАГа, судебную систему и исполнение приговоров, распоряжалось колоссальными средствами, переводило в свое ведение крупнейшие стройки и промышленные предприятия, осуществляло негласный надзор за высшим руководством страны — казалось, что реальная власть уплывает из рук Сталина к Ягоде и его клике, что подлинный центр силы находится уже не в Кремле, а на Лубянке...

Как Сталину удалось переломить ситуацию в свою пользу? Что позволило ему разобить чекистов и заставить их убивать друг друга? Почему эта грандиозная чистка фактически не встретила сопротивления и сталинский контрпереворот увенчался полным успехом?.. Отвечая на самые острые и сложные вопросы истории, эта книга разгадывает главную тайну XX века.

УДК 94
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-699-68505-9

© Цыркун С. А., 2013
© ООО «Издательство «Яуза», 2013
© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

«В этом и есть суть коммунизма, чтобы беспрерывно хватать кого-нибудь за горло».

*Б. Бажанов,
секретарь Политбюро*

Теплая, плотно обволакивающая ночь нависла над Москвою жарким летом 1936 г. Тогда в советской столице не было ни ночных клубов, ни круглосуточных магазинов, ни частных автомобилистов, спешащих через паутину улиц спящей столицы по своим делам. По ночам город погружался в цепенящий сумрак. Только шумели порывы ветра в листве, надрывно рычали цеха заводов непрерывного производства, шлепали сапогами по лужам патрули рабоче-крестьянской милиции, да еще в товарных дворах московских вокзалов неспешно гудела работа. Над всем этим мерцали пятиконечные рубиновые звезды, похожие на морских животных, медленно плывущих во тьме ночного небосвода.

Но было в самом центре сонного города громадное здание, сияющее бесчисленными огнями своих окон, словно огромный пароход, мчащийся сквозь черные волны навстречу собственной гибели. Это здание знал каждый москвич, да и не только москвич. Давно уже переименовали Лубянскую площадь, назвали ее именем «железного Феликса» Дзержинского, но не отлипало от жуткого здания памятное

название — Лубянка. В недрах этого замка ужаса и страданий, по его сумрачным коридорам уверенной походкой вышагивали два человека. Один из них был высокомерен и суров. Доверенное лицо товарища Сталина, исполнитель его самых тайных замыслов, член ЦК, Генеральный комиссар государственной безопасности, а самое важное — всемогущий глава Наркомата внутренних дел, НКВД. У других эти буквы в душе вызывают страх... И правильно. Днем он, всеми уважаемый Генрих Григорьевич Ягода, с некоторой иронией наблюдает за марионетками — «вождями», перед которыми пресмыкается пыль презренных для него индивидуумов, называемых «рядовые трудящиеся».

Но по ночам он становится подлинным властителем Страны Советов. Он знает, что творится по всей огромной стране, о чем говорят между собой мужья с женами в постелях, заключенные в лагерных бараках, случайные собутыльники в пивной, руководители разных рангов в своих кабинетах. Ему известно, какие решения будут приниматься партийными и правительственными инстанциями всех уровней. Он знает, кто и на кого пишет доносы, кто против кого затевает интриги и он же решает, каким из них дать ход, а какие положить «под сукно». Он подобрал команду безоговорочно преданных ему людей, спаянных общими интересами, с помощью которых он способен... даже голова кругом идет от возможных перспектив. И потому он с презрением, свысока поглядывает на своего спутника. А тот цветет безмятежной улыбкою. Это не кто иной, как «Янечка» Агранов, известный всей Москве завсегдагатай богемных салонов советской литературно-художественной элиты. Он улыбается всегда, ему постоянно весело. Он — в обход своего шефа — дружен со Сталиным. И еще он знает:

даже если неугасимая звезда его всемогущего повелителя Ягоды вдруг закатится, сам он не пострадает, ибо не так уж сильно он ему предан...

Но было у обоих предводителей тайного ведомства, двух темных владык Страны Советов, и нечто общее: оба знали, что вскоре, на ближайшем Пленуме ЦК, Ягода займет обещанное ему самим товарищем Сталиным место в Политбюро, и тогда можно будет так же уверенно расхаживать не только пещероподобными ходами Лубянской цитадели, но и по трибуне Мавзолея на Красной площади. Ох, скорее бы! Под аккомпанемент этих мыслей оба предводителя тайного сыска по-хозяйски, без стука, распахивали двери кабинета, разглядывая самодовольные откормленные ими же физиономии верных холопов-следователей и запуганных, забитых арестантов. «Как идет допрос?» — и, кратко выслушав доклад своего подручного, небрежно кивнув, два стража Государственного страха шли дальше. Вдруг оба остановились. Из-за одной двери доносились не вполне понятные звуки. Распахнув ее и разом шагнув внутрь, богоподобные носители суконных мундиров и скрипучих сапог обомлели. На столе в развязной позе сидел их мертвецки пьяный сотрудник, мрачно приговаривая стоявшему перед ним арестанту: «Сегодня я тебя допрашиваю, завтра ты меня. Ни гроша-то наша жизнь не стоит!»¹.

Служебное расследование показало, что этот человек был алкоголиком, ночью во время допроса пившим водку. Только этот безымянный алкоголик, о существовании которого ныне известно из откровений бывшего советского разведчика Фельдбина-Орлова, оказался мудрее своих хитроумных руководителей. Он понял то, что Ягоде стало предельно ясно лишь через полгода, на Пленуме ЦК, когда вместо пропуска в Политбюро он получил от осме-

левших партийных бонз невероятное количество брани и клеветы в свой адрес. Тогда он и произнес запомнившуюся фразу: «Как жаль, что я не арестовал всех вас раньше, когда был у власти»².

* * *

Одна из самых больших загадок советской истории — это то, каким образом удалось Сталину, готовясь к Большому террору 1937 г., полностью сменить и уничтожить руководство НКВД — главного своего инструмента в механизме предстоящих репрессий — без сколько-нибудь заметного сопротивления. Если и существовала в 1936 г. реальная опасность сталинской диктатуре внутри страны, то она могла исходить только со стороны «когорты преторианцев» — абсолютно беспринципных, очень хитрых, сплоченных многолетней совместной работой и личной дружбой руководителей НКВД. Остротой интеллекта и широтой кругозора они заметно превосходили своих преемников ежовского и бериевского поколений³.

На протяжении ряда лет руководитель государственной безопасности страны Г.Г. Ягода тщательно подбирал свою команду, устранял неудобных, стремился создать вокруг себя некое подобие замкнутой касты. Бывший работник госбезопасности М.П. Шрейдер вспоминает, что этими людьми в застольях «за блинами и водкой решались важные организационные вопросы, включая расстановку кадров»⁴. Шурин Ягоды, руководитель РАПП Леопольд Авербах, будучи арестован, на допросе показал, что Ягода «все сводил к личной выгоде и личным взаимоотношениям, во всем пытался найти нечто низменное и на нем играть».

Те, кого он группировал вокруг себя, сосредоточили в своих руках огромную власть. Так, например, начальник Оперода (оперативного отдела ГУГБ НКВД) К. Паукер руководил всей системой правительственной охраны. Без сопровождения его подчиненных вожди партии и правительства в прямом смысле слова не делали ни шагу. Паукер занимался также удовлетворением бытовых нужд и пожеланий Сталина и его окружения вплоть до «обеспечения Сталина слабым полом»⁵. В негласной, теневой иерархии он занимал головокругительно высокое положение. По свидетельству Фельдбина-Орлова, когда Паукер ехал на автомобиле, для него перекрывали дорожное движение в Москве. В нем сочетались высокомерие и лакейское приспособленчество: он, «будучи по натуре исключительным грубияном, с большинством сотрудников вообще не считал нужным здороваться, заискивая лишь перед большим начальством»⁶.

Его заместитель Захар Волович (известный также под оперативным псевдонимом Вилянский), который курировал правительственную связь, через резервную станцию в здании НКВД на Лубянке имел возможность прослушивать все переговоры по внутренней «кремлевской» связи и по ВЧ⁷. «Кремлевская» телефонная связь, а с 1935 г. — также и ВЧ (высокочастотный канал связи) находились в ведении 13-го отделения Оперода, имевшего название ОПС (отделение правительственной связи)⁸. Его работники должны были обеспечивать защиту проходящей по этим линиям связи информации, но попутно они сами передавали ее Воловичу, который напрямую докладывал обо всем сколько-нибудь важном Ягоде. Друзья называли Воловича фамильярно «Зорей», он любил широкий, барский образ жизни⁹, и это обстоятельство, формально не-

допустимое для чекиста, сильно привязывало его к ягодинской клике.

Вся система управления промышленностью, сельским хозяйством, строительством и торговлей была пронизана агентами и секретными сотрудниками экономического отдела ГУГБ, возглавляемого Л. Мироновым. Этого человека, обладавшего феноменальной памятью, Г. Ягода всегда брал с собой в Кремль: он выполнял роль «живого блокнота» во время конфиденциальных бесед со Сталиным¹⁰. Неофициально благодаря своему незаурядному интеллекту он считался советником Ягоды по наиболее важным или запутанным вопросам¹¹. Поэтому Миронов являлся, пожалуй, самым осведомленным в стране человеком относительно тайн Кремля и Лубянки. Бывшие чекисты М.П. Шрейдер и А.М. Фельдбин-Орлов, оставившие обширные воспоминания об этом периоде, довольно часто ссылаются на Миронова как на источник информации, поскольку встречались у него на квартире, где играли в преферанс и другие карточные игры. Там же бывал и еще один известный чекист, Л.Э. Разгон, автор книги воспоминаний «Плен в своем отечестве»¹². Шрейдер упоминает, в частности, что у Миронова был хороший голос и он во время застольных собраний руководства НКВД тешил их слух своим пением.

Транспортная система страны находилась под пристальным контролем начальника транспортного отдела НКВД, близкого приятеля Ягоды и в прошлом его секретаря А. Шанина, который одновременно являлся помощником наркома путей сообщения Л. Кагановича — одного из наиболее влиятельных членов Политбюро¹³. Перечисленные лица, находясь в доверительных отношениях между собой, полностью держали в руках правительственную охрану, транспорт и связь. К ним стекалась

вся информация по стране, в том числе из Кремля. Колоссальный агентурный аппарат находился в ведении еще одного близкого к Ягоде человека — руководителя секретно-политического отдела ГУГБ Г. Молчанова. Все, что происходило в Вооруженных силах страны, отслеживалось через пересекавшую их снизу доверху систему Особых отделов — военной контрразведки, возглавляемой М. Гаем — приятелем Молчанова¹⁴.

На первый взгляд, при полном акустическом контроле за служебными и жилыми помещениями, обеспеченном средствами оперативной техники, содержание такого колоссального агентурного аппарата, какой находился под контролем Молчанова, Миронова и Гая, представляется излишеством. Однако Ягоде, да и советскому режиму в целом, требовался не только сбор информации. Им нужно было превратить население страны в задавленных страхом, услужливых «стукачей», и чем больше их будет, тем лучше. Ведь каждый информатор — это уже пособник режима. Более того: уголовный закон вменял каждому советскому гражданину в обязанность доносить обо всех известных ему деяниях антисоветской направленности, угрожая карами за недонесение (ст. 58-12 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик). Эту государственную мысль удачно сформулировал советский разведчик Кирилл Хенкин: «Если разговор двух друзей подслушан с помощью хитроумного устройства, полицейское государство еще не выполнило своей главной задачи. Зато, когда оба собеседника спешат наперегонки друг на друга донести, — воспитательная цель достигнута!»¹⁵. К середине 30-х гг. на постоянной связи у НКВД числилось около полумиллиона «общих» осведомителей, включая так называемое дворовое осведомление, разби-

тых на группы во главе с резидентами, не считая «спецосведомителей» (работавших по специальным направлениям), агентов внутрикамерной и внутрилагерной разработки, а также «основной агентуры», представители которой «помимо оплаты за работу получают и специальные суммы, необходимые по ходу разработок (организация пьянки и т.п.)»¹⁶. При этом агентурная сеть непрерывно расширялась по принципу так называемого массового осведомления.

Бывшие студенты Киевского Императорского университета св. Владимира Миронов и Гай сумели угодить грубому и хамоватому Ягоде, войти в его ближний круг. Но все же не они составляли основу его влияния в высших партийно-государственных кругах.

В те годы любой номенклатурный чиновник, любое сколько-нибудь значительное должностное лицо, начиная с самого Сталина, не имея по существу ничего своего, находились вместе с семьями на полном государственном обеспечении. Чиновник жил в государственной квартире ведомственного дома, проживал на госдаче в охраняемом дачном поселке, ездил на государственной машине — «персоналке», отдыхал на курортах и лечился в больницах по путевкам партийных органов и государственных ведомств, одежду и даже еду получал из закрытых спецраспределителей, в зависимости от занимаемой должности ему полагался за государственный счет штат obsługi: горничных, шоферов, поваров, парикмахеров... Всем этим безраздельно распоряжался один человек — И.М. Островский, начальник административно-хозяйственного управления (АХУ) НКВД. Непосредственно ему подчинялся Виктор Следзевский, начальник 5-го отделения АХУ НКВД, который ведал распределением продук-

тов, вин, мебели, одежды и прочих земных благ среди сановников партийно-государственного олимпа¹⁷.

Помимо санаторно-курортных и лечебных учреждений, снабженческих организаций и автобаз, Островскому был подчинен и Тюремный отдел, ведавший местами заключения¹⁸. Под предлогом обеспечения безопасности все «спецобъекты» находились в ведении все того же вездесущего ведомства. Это хорошо понимал и сам Сталин. На одном из кремлевских банкетов в присутствии Островского бывший семинарист, а ныне вождь мирового пролетариата с несколько богословской стилизацией сказал: «По легенде, самым справедливым и безгрешным человеком на земле был Иисус Христос. И представьте — даже на этого самого справедливого человека многие жаловались. Поэтому нет ничего удивительного в том, что поступает много жалоб на присутствующего здесь товарища Островского. Предлагаю выпить за здоровье этого замечательного организатора и хозяйственника, который своим самоотверженным трудом обеспечивает всем необходимым не только начсостав ОГПУ, но и нас, грешных, работников Центрального Комитета!»¹⁹. Рядовые советские *трудящиеся* никогда не видели Островского на трибуне, не встречали упоминаний его фамилии в печати, его портреты не висели на видных местах. Однако его влиятельности могли позавидовать многие наркомы и члены ЦК. В ЦК о нем говорили: «Островский был своим человеком... Он подмазывал кого надо, был информатором о настроениях, которые существуют у того или иного работника»²⁰. Чтобы охарактеризовать степень его преданности Ягоде, следует упомянуть об одном лишь факте. Бывший чекист М.П. Шрейдер, находившийся с Островским в близкой дружбе, пишет в своих воспоминаниях, что однажды,

будучи наедине с ним, непочтительно отозвался о Ягоде, отчего Островский в ужасе шарахнулся и даже сделал несколько шагов назад, создавая дистанцию (видимо, опасался прослушивания помещения людьми Паукера и Воловича). Столь же трепетно этот всемогущий сановник относился к любимцу Ягоды, секретарю НКВД Павлу Буланову, который запросто хозяйничал в бездонных кладовых, наполненных конфискованным имуществом. За глаза Островский возмущался произволом Буланова. Шрейдер приводит, в частности, такой случай: «Я сидел в кабинете начальника административно-организационного управления ОГПУ И.М. Островского, с которым нас связывали дружеские отношения, когда к нему зашел работник управления погранохраны Ленинградского полпредства ОГПУ Ф. со знаком «Почетный чекист», выпущенным к десятилетию органов госбезопасности.

— За какие же заслуги тебя, говнюка, наградили значком? — грубо спросил Островский.

Ф. растерялся и, пробормотав что-то нечленораздельное, поспешил удалиться.

— Видишь, что делается, — мрачно сказал Островский. — Как обесценены знаки «Почетный чекист», введенные Феликсом Эдмундовичем. Какой-то подхалим за привезенную начальству посылку из изъятой контрабанды получает значок... И решает это не коллегия и даже не Ягода, а единолично Буланов.

И Островский рассказал, что накануне из ленинградского управления погранохраны, возглавляемого Ф.Т. Фоминым (автором вышедших в 60-е гг. «Записок старого чекиста»), сотрудники отделения по борьбе с контрабандой Ю. и Ф. привезли Буланову какие-то посылки с контрабандными вещами

для высшего начальства, и Буланов тут же повесил им на грудь знаки «Почетный чекист».

— Ты вот меня ругаешь, что я боюсь Буланова, — продолжал Островский. — Я прекрасно знаю, что он ничтожество, но мне приходится приспособляться к его настроениям, ведь он теперь все равно что сам Ягода и может наградить или угробить любого из нас. Такая вот сейчас обстановка»²¹.

Чувствуя свою близость к Ягоде и колоссальные возможности, которые перед ним открывались, Островский к окружающим относился бесцеремонно и даже грубо, «постепенно все более и более распускался и стал позволять себе совершенно недопустимый тон в обращении с людьми»²². Малограмотный и некультурный, с низшим образованием²³, Островский никогда не читал книг и даже в газетах прочитывал одни заголовки статей, однако при всем своем самодовольстве и барском отношении к окружающим «не раз молча выслушивал нецензурную брань и крики по своему адресу от куражившегося и понимающего свою власть Буланова»²⁴.

Ближайшим помощником Островского являлся начальник инженерно-строительного отдела (ИСО) НКВД А. Лурье. Как нетрудно догадаться, ни одно здание Лурье не сдавал в эксплуатацию после строительства и ремонта, не оборудовав его прослушивающей аппаратурой в интересах своего шефа. Именно это подразделение НКВД ведало строительством гостиницы «Москва», дома Совнаркома (ныне здание Государственной Думы РФ) и других важнейших сооружений²⁵. В спецотделе (СПЕКО), который возглавлял еще со времен Ленина Глеб Бокий, годами совместной службы сросшийся с ягодинской кликой, создавалась и применялась техника для прослушивания разговоров, но не по теле-

фонным линиям, как это делал ОПС в отделе Паукера, а в помещениях служебных кабинетов, квартир и дач «ответработников» через вмонтированные в потолки и стены микрофоны²⁶. По существу Ягода и его окружение обладали не только ни с чем не сравнимой тайной властью над жизнями рядовых граждан, но и тотальным контролем над повседневной и служебной жизнью людей, хоть в малейшей степени близких к государственной власти. При желании они легко могли изолировать не только Сталина, но и все правительство, совершив тем самым государственный переворот. Без преувеличения можно сказать, что в середине 30-х гг. руководители НКВД представляли собою нечто вроде тайного правительства Советского Союза. Ни одно важное внешне- или внутривластное решение не принималось иначе как после изучения соответствующих сводок НКВД²⁷.

Как же удалось Сталину низвергнуть и уничтожить это тайное правительство ГУТБ НКВД, если в его распоряжении не было иных силовых рычагов, помимо самого НКВД? Обычно эту историю рассказывают примерно так: назначенный по инициативе Сталина новый нарком внутренних дел «Ежов провел совещание своих заместителей, начальников основных управлений НКВД, назначенных еще Ягодой. Сообщил, что, по распоряжению ЦК, всем им предлагается разъехаться по областям для проверки политической надежности руководителей партийных органов. Но на первой же подмосковной станции все они были арестованы. Через два дня такая же операция была проделана с их заместителями, не знавшими ничего о своих начальниках»²⁸. Эта захватывающая история, напоминающая сюжет народных сказок (нечто вроде «и отправил царь сына среднего»), не выдерживает критики. Доста-

точно сказать, что заместителей наркома назначал не Ягода, а Совнарком по представлению ЦК; никто из начальников отделов центрального аппарата НКВД в марте 1937 г., когда якобы имело место описываемое событие, не направлялся в командировки, арестован же был только один²⁹. Массовой операции по аресту заместителей начальников отделов в один день не проводилось за всю историю НКВД.

Откуда взялась эта легенда? Из авторитетного, но в значительной степени устаревшего исследования англичанина Р. Конквеста «Большой террор»³⁰, созданного в 60-е гг. Английский историк оперировал лишь немногими доступными источниками; например, февральско-мартовский Пленум ЦК 1937 года описан им без использования его стенограммы, на основании известного хрущевского доклада 1956 г. и, соответственно, Р. Конквест вынужден был концептуально следовать хрущевской версии событий. Значительная часть событий второй половины 1936 года по рассматриваемому нами вопросу в изложении Конквеста представляют собою некритический конспект (а местами и почти дословный пересказ) книги А. Орлова-Фельдбина «Тайная история сталинских преступлений». Оттуда же полностью взята и история ареста в один день всего руководства НКВД («Однажды мартовским вечером 1937 года, — пишет этот автор, — Ежов...» и далее следует вышеприведенный рассказ)³¹. Вся эта история — одна большая легенда, опровергаемая архивными данными (как кадровыми личными делами руководящих сотрудников, так и следственными делами арестованных чекистских руководителей). Добавим сюда и то, что второй источник английского историка по данному периоду — еще один крупный сотрудник НКВД, также сбежавший от

неминуемой расправы на Запад, Вальтер Германович Кривицкий, тоже именно по этому вопросу владеет фактическими обстоятельствами лишь понаслышке, так как в это время и он находился в зарубежной командировке. И он, с чужих слов, пишет применительно к марту 1937 г., что «все заместители Ягоды и все начальники отделов ОГПУ, за исключением одного, уже находились под арестом»³². Действительность же на тот момент заключалась в обратном: оба заместителя Ягоды по НКВД на тот момент находились на свободе и при должностях, а из всех начальников отделов арестован был лишь один.

Это, однако, не снимает поставленного в начале статьи вопроса: как же Сталину удалось отправить в небытие тех людей, спаянных многолетней совместной службой, в руках которых полностью находились его охрана, транспорт и связь, которые буквально наспиговали Кремль, как и всю страну, своей секретной агентурой?

Естественно, у Сталина были все основания опасаться сложившегося вокруг Ягоды всемогущего клана. При этом следует особо отметить, что руководители НКВД отнюдь не были фанатичными приверженцами Сталина, а пожалуй, что и вообще избавились к 1936 г. от всех иллюзий по поводу строительства нового общества власти трудящихся. Хорошо зная сталинские методы укрепления личной власти и борьбы с оппозицией, поскольку являлись исполнителями его тайных поручений, Ягода и другие в своем кругу проявляли крайний цинизм по поводу своей работы. Шрейдер вспоминал, например, о настроениях Миронова: «Получая от меня очередные донесения, Миронов говорил слегка ироническим тоном, которому я тогда не придавал значения, относя его за счет наших с ним дружеских

взаимоотношений и обычной манеры в прошлом вести разговоры в шутовском тоне. Теперь же я думаю, что Миронов просто был умным человеком и те нездоровые тенденции, которые мы, находящиеся вдали от центра, поняли значительно позднее, он, как член коллегии НКВД, уже видел воочию... Миронов с грустной иронией наблюдал за всем, что творилось вокруг...»³³. Упомянувшийся выше А. Орлов, также лично знакомый с Мироновым, к этому добавляет, что Миронов предвидел печальный конец советских тамплиеров — руководителей тайных спецслужб — и отчаянно пытался избежать общей участи, ходатайствуя о переводе в наркомат внешней торговли, но ему в этом отказали.

Многолетний руководитель спецотдела НКВД Г. Бокий (в начале 20-х гг. — страшный палач, терроризировавший Ташкент и Петроград) создал под Москвой «Дачную коммуны» для руководящего состава органов ГПУ-НКВД. Когда все они со временем пошли под нож собственной мясорубки, то о «Дачной коммуне» вспоминали так: «Участники, прибыв под выходной день на дачу, пьянствовали весь выходной день и ночь под следующий рабочий день. Эти пьяные оргии очень часто сопровождались драками, переходящими в общую свалку. Причинами этих драк, как правило, было то, что мужья замечали разврат своих жен с присутствующими здесь же мужчинами... после изрядной выпивки партиями направлялись в баню, где открыто занимались групповым половым развратом.

Пьянки, как правило, сопровождались доходящими до дикости хулиганством и издевательством друг над другом: пьяным намазывали половые органы краской, горчицей. Спящих же в пьяном виде часто «хоронили» живыми, однажды решили похоронить, кажется, Филиппова и чуть его не засыпа-

ли в яме живого. Все это делалось при поповском облачении, которое специально для «дачи» было привезено из Соловков...

На дачу съезжались участники «коммуны» с женами. Вместе с этим приглашались и посторонние, в том числе и женщины из проституток. Женщин спаивали допьяна, раздевали их и использовали по очереди...» Другой очевидец происходившего в коммуне уточнял: «Каждый член «коммуны» обязан за «трапезой» обязательно выпить первые пять стопок водки, после чего члену коммуны предоставлялось право пить или не пить, по его усмотрению. Обязательно было также посещение общей бани мужчинами и женщинами. В этом принимали участие все члены коммуны, в том числе две дочери Бокия... Обязательным было пребывание мужчин и женщин на территории дачи в голом или полуголом виде»³⁴.

Подобные приемы устраивала, видимо, и жена Миронова, «жгучая брюнетка с огненными глазами»³⁵, которую в чекистских кругах за чрезвычайную распущенность называли Мессалиной³⁶; жена Гая Раиса, по свидетельству М. Шрейдера, тоже любила устраивать пирушки для руководящих работников госбезопасности. Другие руководители НКВД предпочитали такому активному отдыху интеллектуальный. Заядлые картежники Гай, Шанин и Островский составили постоянную партию в покер с директором московского Камерного театра³⁷ писателем Ричардом Пикелем, что не помешало им летом 1936 г. подвести своего карточного визави под расстрел³⁸. Вот уж верно говорят картежники: не играй хорошо, потеряешь партнеров. Впрочем, Гая Ягода характеризовал как полностью морально разложившегося человека и сифилитика³⁹. Должно быть, непросто было Гаю выделиться аморальным

поведением на таком фоне. М. Шрейдер, служивший одно время под его непосредственным руководством, сообщает, что Гай, не в силах вытерпеть в ожидании приглашения на одну из дач Ягоды, приспособил для «бардачных дел» конспиративные квартиры, предназначенные для встреч с агентурой, и сам Шрейдер однажды застал его там с некой «красавицей из Харитоньевского переулка»⁴⁰. Секретарша Гая Тарловская, через которую он нередко передавал деньги и ценности своим «агенткам» из секретных фондов, показала, например, что некой Зайончковской через нее однажды «Гай дал 1000 рублей на дачу», добавив: «с ее слов мне известно, что ей раньше Гай подарил золотые часы»⁴¹.

Да и сам Г.Г. Ягода также умел и любил «культурно отдыхать». Оргии «с вином и женщинами» для него, по воспоминаниям бывшего резидента ГПУ на Среднем Востоке Георгия Агабекова, готовил и проводил начальник транспортного отдела ГУГБ НКВД А. Шанин, «уголовная личность, с явно садистскими наклонностями»⁴². Для проведения этих оргий Шанин использовал один из трех загородных домов отдыха бывшего наркома. Пьянствовал Ягода обычно по ночам в подмосковных Озерках (по Волоколамскому шоссе); для амурных дел облюбовал Гильтищево по Ленинградскому шоссе, где днем в обеденное время блудил с родственницей Максима Горького Надеждой Пешковой, которую называл кличкой Тимоша (ныне, предположительно, в бывшем доме Ягоды расположена гостиница «Планерная»); а Лоза на Калужском шоссе предназначалась для загородных совещаний с приближенными к нему руководителями советской госбезопасности. Охрана этой Лозы, по рассказам местного краеведа, состояла всего из восьми человек, но снаружи покой наркома берегли рассыпанные по лесу стрелки

войск НКВД, отгонявшие простолюдинов из числа местных жителей, которых среди партийных вельмож принято было презрительно называть «трудящимися». Почти двадцать гектаров леса огородили деревянным забором, натянув поверх него колючую проволоку (и забор, и проволока сохранились до сих пор). Территорию усадьбы пересекали небольшой ручеек и речка Ордынка, которая перед дамбой впадала в пруд, где разводили рыбу для стола наркома. Ягода любил пировать на всем готовом, поэтому для него держали подсобное хозяйство (на его огородах сейчас воздвигнут храм Новомученикам и исповедникам). «Рассказывает очевидец (из окружения Горького, в то время близкого к Ягоде): в поместье Ягоды под Москвой в предбаннике стояли иконы — специально для того, чтобы Ягода с товарищами, раздевшись, стреляли в них из револьверов, а потом шли мыться...»⁴³. Ягода использовал Лозу, согласно неопубликованным воспоминаниям его племянницы В. Знаменской, для проведения совещаний с руководителями НКВД⁴⁴, которые с 1935 г. проводились ежедневно⁴⁵. По своему характеру они напоминают дружеские попойки. При обыске на квартире и дачах у Ягоды изъято 1229 бутылок дорогих зарубежных вин, 3904 порнографических фотоснимка и 11 порнографических фильмов. Только в 1936 г. на содержание жилья Ягоды НКВД было потрачено примерно 1 150 000 рублей⁴⁶. Кроме того, Ягода, его секретарь Буланов и другие приближенные лица располагали крупными суммами в валюте и большим количеством ювелирных изделий из присвоенных ими конфиската и контрабанды⁴⁷.

Кто именно составлял близкое служебное окружение Ягоды, кому доверял он пострелять в тире своей бани по иконам, полюбоваться внушительной

коллекцией порнографии и отведать изысканных вин? Этот список несложно составить: в совещаниях руководства участвовали его заместитель Агранов, начальники отделов ГУГБ Паукер, Молчанов, Миронов, Гай, Шанин, Слуцкий и Бокий, начальник АХУ Островский, возможно, также Волович (по своей близости к Сталину и другим кремлевским вождям, которых он охранял). По сохранившимся свидетельствам, в этих «кутежах и даже оргиях» принимали активное участие также секретарь НКВД Павел Буланов, начальник ГУПВО (Главного управления пограничной и внутренней охраны) НКВД Михаил Фриновский, помощники Миронова Яков Лоев и Макс Станиславский⁴⁸. К этим фигурам мы еще вернемся.

В дальнейшем, кстати, тир на территории дачи Ягоды использовали в других целях — здесь расстреливали осужденных из Внутренней тюрьмы НКВД на Лубянке (этот тир был преобразован в «спецобъект Коммунарка», злой иронией напоминающий название «Дачной коммуны». Здесь же были позднее расстреляны сам Ягода, его сестры, его заместители и начальники отделов ГУГБ)⁴⁹.

При Ягоде расстрелы производили, по рассказу вышеупомянутого Георгия Агабекова, на задворках клуба НКВД (ул. Дзержинского, д. 13). Для расстрелов предназначалась комната с асфальтовым полом, расположенная за галереей тира, куда осужденных доставляли подземными переходами прямо из камер Внутренней тюрьмы (сейчас на месте ее казематов находится столовая ФСБ). На рассвете, когда производились расстрелы, звуки выстрелов были слышны в столовом зале клуба. После «исполнения» палачи шли в этот зал выпить и закусить. «Встретишь иногда в клубе лиц, известных как палачей, — вспоминает Агабеков. — Если они уже

являются совершенно пьяными и особенно шумные, то ты уже знаешь, в чем дело. Они расстреливали, и их угостили хорошей порцией водки».

Допросы в главном здании на Лубянке проводились, главным образом, по ночам. К утру подуставшие сотрудники госбезопасности шли развеяться и обменяться впечатлениями в клуб НКВД, где под аккомпанемент выстрелов из «тира» встречали кровавую зарю нового дня, задумчиво глядя через окна на первые лучи солнца, неспешно поднимающегося со стороны Кремля. Вскоре шумной ватагой к ним присоединялась уже подвыпившая компания палачей, тоже закончивших свою работу⁵⁰. «Роскошное помещение клуба НКВД, — пишет в «Тайной истории сталинских преступлений» часто бывавший в этом заведении в 1936 году будущий резидент НКВД в Испании и будущий перебежчик Фельдбин-Орлов, — превратилось в некое подобие офицерского клуба какого-либо из дореволюционных привилегированных гвардейских полков. Начальники управлений НКВД стремились превзойти друг друга в устройстве пышных балов. Первые два таких бала, устроенные Особым отделом и Управлением погранвойск, прошли с большим успехом и вызвали сенсацию среди сотрудников НКВД. Советские дамы из новой аристократии устремились к портнихам заказывать вечерние туалеты. Теперь они с нетерпением ожидали каждого следующего бала.

Начальник Иностранного управления Слуцкий решил продемонстрировать «неотесанным москвичам» настоящий бал-маскарад по западному образцу. Он задался целью перещегоолять самые дорогие ночные клубы европейских столиц, где сам он во время своих поездок за границу оставил уйму долларов.

Когда мы с Берманом⁵¹ вошли, представшее нам зрелище действительно оказалось необычным для Москвы. Роскошный зал клуба был погружен в полумрак. Большой вращающийся шар, подвешенный к потолку и состоявший из множества зеркальных призм, разбрасывал по залу массу зайчиков, создавая иллюзию падающего снега. Мужчины в мундирах и смокингах и дамы в длинных вечерних платьях или опереточных костюмах кружились в танце под звуки джаза. На многих женщинах были маски и чрезвычайно живописные костюмы, взятые Слуцким напрокат из гардеробной Большого театра. Столы ломились от шампанского, ликеров и водки. Громкие возгласы и неистовый хохот порой заглушали звуки музыки. Какой-то полковник погранвойск кричал в пьяном экстазе: «Вот это жизнь, ребята! Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!»

Заметив нас с Берманом, устроитель бала воскликнул: «Пусть они выскажутся! Это два европейца. Скажите откровенно, — продолжал он, обращаясь к нам, — видели вы что-нибудь подобное в Париже или в Берлине? Я переплюнул все их Монмартры и Курфюрстендамы!»

Нам пришлось подтвердить, что бал, устроенный Иностранным управлением, превосходит все, что нам доводилось видеть в Европе. Слуцкий просиял и принялся наливать нам шампанское. Миронов, сидевший за тем же столом, воскликнул: «Что и говорить, ты был бы неплохим содержателем какого-нибудь перворазрядного парижского борделя!»

В самом деле, это ампула подошло бы Слуцкому гораздо больше, чем должность начальника советской разведки, не говоря уж о должности секретаря парткома НКВД, которую он занимал по совместительству последние три года.

В зале стояла страшная духота, и мы быстро покинули этот бал. Прямо напротив клуба возвышалось огромное мрачное здание НКВД, облицованное снизу черным гранитом. За этой гранитной облицовкой томились в одиночных камерах ближайшие друзья и соратники Ленина, превращенные теперь в сталинских заложников»⁵².

Естественно, изматывающие ночные допросы и очные ставки, чередуемые с пьяными оргиями на даче наркома или активным отдыхом в клубе НКВД по соседству с «тиром», приводили руководителей НКВД к нервному истощению, депрессии и алкоголизму. Как говорил один из первых руководителей ВЧК «советский Марат» М.Я. Судрабс-Лацис, «как бы ни был честен человек и каким бы кристально чистым сердцем он ни обладал, работа Чрезвычайных комиссий, производящаяся при почти неограниченных правах и протекающая в условиях, исключительно действующих на нервную систему, дает о себе знать»⁵³. По воспоминаниям офицера Дмитрия Сидорова, сам Лацис не стал исключением из выведенного им правила и производил впечатление крайне распущенного субъекта. Лацис принимал жен арестованных: «в подтяжках поверх голубой рубахи, задравши ноги к потолку, он лежал на кровати. Приходили просительницы, большей частью дамы или старики...

— Расстрелян, — холодно говорил он, ничего не слушая.

— Да нет же, я видела его сейчас, — рыдала женщина.

— Ну, будет расстрелян...

Этот же Лацис поместил в «Известиях Совета рабочих депутатов» свою статью «Законы гражданской войны», в которой доказывал, что раненых нужно добивать, ибо «таковы законы не империа-

листической войны». Сам Сидоров оказался освобожден, поскольку за него хлопотали некоторые его знакомые, в прошлом состоявшие, как и он, в эсеровской партии, и воспользовавшиеся тем, что Лацис был пьян и подписал приказ об освобождении не читая⁵⁴.

Подобных описаний с натуры известно множество. Известен, например, случай, когда сотрудник Особотдела Николай Любецкий, оказавшись во время командировки на морском побережье и будучи мертвецки пьян, зашел в чекистской форме в море, поскользнулся и утонул⁵⁵. Чекисты понимали, что чрезмерное алкогольное возлияние их коллеги было вызвано условиями работы и необходимостью как-то сбросить постоянный стресс, уйдя в загул. Их нравственное разложение стало ахиллесовой пятой и помешало им адекватно оценить ситуацию летом 1936 года, когда Сталин задумал их уничтожить.

История взаимоотношений Сталина и Ягоды довольно извилиста. Человек по своей натуре очень скрытный, Ягода долгое время производил впечатление ограниченного, мелкого и в целом примитивно организованного службиста, чрезмерно увлеченного выпивкой, женщинами и к тому же вороватого. Практически все знавшие Ягodu, чьи сочинения нам доступны, ограничиваются этой характеристикой. Став ключевой фигурой в ГПУ, Ягода добавил к упомянутым качествам барские замашки, высокомерие и грубость по отношению к окружающим. Когда секретарь Сокольнического райкома, которому по партийной линии была подведомственна парторганизация центрального аппарата ГПУ, Терешкина впервые вошла в его кабинет и по незнанию произнесла его фамилию с ударением на первом слого, он презрительно взглянул на нее и

молча указал рукою на дверь⁵⁶. С другими он обращался еще хуже, будучи «знатным матерщинником»⁵⁷. Однако карьера этого человека показывает, что он отнюдь не прост и его возвышение объясняется не одним лишь сталинским расположением.

Противостояние

С конца 20-х гг. одновременно набирают силу два параллельных процесса: все возрастающее усиление роли ОГПУ в государственном механизме власти и укрепление в нем позиций Ягоды и его выдвигенцев. С этого времени Ягода начинает делать первые шаги к тому, чтобы выйти из-под контроля партийного аппарата. Еще в середине 20-х гг. эти тенденции заметил секретарь Политбюро Борис Бажанов: «Я очень скоро понял, какую власть забирает ГПУ над беспартийным населением, которое отдано на его полный произвол. Так же ясно было, почему при коммунистическом режиме невозможны никакие личные свободы: все национализировано, все и каждый, чтобы жить и кормиться, обязаны быть на государственной службе. Малейшее свободомыслие, малейшее желание личной свободы — и над человеком угроза лишения возможности работать и, следовательно, жить. Вокруг всего этого гигантская информационная сеть сексотов, обо всех все известно, все в руках у ГПУ. И в то же время, забирая эту власть, начиная строить огромную империю ГУЛага, ГПУ старается как можно меньше информировать верхушку партии о том, что оно делает»⁵⁸.

На рубеже 30-х гг. Ягода и его соратники задумали беспрецедентное по своим масштабам провокационное дело «Весна», начатое массовыми

арестами на Украине и продолженное репрессиями в Москве, Ленинграде, Воронеже, Сталинграде, Смоленске, Краснодаре, Новочеркасске, Минске. Инициаторами его явились так называемые герои Гражданской — представители группировок Ворошилова — Буденного и Гамарника — Якира, которые соперничали между собою в борьбе за власть над командованием Красной Армии, но в данном случае объединились в целях уничтожения «военспецов», силами которых в действительности была выиграна Гражданская война. Оказавшись в начале своего существования на краю гибели, Советская республика путем превентивных репрессий и шантажа мобилизовала в Красную Армию тех кадровых военных, до кого была возможность добраться. Вынужденно оказавшись на командных постах Красной Армии, эти люди теперь закономерно опасались мести в случае победы Белой гвардии, вследствие чего частью перебежали на ее сторону⁵⁹, те же, у кого такой возможности не было, а таких было большинство (специально для этого к ним были приставлены комиссары), воевали как умели, на победу, и в итоге добились ее, после чего стали новым властям более не нужны и даже опасны. Инициатором принудительного использования в Красной Армии военспецов в свое время выступил Троцкий, так что теперь их удобно было объявить не только скрытыми контрреволюционерами, но еще и троцкистами.

При формировании Красной Армии в 1918 г. численность «военспецов» из бывших офицеров и генералов составляла 80% ее командного состава⁶⁰. В 1918—1920 гг. 18 из 20 командующих фронтами Красной Армии, все начальники фронтовых штабов, 47 из 76 командующих армиями, 82,8% начальников армейских штабов были выходцами из «старой» ар-

мии. К их числу следует добавить и 14 тысяч пленных белогвардейцев, призванных в Красную Армию в 1920 г.⁶¹ Поэтому, поставив задачу «подмести» всех этих людей, да к тому же еще пользуясь поддержкой и Ворошилова, и Гамарника, и примкнувшего к ним «красного милитариста» Тухачевского (хотя последний сам принадлежал к старому офицерству), которые жаждали присвоить себе лавры победителей Гражданской войны, избавившись от истинных творцов победы, Ягода и его приспешники сразу придали делу грандиозный размах.

Украинский историк Ярослав Тинченко, являющийся крупнейшим исследователем дела «Весна», указал, что общая численность арестованных по нему составила не менее 10 тысяч человек и охватывала подавляющее большинство кадровых военных, профессионально подготовленных еще до революции⁶². Но уже в 1931 г. размах репрессий в армии начал производить впечатление, что этим подрывается военная мощь Советского государства. Именно такую трактовку придали делу «Весна» руководители ОГПУ, объединившиеся против Ягоды и решившие разыграть столь выигрышную, как им казалось, карту. Эту группу, известную под названием «пятерки», возглавили преемник Трилиссера Станислав Мессинг и начальник Секретно-оперативного управления Е. Евдокимов. Надо сказать, что эти люди сами были большими специалистами в раздувании абсолютно фальсифицированных политических дел. Они приложили руку к делам «Промпартии», Шахтинскому делу, процессу «Союзного бюро меньшевиков» и ряду других, по которым подводили под расстрел и длительные сроки заключения невиновных людей. Кстати, в самом ОГПУ тот же Евдокимов слыл первым фальсификатором⁶³. Но теперь «пятерка» задумала выступить в тоге об-

личителей «дутых», фальсифицированных дел, борцов с «липачеством»⁶⁴.

Попытка вновь оказалась неудачной. Ягода поспешил заручиться поддержкой Кагановича, а Ворошилов и начальник Главного Политуправления Красной Армии Гамарник поддерживали дело «Весна» с самого начала, поэтому решением Политбюро в конце июля 1931 г. члены «пятерки» оказались выброшены из ОГПУ со следующей формулировкой: «а) эти товарищи вели внутри ОГПУ совершенно нетерпимую борьбу против руководства ОГПУ; б) они распространяли среди работников ОГПУ совершенно несоответствующие действительности разлагающие слухи о том, что дело о вредительстве в военном ведомстве является «дутым» делом; в) они расшатывали тем самым железную дисциплину среди работников ОГПУ»⁶⁵. Я. Тинченко в своей книге «Голгофа русского офицерства в СССР. 1930—1931» описывает трагический конец дела «Весна»: чтобы окончательно зачистить концы, были проведены массовые расстрелы арестованных, спешно осужденных внесудебным порядком. Например, в Ленинграде только в одну ночь со 2 на 3 мая 1931 г. расстреляно свыше трехсот человек.

Однако на сей раз Сталин не упустил случая, чтобы создать Ягоде противовес в ОГПУ. На должность первого зампреда ОГПУ был переведен верный сталинский выдвиженец Иван Акулов (будущий первый прокурор Союза ССР). По замыслу вождя, при абсолютно недееспособном (вследствие болезни) председателе ОГПУ В.Р. Менжинском Акулов станет фактически первым лицом в системе органов госбезопасности. В соответствии со сталинской заповедью «кадры решают все», правой рукой Акулова в предстоящей перестановке руководящих кадров ОГПУ должен был стать новый на-

чальник отдела кадров ОГПУ Д. Булатов — человек Кагановича, перед этим — начальник оргинструкторского отдела ЦК. Но ягодовцы и здесь проявили настойчивость и сплоченность. Они упрямо игнорировали как Менжинского, так и Акулова, все вопросы обсуждая и решая через Ягоду. Булатов и его отдел кадров были ограничены сугубо техническими функциями и никак не влияли на расстановку руководящего состава. Уже в октябре 1932 года Сталин вынужден был отказаться от своего замысла и убрал Акулова из ОГПУ, к чему «немало сил приложил Г.Г. Ягода»⁶⁶. Вскоре за ним последовал и Булатов⁶⁷. Оба они впоследствии были казнены. Изгнание Булатова повлекло затяжной конфликт Ягоды с Кагановичем, который с этого времени в противовес Ягоде начинает поддерживать идею усиления контроля за деятельностью НКВД через другого своего выдвиженца — работника аппарата ЦК Н.И. Ежова. А. Орлов пишет, что Ягода не раз пытался улучшить отношения с Кагановичем, но безрезультатно. «Двухсотпроцентный сталинист», как называл его Молотов⁶⁸, Каганович наблюдал, как Ягода исподволь забирает себе все больше власти, как старательно раздувает свой культ личности. При этом, разумеется, Каганович опасался перемен власти, поскольку прочно связал свою политическую судьбу со Сталиным. Он стал наиболее упорным и последовательным врагом Ягоды среди членов Политбюро, постоянно ожидал с его стороны всяческих подвохов и придумал ему прозвище Фуше. Не исключено, впрочем, что Каганович по малограмотности перепутал наполеоновского министра с Николая Фуке — сюринтендантом Франции, который был умен, ловок и не стеснялся быть едва ли не богаче самого короля, считая себя незаменимым на своем месте. При этом он окружил

короля своими шпионами, которые сообщали ему обо всем, что делалось при дворе. Среди людей, которых вербовал Фуке, оказались даже фаворитка короля, а также духовный исповедник королевь-матери. Кончилось дело тем, что король поручил другому, более мелкому чиновнику финансов Кольберу, провести ревизию деятельности Фуке, которая открыла колоссальные злоупотребления. Король, однако, не подал виду и даже притворился, будто он недоволен Кольбером и хочет его арестовать, вследствие чего Фуке по поручению короля приказал подготовить одну из тюрем для содержания опасного государственного преступника. В один прекрасный день король приказал знаменитому впоследствии д'Артаньяну арестовать коварного министра сразу же после заседания кабинета, и Фуке водворился в собственные казематы. Если Кагановичу стала известна эта история, то неудивительно, что он предназначил Ягоде участь Фуке. По его ли подсказке или же из своих собственных соображений Сталин, почувствовав, что без ягодинских информаторов и охраны он не может сделать и шагу, стал действовать хитростью.

Не менее враждебен Ягоде был Ежов. Его избрали на роль партийного контролера за работой ОГПУ не случайно. Прежде всего, он был известен чрезвычайной дотошностью и невероятной работоспособностью. Трудолюбие Ежова приводило к тому, что у него несколько лет почти не было личной жизни: почти все свое время он проводил на работе. Близких друзей у него было всего трое: замнаркомзема Ф. Конар, замнаркомтяжпрома Г. Пятаков и Председатель правления Госбанка СССР Л. Марьясин (с Пятаковым Ежов впоследствии прекратил общение после пьяной ссоры, перешедшей в потасовку). Из них с Конаром Ежов проводил больше

всего времени: по воспоминаниям секретарши Ежова Серафимы Рыжовой, тот запросто приходил в кабинет Ежова в любое время и проводил там по несколько часов.

В 1933 г. Сталин решил свалить ответственность за организованный им в стране чудовищный Голодомор, унесший жизни нескольких миллионов человек, на группу работников наркомзема, которых обвинили в «контрреволюционном вредительстве». 35 из них были расстреляны, еще 40 осуждены к длительным срокам лишения свободы. В списке казненных фамилия Конара стояла первой. Поскольку Ежов в прошлом тоже являлся заместителем наркомзема, а после ухода из наркомата по оперативным материалам проходил «близкой связью» Конара, Ягода вызывал его к себе на допрос и задавал весьма неприятные вопросы⁶⁹. Вероятно, Ягода предполагал возможность арестовать Ежова по этому делу, но не получил соответствующей санкции.

На XVII съезде партии в 1934 г. Ежова избрали членом ЦК. Одновременно он стал заместителем Кагановича по Комиссии партийного контроля при ЦК (этот орган был создан взамен ЦКК). Поручая теперь партийный надзор за Ягодой Ежову, Сталин и Каганович могли быть уверены, что тот не простит Ягоде ни малейшей оплошности.

Тем временем как у самих ягодовцев, так и у Сталина сложилось впечатление, что все попытки мирным путем отстранить эту группировку от руководства ОГПУ обречены на неудачу. Поэтому Сталин, как и всегда в подобных случаях, поспешил сменить тактику и внешне стал проявлять себя доброжелателем Ягоды и его выдвиненцев. После смерти Менжинского в 1934 г. Ягода официально возглавил НКВД. В 1935 г. Сталин ввел для работников НКВД специальные звания, руководители этого

ведомства щеголяли в генеральских кителях и шинелях тонкого сукна с золотым шитьем, все окружение Ягоды щедро награждалось орденами и другими наградами. Частыми гостями сталинского кабинета стали не только сам Ягода, но также его первый заместитель Я. Агранов и даже начальники отделов: Миронов, Молчанов, Паукер. Агранов и Паукер в тот период являлись собутыльниками Сталина, он запросто приезжал к Агранову в гости на дачу в Зубалово⁷⁰, причем фамильярно называл его «Яней», а с Паукером охотно развлекался: тот был большой шутник и балагур, неистощимый на выдумки⁷¹. Естественно, Ягоду и его чекистских Лепорелло это вполне устраивало, поскольку к большой политике они оставались в целом равнодушны. Их честолюбие вполне удовлетворялось благосклонностью вождя и самого Ягоды: в 30-е гг. Агранов, Молчанов, Миронов, Гай, Шанин и Паукер удостоились звания «Почетного чекиста» по два раза каждый, все (кроме Шанина) получили также по ордену Красного Знамени, Миронов, кроме того, еще и орден Красной Звезды, Агранов — два ордена Красного Знамени, а Паукер — два ордена Красного Знамени и орден Красной Звезды⁷². Для первой половины 30-х гг., когда ордена и звания выдавались чрезвычайно скупно, а большинство орденов и званий сталинской эпохи еще не было даже учреждено, столь обильное награждение представителей одного ведомства, да еще в мирное время, выглядело беспрецедентно.

«Легкомыслие, проявляемое Ягодой в эти месяцы, доходило до смешного, — свидетельствует А. Фельдбин-Орлов. — Он увлекся переодеванием сотрудников НКВД в новую форму с золотыми и серебряными галунами и одновременно работал над уставом, регламентирующим правила поведе-

ния и этикета энкаведистов. Только что введя в своем ведомстве новую форму, он не успокоился на этом и решил ввести суперформу для высших чинов НКВД: белый габардиновый китель с золотым шитьем, голубые брюки и лакированные ботинки. Поскольку лакированная кожа в СССР не изготовлялась, Ягода приказал выписать ее из-за границы. Главным украшением этой суперформы должен был стать небольшой позолоченный кортик наподобие того, какой носили до революции офицеры военно-морского флота.

Ягода далее распорядился, чтобы смена энкаведистских караулов происходила на виду у публики, с помпой, под музыку, как это было принято в царской лейб-гвардии. Он интересовался уставами царских гвардейских полков и, подражая им, издал ряд совершенно дурацких приказов, относящихся к правилам поведения сотрудников и взаимоотношениям между подчиненными и вышестоящими. Люди, еще вчера находившиеся в товарищеских отношениях, теперь должны были вытягиваться друг перед другом, как механические солдатики. Щелканье каблуками, лихое отдавание чести, лаконичные и почтительные ответы на вопросы вышестоящих — вот что отныне почиталось за обязательные признаки образцового чекиста и коммуниста».

Сталин со своей стороны, как мог, поддерживал уверенность ягодовцев в том, что он нуждается в их услугах, доверяет им, что впереди их ожидают новые награды. Ягоде он даже сулил место в Политбюро, а в 1936 г. предоставил квартиру в Кремле. «Словно бы опасаясь, что Сталин возьмет свое приглашение назад, — пишет А. Фельдбин-Орлов, — Ягода назавтра же перебрался в Кремль, впрочем, оставив за собой роскошный особняк, построенный

специально для него в Милютинском переулке. Несмотря на то что стояли жаркие дни, Ягода приезжал отсюда в свою загородную резиденцию Озерки только раз в неделю. Очевидно, московская пыль и духота были ему больше по нраву, чем прохлада парка в Озерках». Сталин же тем временем неустанно продумывал способы расколоть ягодинскую группировку изнутри — мечта избавиться от них одним разом оказалась явно неосуществимой. То обстоятельство, что Ягода стал ожидать обещанного ему места в Политбюро, автоматически приостанавливало любые возможные попытки захвата власти с его стороны: зачем идти на риск, если на одном из ближайших Пленумов ЦК Сталин сам вручит всемогущему наркому ключи от Кремля?

Начиная с роковой даты 1 декабря 1934 г. — со дня убийства Кирова — Сталин дни и ночи проводит в совещаниях с Ягодой, Аграновым, Молчановым, Гаем, Слуцким и Мироновым. Он предоставил им чрезвычайные полномочия по ведению расследования «измены» партийных вождей вплоть до членов Политбюро (правда, пока только бывших). Они обсуждают вопросы, о которых не полагается знать членам ЦК и даже членам Политбюро. Они чувствуют, что их руками Сталин творит мировую историю. Миронов, состоявший в приятельских отношениях с Фельдбиным-Орловым, в доверительном разговоре с ним выразил это настроение в таких словах: «Дверь открылась, и вошел Каменев в сопровождении охранника. Не глядя на него, я расписался на сопроводительной бумажке и отпустил охранника. Каменев стоял здесь, посередине кабинета и выглядел совсем старым и изможденным... Его речи я слушал когда-то с таким благоговением! Залы, где он выступал, дрожали от аплодисментов. Ленин сидел в президиуме и тоже аплодировал.

Мне было так странно, что этот сидящий тут заключенный — тот же самый Каменев, и я имел полную власть над ним...»⁷³

Здесь имеет смысл напомнить о том, кто такие были применительно к данной ситуации Каменев и Зиновьев. Руководителям центрального аппарата НКВД СССР середины 30-х гг. оба были известны как высшие в недавнем прошлом руководители СССР. Поколение старых большевиков знало обоих, кроме того, как близких друзей Сталина еще с дореволюционных времен.

И вот теперь эти люди по милости Сталина становятся для руководства ГУТБ НКВД не более чем бесправными подследственными, материалом их «кухни». Ощущение всемогущества пьянит главред лубянского ведомства. Сталин, со своей стороны, уже в начале 1935 г. подбрасывает им новую кость: так называемое Кремлевское дело⁷⁴, что позволило Ягоде и его подручным прибрать к рукам весь аппарат обслуживания Кремля. Одним росчерком пера Сталин отдал Кремль со всеми его службами в руки Ягоды (решением Политбюро от 14 февраля 1935 г.).

До этого Ягоде приходилось считаться с тем, что комендатура Кремля находится в подчинении секретаря ВЦИК Авеля Енукидзе. Это означало, что никаких оперативных мероприятий в пределах кремлевских стен нарком внутренних дел не мог проводить без согласования с Енукидзе. До 1934 г. они, насколько можно судить, ладили между собою. Однако Ягоде удалось мастерски разыграть свой главный козырь — информированность. Он прекрасно знал, что в ближайшем, семейном, окружении Сталина — единственном месте, где тот еще мог вести себя более или менее раскованно и откровенно, — не все ладно. Его свояченица Мария

Сванидзе (она была замужем за шурином Сталина Александром («Алешей») Сванидзе) недолго любила сестер своего мужа, периодически приезжавших из Грузии и, как она подозревала, пытавшихся решать какие-то свои проблемы через Сталина. Она же была недовольна невысоким служебным положением своего мужа (он возглавлял одно из управлений Госбанка СССР), считая, что будь он активнее во всякого рода интригах, его карьера была бы более достойной. Больше всего, как видно из ее опубликованного дневника, она ненавидела Авеля Енукидзе из-за его давних, с еще дореволюционных времен, связей с грузинской родней Сталина. Вероятно, она и подтолкнула своего слабохарактерного мужа в начале 1935 г. подать донос о том, что в Кремлевской комендатуре не все благополучно. Поводом для этого стали досужие разговоры и пересуды женской прислуги Кремля, о которых становилось известно через начальника СПО Молчанова Ягоде. Конкретно Сталина они подозревали в убийстве своей второй жены Надежды Аллилуевой (которая в действительности застрелилась после очередной ссоры с мужем). Взявшись за дело, которое они окрестили «Клубок», Молчанов и начальник Оперода Паукер быстро раскрутили целое дело о заговоре против Сталина среди кремлевской прислуги (по делу привлекалось свыше ста человек, почти исключительно женщины). Запутыванием, угрозами и бессонницей они вырвали признательные показания. Енукидзе был обвинен сначала в потере политического чутья, выведен из ЦК, исключен из партии и переведен с понижением на Кавказ. Там он жаловался на допущенную в отношении него несправедливость. Фельдбину-Орлову и Шрейдеру, которые в то время отдыхали в одном из ведомственных санаториев, он говорил: «Больше

всего против меня старается ваш Ягода»⁷⁵. Первоначально Сталин, вероятно, планировал таким способом лишь усыпить ревность Ягоды. Но поскольку тот заботливо передавал ему слухи о фрондерском ворчании Енукидзе, Сталин расщипал: «Енукидзе, оказывается, доволен своим положением, играет в политику, собирает вокруг себя недовольных и ловко изображает из себя жертву разгоревшихся страстей в партии»⁷⁶. В итоге Енукидзе переведен с еще большим понижением в Харьков, где его через полтора года арестовали и вскоре расстреляли внесудебным порядком.

Тем самым Сталин вновь продемонстрировал руководителям НКВД свое дружелюбие и абсолютное доверие. Поощряя возникшую конкуренцию между Ягодой и Кагановичем, Сталин поручил Кагановичу строительство столичного метрополитена. 29 апреля 1935 г. Сталин и его ближайшие родственники отправились осматривать метро. Ягода так организовал мероприятие, что огромная толпа народа, ринувшись приветствовать Сталина, чуть не затоптала его, разъединив сталинскую свиту, опрокинула «огромную чугунную лампу и абажур», а сталинских родственников прижали к колоннам⁷⁷. Сталин, кажется, разгадал грубоватую интригу Ягоды: поссорить его с Кагановичем. 9 мая, встретившись на Ближней даче, они оба «были определенно не в духе», о чем-то долго говорили, уединившись в бильярдной, по возвращении «напряженно молчали»⁷⁸.

Той весной Сталин сделал вид, что недоволен Кагановичем. Он сместил его с поста руководителя московской парторганизации и с должности Председателя КПК (освободившуюся должность занял Ежов, одновременно став и секретарем ЦК) на второстепенную должность наркома путей сообщения.

Но за этим стояла новая интрига. Сталин дал указание Агранову, первому заместителю Ягоды, лично возглавить ГУГБ, но не провел решение по этому вопросу через ЦК. По мысли Сталина, отсутствие ясности в этом вопросе должно было вызвать склоку между Аграновым и Ягодой, раскол в руководстве ГУГБ. Однако этого не случилось. Слишком осторожный «Яня» Агранов ждал решения ЦК, потом робко попытался напомнить Ягоде о сталинском указании, а затем от греха подальше ушел в длительный отпуск «по болезни». Через год, на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года, ему это припомнили...

Ворошилов. Тов. Сталин специально указал Ягоде и вам, чтобы вы возглавили Главное управление государственной безопасности, и потом интересовался, вступили ли вы в отправление ваших обязанностей. И вы вместе с Ягодой, мягко, выражаясь, немного обманули нас.

Косиор. Просто соврали, Агранов. Не так ли обстояло дело, т. Ворошилов? А ведь т. Сталин сколько раз вас об этом спрашивал?

Агранов. Действительно, еще в конце 1935 года по прямому предложению т. Сталина я был назначен начальником Главного управления государственной безопасности. Я ждал выписки из постановления ЦК. Этой выписки не было до конца 1936 года. Когда я спрашивал Ягоду, что означает эта задержка, т. Ягода говорил, что, видимо, ЦК считает правильной точку зрения его, Ягоды, что Главное управление государственной безопасности должно возглавляться самим наркомом. А т. Ягода упорно в продолжение ряда лет сопротивлялся тому, чтобы кто-нибудь руководил ГУГБ помимо него.

Микоян. А почему вы не сказали ЦК партии об этом?

Агранов. Я после решения ЦК заболел и долго отсутствовал...⁷⁹

Уклончивость Агранова исключала возможность напрямую противопоставить его Ягоде. Сталин почувствовал некий тупик. Как-то в октябре 1935 г., обычно сдержанный и скрытный, он в одном из писем допустил раздраженную проговорку: «Видно, что чекистская часть НКВД не имеет настоящего руководства и переживает процесс разложения... Я думаю, что чекистская часть НКВД болеет серьезной болезнью... Пора заняться нам ее лечением»⁸⁰. Пора-то пора, но как подступиться к всемогущему руководству все сильного ведомства, если каждый шаг самого Сталина находился под его контролем? Связь, охрана, транспорт, комендатура Кремля — все ключи в руках Ягоды! Обо всех перемещениях членов правительства, их встречах и разговорах Паукер регулярно докладывал Ягоде (система слежки за людьми власти на языке руководства НКВД называлась «обволакиванием»)⁸¹.

Для середины 30-х гг. «НКВД — самая большая и мощная организационная структура мира»⁸². Теоретически мощь НКВД могла уравновесить Красная Армия. Однако с середины 1935 г. Особый отдел ГУГБ начал медленно, но с каждым месяцем все активнее разматывать дело о «военно-фашистском заговоре»⁸³. Правда, поначалу из числа видных военачальников арестовывали только бывших троцкистов. Но по всему видно было, что НКВД уже готов подмять под себя и армию.

Ягода, при всех его гедонических наклонностях, оставался лучше, чем кто-либо, осведомлен о настроениях в обществе. Бывший секретарь Политбюро Б. Бажанов целую главу своих воспоминаний посвятил характеристике руководства ГПУ. По его свидетельству, Ягода в начале 20-х гг., еще будучи

новым человеком в коллегии ГПУ, откровенничал в ЦК о своих методах работы с населением: «Кому охота умереть с голоду? Если ГПУ берет человека в оборот с намерением сделать из него своего информатора, как бы он ни сопротивлялся, он все равно в конце концов будет у нас в руках: уволим с работы, а на другую нигде не примут без секретного согласия наших органов. И в особенности, если у человека есть семья, жена, дети, он вынужден быстро капитулировать»⁸⁴. Этим Ягода хотел сказать, что, по сути дела, все слои советского общества снизу доверху буквально нашпигованы внештатными агентами ГПУ, как добровольными, так и принужденными к негласному сотрудничеству. И это не говоря уже о том, что ему удалось с приложением немалых усилий создать себе в стране репутацию неутомимого стража существующего режима. В письме М. Горькому от 18 марта 1933 г. он писал о себе в таких выражениях: «в этой борьбе я чувствую себя сейчас, как солдат на передовых линиях. Я, как цепной пес, лежу у ворот Республики и перегрызаю горло всем, кто поднимает руку на спокойствие Союза». Как же справиться с таким всеведущим и зубастым наркомом?

Хитрый Каганович, которому и было адресовано тревожное сталинское письмо, предложил ловкий выход: помочь Особому отделу НКВД в выявлении врагов и шпионов вплоть до выявления их в самом Особотделе. Ежов, креатура Кагановича, уже в январе 1936 г. стал подыскивать, кого бы ему «разоблачить». Подходящей кандидатурой оказался Ю.И. Маковский, бывший резидент НКВД в Польше, ныне замначальника особотдела УНКВД по Омской области, незадолго до этого привлеченный к ответственности за растрату. Ссылаясь на информацию Коминтерна, Ежов объявил, что Маковский

в Польше был перевербован и потребовал разработки его как двойного агента. 1 февраля Маковского этапировали в Москву. Ягода понимал, откуда ветер дует, и 3 февраля направил Сталину секретный доклад о том, что Маковский — растратчик, допустивший присвоение секретных фондов, но контрреволюционных связей не имел. 7 февраля Ежов подает свою докладную записку, где указывает, что дело в отношении Маковского ведут его бывшие сослуживцы по Особотделу, что может вызвать сомнения в объективности и полноте расследования. «Тов. Ягода не сообщает», утверждал Ежов, об основаниях подозревать Маковского в связях с польской разведкой. Ежов предлагал усилить контроль со стороны ЦК за ходом расследования этого и других дел в аппарате ГУГБ. Сталину именно это и требовалось⁸⁵.

Так началось то, что Ягода называл «влезанием в дела НКВД» со стороны Ежова. Ежов ответил не менее метким словом — он докладывал Сталину, что в ГУГБ «что-то пружинят», «смазывают» дела. Ягода попытался воспрепятствовать Ежову вмешиваться в следственные дела. Сталин позвонил Ягоде и предупредил: «Смотрите, морду набьем»⁸⁶. Сталин блефовал: все члены советского правительства находились под постоянным «колпаком» НКВД, руководители этого ведомства в любой момент могли взять власть в свои руки. Но Ягода струсил. Ему казалось настолько незыблемым положение главы тайной полиции, он настолько привык к тому, что Сталин сквозь пальцы смотрит на его чудовищные растраты и кутежи, что ему не хотелось лезть в большую политику. Нарком решил ограничиться тем, что имел. Он не пошел против Сталина в тот момент, когда все мыслимые козыри были у него на руках. И этим погубил себя.

В то же время, как опытный интриган, он упорно, как говорят аппаратчики, держался за кресло. Почувствовав недоброжелательную интригу со стороны Ежова и стоящего за его спиной Кагановича, Ягода засуетился. 9 февраля он разослал всем республиканским наркомнам внутренних дел, а также начальникам краевых и областных УНКВД директиву, требующую усилить репрессии против бывших оппозиционеров, ликвидировать без остатка «троцкистско-зиновьевское подполье». 25 марта 1936 г. он обращается с письмом к Сталину, предлагая провести массовые репрессии против «врагов народа» внесудебным порядком, тех же, кто будет «уличен» в участии в террористических организациях, провести через Военколлегию Верховного суда и поголовно расстрелять. Не дожидаясь ответа, уже 31 марта он рассылает по линии НКВД новую оперативную директиву, где поставил задачей «выявление, разоблачение и репрессирование всех троцкистов-двурушников»⁸⁷. Вскоре стало набирать стремительные обороты целиком сфальсифицированное и провокационное дело Каменева — Зиновьева. Молчанов, собрав у себя расширенное совещание руководящих работников ГУГБ, объявил, что нарком поручил ему расследовать дело о заговоре с целью государственного переворота и о том, что в его распоряжение до конца следствия откомандированы ведущие работники из других отделов⁸⁸.

Руководитель расследования инициативно ввел в число обвиняемых трех своих агентов (Ольберга, Фрица Давида и Бермана-Юрина), которым было обещано, что судить вместе с другими их будут только для виду, а после суда отправят на руководящую работу с новыми документами⁸⁹. Одним подследственным он грозил репрессиями против их семей, другим — тем, что в протоколе судебного

заседания все равно запишут, что они во всем признались. Тексты показаний мнимых «заговорщиков» готовил Миронов. К расследованию присоединились Волович, Гай и Слуцкий со своими подчиненными. Всем обвиняемым обещали жизнь, если они во всем признаются. Молчанов придумал новый способ допроса — следственный конвейер, когда следователи, сменяя друг друга, несколько суток подряд без перерыва допрашивали арестанта до полного изнеможения, пока не даст требуемых показаний. По свидетельству Кривицкого, продолжительность такого допроса могла достигать 90 часов⁹⁰. Но и перерывы между допросами не приносили облегчения. В тюремных камерах, где содержались политзаключенные, круглосуточно горел свет. Это препятствовало производству мелатонина — гормона, вырабатываемого человеческим мозгом только во сне, нехватка которого приводит к переутомляемости, бессоннице, депрессивному синдрому; его выработка зависит от условий освещенности, поэтому его называют «гормоном темноты». Человек, длительное время вынужденный спать при ярком свете, теряет волю к сопротивлению, становится вялым и подавленным.

На совещании следователей Молчанов заявил: «Я вам говорю это официально, от имени наркома: идите к своим подследственным и задайте им жару! Навалитесь на них и не слезайте с них до тех пор, пока они не станут сознаваться!»⁹¹. Уже в мае в распоряжении Молчанова имелись признательные показания пятнадцати обвиняемых⁹².

Летом 1936 г. Ежов представлял Сталину проекты резолюций ЦК, направленных на выявление скрытых троцкистов и изгнание их из аппарата госучреждений⁹³. О том, что к числу таких учреждений принадлежит и сам НКВД, его руководители

до поры до времени не могли подумать и в страшном сне. При этом Ежов участвовал в проводимых Молчановым совещаниях в центральном аппарате НКВД. На словах он всячески поддерживал Молчанова и его мероприятия по расследуемому делу, на деле же внимательно следил за внутренними склоками среди руководства НКВД. Особое положение Молчанова вызывало недовольство и зависть остальных руководителей госбезопасности. На совещаниях говорили о том, что наиболее упорных подсудимых, не желающих давать нужных показаний, он передавал работникам других отделов, временно командированным в его оперативное подчинение, а своим сотрудникам передавал тех обвиняемых, кто уже во всем признался. Ревниво относясь к своим инквизиторским «изобретениям», он запрещал их использовать другим, не менее рьяным карьеристам. «Методы такого рода, — поучал Молчанов, — могут применяться только в виде исключения по отношению к особо важным обвиняемым, да и то лишь по специальному разрешению товарища Ежова. А вам необходимо вести следствие так, чтобы арестованный ни на секунду не усомнился, что вы действительно считаете его виновным. Можете играть на его любви к семье, на специальном постановлении, касающемся детей, в общем, на чем хотите, но соглашаться с арестованным, что он лично не виновен, и такой ценой получать его признание — абсолютно недопустимо!»⁹⁴ Подобная исключительность положения Молчанова крайне раздражала остальных. Эти вроде бы малозначительные аппаратные склоки, внимательно отслеживаемые Ежовым, впоследствии были им использованы, когда отчаянный фаталист Молчанов исчерпал милости Фортуны.

Молчанов понимал не хуже других, какую игру задумал против него Ежов. Он и его помощник И.В. Штейн начали скрывать от Ежова некоторые материалы следствия, распорядились при появлении Ежова не вести между сотрудниками разговоров на служебные темы, допросы прекращать. Узнав об этом, Ежов избрал тактику внезапных приездов из здания ЦК на Лубянку, без предупреждения требовал выдать ему из Внутренней тюрьмы заключенных и сам их допрашивал, стал запрашивать информацию от различных сотрудников НКВД в обход Молчанова и Штейна⁹⁵. Те регулярно докладывали об этом Ягоде, который старался дискредитировать Ежова, постоянно напоминая Сталину о некомпетентности партаппаратчика Ежова в оперативной работе. Ежов со своей стороны подавал это как «смазывание и сворачивание дел».

Представляется, что Сталин не верил ни Ягоде, ни Ежову. Ему важно было вбить клин в руководство НКВД, противопоставив Ягоде двух его заместителей — Агранова и Прокофьева. Агранов был уже задет тем, что его подчиненный Молчанов стал к лету 1936 г. второй по значимости (после наркома) фигурой в наркомате. Ежов нарочно подогревал это раздражение, общаясь напрямую не с Аграновым, а с Молчановым. Георгий Прокофьев некогда являлся ключевой фигурой в органах госбезопасности и до 1931 г. возглавлял Экономическое управление, а затем стал начальником Особотдела ГПУ. Но после дела «Весна» Ягода, избавившись от «пятерки», решил заодно сплавить и Прокофьева: его перевели в рабоче-крестьянскую инспекцию. Потом, правда, он стал заместителем Ягоды, но тот держал его на второстепенных участках; сначала Прокофьев курировал работу милиции, а затем стал председателем спортобщества «Динамо».

Естественно, положение почетного «динамовца» не могло его устраивать. И он, конечно, не мог любить Ягоду. 23 февраля 1935 г., пользуясь, видимо, тем, что Ягода отмечал день Красной Армии, Прокофьев за его спиной направил непосредственно Сталину секретное донесение о том, что у одного из арестованных при обыске изъят личный архив Троцкого за 1927 г. Именно это донесение Прокофьева послужило непосредственным поводом для сталинской резолюции: «Чрезвычайно важное дело, предлагаю передать архив Ежову, во-вторых, назначить Ежова наблюдать за следствием, чтобы следствие вела ЧК совместно с ЦК»⁹⁶. Спустя год «наблюдения за следствием» Ежов приступил, как уже было сказано, к ловле «шпионов» в самом аппарате НКВД.

Сталин запомнил готовность Прокофьева предать своего шефа Ягоду и, словно опытный шахматист, к середине лета 1936 г. продумал изящную комбинацию, позволившую ему разыграть обе фигуры — Агранова и Прокофьева — против Ягоды. Раздражение их в отношении слишком ретивого начальника отдела — Молчанова — было удачно использовано Ежовым для того, чтобы вступить летом 1936 г. втайне от Ягоды в переговоры с Аграновым.

Впоследствии Агранов рассказал на одном из совещаний работников центрального аппарата НКВД о том, как именно происходил его контакт с Ежовым: «Ежов вызвал меня к себе на дачу. Надо сказать, что это свидание носило конспиративный характер. Ежов передал указание Сталина на ошибки, допускаемые следствием по делу троцкистского центра, и поручил принять меры, чтобы вскрыть троцкистский центр, выявить явно нескрытую террористическую банду и личную роль Троцкого в этом деле. Ежов поставил вопрос таким образом, что либо он сам созывает оперативное совещание,

либо мне вмешаться в это дело. Указания Ежова были конкретны и дали правильную исходную нить к раскрытию дела.

Именно благодаря мерам, принятым на основе этих указаний Сталина и Ежова, удалось вскрыть зиновьевско-троцкистский центр. Однако развертывание следствия... проходило далеко не гладко. Прежде всего глухое, но упорное сопротивление оказывал Молчанов, который старался это дело свернуть»⁹⁷.

В словах Агранова для нас важно то, что первый заместитель Ягоды вел за его спиной тайные переговоры на даче Ежова. Хорошо зная систему слежки за контактами работников аппарата ЦК, он, конечно, имел возможность попасть к нему на дачу так, чтобы не угодить в спецдонесение своих подчиненных из Оперода. Попытаемся датировать эту встречу. Выступая на февральско-мартовском Пленуме 1937 года, Ежов сказал: «Я вызвал Агранова к себе на дачу в выходной день под видом того, чтобы погулять... После долгого разговора, довольно конкретного, так и порешили — он пошел в Московскую область и вместе с москвичами они взяли Дрейцера, и сразу же прорвалось». Признательные показания следственно-арестованного Дрейцера (в 20-е годы начальника личной охраны Троцкого), судя по датировке его допроса, действительно были получены лично Аграновым в присутствии работников НКВД Московской области Радзивиловского, Якубовича и Симановского (которых Ежов собирательно именует «москвичами») 23 июля⁹⁸. Даже простое сопоставление дат показывает, что Агранов отставал от своего удачливого соперника Молчанова: как мы увидим ниже, к тому времени тот уже успел вытянуть признания из большинства арестованных по делу Каменева — Зиновьева,

включая главных фигурантов, и вместе с Ягодой и Мироновым доложить об этом Сталину.

Так когда же все-таки состоялось тайное рандеву Ежова с Аграновым? Ответ на этот вопрос можно найти в рапорте замначальника УНКВД по Москве и Московской области А.П. Радзивиловского Ежову, написанном в День чекиста, 20 декабря 1936 г. Вероятно, рассчитывая на награду и напоминающая о своих заслугах, Радзивиловский, в частности, сообщил о своей работе с Аграновым в июле того же года: «Исключительно тяжелая работа в течение трех недель над Дрейцером и Пикелем привела к тому, что они начали давать показания»⁹⁹. Отсчитав от даты получения этих показаний три рабочих шестидневки, попадаем на выходной день — 6 июля 1936 г. Это совпадает и с утверждением Ежова, что он встречался с Аграновым вскоре после июньского Пленума ЦК¹⁰⁰.

Это избобличает и Агранова, и Ежова в беспардонной лжи. Цель их встречи заключалась вовсе не в том, чтобы ускорить, углубить или еще каким-либо образом улучшить качество следствия по делу Каменева — Зиновьева. До этой встречи Молчанов, Миронов и другие ягодовцы успели получить нужные им показания. В частности, один из главных обвиняемых Мрачковский уже 4 июля подписал протокол, где было сказано, что Троцкий передал ему «указание убить Сталина и Ворошилова». Некоторые другие арестованные по этому делу «признались» еще в июне. Что же до Пикеля, то, как свидетельствует знавший его еще до ареста Фельдбин-Орлов, дать необходимые показания заядлого картежника уговорили давние партнеры по покеру Островский, Гай и Шанин, а протокол составил Миронов. Не исключено, что Фельдбин-Орлов сам принимал участие в этой беседе, поскольку он пере-

дает реакцию Пикеля (по старой памяти называя друзей по именам, арестант сказал им: «Ох, ребята, боюсь, вы меня впутали в грязное дело. Смотрите, как бы вам не лишиться классного партнера!»)¹⁰¹. Так что и в этом случае Агранову похвастать особо нечем.

Вывод из вышеприведенных фактов может быть только один. Агранов не имел прямого отношения к расследованию важнейшего дела и за счет этого оказался выброшен за пределы узкого круга сталинских любимцев. Молчанов, Миронов, Гай его попросту обошли. Последующие рассказы Ежова и Агранова о том, как Молчанов тормозил следствие, а они «взяли Дрейцера, и сразу же прорвалось», представляли собою типичную хлестаковщину. Ход расследования дела Каменева — Зиновьева вообще интересовал собеседников во вторую очередь. Каждого больше волновала личная цель. Ежову нужен был свой человек в руководстве НКВД, выпавший из обоймы близких к Ягоде руководителей, чтобы с его помощью облегчить реализацию сталинских планов смены руководства НКВД. Агранову же он, вероятнее всего, предложил просто поставить на место удачливого выскочки Молчанова. Вряд ли Агранов тогда всерьез думал о том, чтобы выступить против своего всемогущего шефа Ягоды. Скорее ему лишь предоставили возможность подать донос на своего не в меру ретивого подчиненного Молчанова, который прибрал к рукам практически весь процесс политического сыска в СССР. Через полгода, на февральско-мартовском Пленуме ЦК, Агранов прямо скажет о причинах, толкнувших его на тайный сговор с Ежовым: «Я должен сказать, товарищи, что Молчанов был формально подчинен мне, как заместителю наркома. Но на деле, в силу той системы руководства НКВД, о которой

я буду говорить дальше, Молчанов непосредственно подчинился народному комиссару т. Ягоде». Зависть к удачливому Молчанову, основанная на беспокойстве за собственное карьерное благополучие, буквально сквозила истерическими нотками в словах Агранова: «Аппарат находился в руках Молчанова... Мне казалось, что это человек тупой, ограниченный, способный на обман и надувательство» (на что последовала меткая реплика Молотова: «Как он ни тупой, но он вас вокруг пальца обвел»)¹⁰².

Утверждение Агранова, будто начальник СПО пытался «это дело свернуть», не просто противоречит действительности. Оно противоположно реальным событиям. Еще 5 февраля 1936 г. Молчанов подал Ягоде докладную записку о существовании по всему СССР троцкистской подпольной организации «по принципу цепочной связи небольшими группами» с террористическими целями. Именно на основании его докладной 9 февраля была разослана директива НКВД о «ликвидации без остатка» этой созданной воображением Молчанова организации, о применении карательных мер ко всем бывшим участникам партийных оппозиций¹⁰³. Он лично (вместе с Воловичем) ездил на квартиру Зиновьева производить его арест, он упивался своими инквизиторскими способностями и постоянно их совершенствовал, он действовал с каким-то охотничьим азартом. Именно его усердие стало спусковым механизмом, открывшим шлюзы грандиозному процессу массовых репрессий 1936—1939 гг. То был прирожденный опричник. Думается, Аграновым двигала замешанная на страхе зависть к поистине дьявольской изобретательности слишком шустрого подчиненного, которая грозила самому Агранову смещением с должности, ведь Молчанов к лету

1936 г. и так стал фактически вторым лицом в НКВД. Сам прокурор Союза ССР Вышинский, по свидетельству Фельдбина-Орлова, «по первому вызову Молчанова являлся к нему с неизменной подхалимской улыбочкой на лице»¹⁰⁴. Кроме того, в центральном аппарате бытовало (вероятнее всего, обоснованное) мнение, что этот человек выступал «информатором наркома о настроениях, которые существуют у того или иного работника НКВД»¹⁰⁵.

Для иллюстрации приведем лишь один пример расследования по-молчановски, о котором в «Тайной истории сталинских преступлений» сообщает Фельдбин-Орлов. В руки начальника СПО попал И. Рейнгольд — родственник и сподвижник члена ЦК Г. Сокольников, видный государственный чиновник (на момент ареста — председатель Комитета хлопковой промышленности), с которым Молчанов был в неплохих, почти приятельских отношениях до его ареста. Сначала он приказал своим подчиненным подвергнуть арестанта двухсуточному непрерывному допросу, при этом в присутствии допрашиваемого были выписаны ордера на арест его семьи. «Подготовив» своего знакомого тем самым к решающей беседе и изображая сочувствие старому приятелю, Молчанов среди ночи вызвал его в свой громадный кабинет с роскошной приемной, где, несмотря на ночное время, работал целый аппарат секретарей, и, произведя на того должное впечатление своей значительностью, сделав скорбное лицо, вручил ему фальшивое постановление Особого совещания НКВД, заверенное настоящей печатью и содержащее смертный приговор. При этом Молчанов пообещал добиться отмены этого приговора, если Рейнгольд даст убийственные показания в отношении самого себя и тех лиц, кого он ему укажет. Рейнгольд вынужден был согласить-

ся (впоследствии его расстреляли уже на основании настоящего приговора)¹⁰⁶.

В показаниях Рейнгольда говорилось о том, что он и названные им «соучастники» планировали убить Сталина и председателя Совнаркома Молотова. Эти показания, полученные Молчановым и отредактированные Мироновым, Ягода с гордостью передал Сталину. Тот на следующий день (10 июля) вернул ему протокол с собственноручно вычеркнутой фамилией Молотова¹⁰⁷. Не исключено, что это произошло в присутствии самого Молотова: он находился в кабинете Генерального секретаря, когда в него в 14.55 вошли Ежов, Ягода, Агранов и Молчанов¹⁰⁸. Последний, торжествуя и красуясь, выложил на стол заседаний «специальную карту, наглядно представляющую, когда и через кого Троцкий участвовал в «террористическом заговоре». Паутина разноцветных линий на этой карте изображала связи Троцкого с главарями заговора, находившимися в СССР. Было показано также, кто из старых членов партии уже дал требуемые показания против Троцкого, а кому это еще предстоит. Карта выглядела внушительно, прочно связывая между собой Троцкого и главарей заговора в СССР». Это произведение искусства Молчанов еще с весны прихватывал с собою, направляясь в Кремль на прием к вождю¹⁰⁹.

Фельдбин-Орлов, работавший в то время заместителем Шанина, очень близкого к Ягоде, сообщает, что среди работников центрального аппарата НКВД пошли разговоры о скором смещении Молотова и даже его вероятном аресте, как это случилось с последним близким другом Сталина Енукидзе. Молотова в спешном порядке отправляют в отпуск, причем вождь впервые за много лет не пришел на

вокзал проводить его, а Фельдбин-Орлов перед самым отъездом Молотова узнал от одного из своих подчиненных, что лично Ягода поручил ему под предлогом охраны сопровождать Молотова и при этом исключить всякую возможность для него совершить самоубийство. Нетрудно себе представить, какой вид приняла подобная охрана Молотова, которому ни на минуту не давали возможности остаться наедине.

Еще раньше зарубежная эмигрантская пресса обратила внимание на то, что в официальных публикациях главного партийного органа — газеты «Правда» — Молотова стали реже упоминать среди вождей — соратников Сталина, а если упоминали, то ставили после Кагановича и Ворошилова, иногда даже лишая инициалов¹¹⁰. Поскольку эмигрантские издания рассылались для ознакомления членам ЦК, то вскоре опала Молотова перестала быть секретом и в кремлевских, и в лубянских кругах. Особое усердие Ягоды в этом деле тоже произвело впечатление, причем в первую очередь, думается, на самого Молотова.

Сталин продержал его в южной ссылке под домашним арестом целых шесть недель¹¹¹. Разумеется, это вызвало чрезвычайное раздражение Молотова по отношению к Ягоде, проявившему такую инициативу в деле надзора за опальным главою советского правительства. Принято считать, что причиной этого поступка Сталина стало отрицательное отношение Молотова к предстоящей судебной расправе над бывшими членами Политбюро¹¹². Видимо, руководствуясь инстинктом самосохранения, Молотов хотел бы получить гарантии личной неприкосновенности для членов Политбюро, одним из которых он являлся. Возможно, у Сталина действительно имелось намерение демонстративно

проучить Молотова: даже после возвращения в Москву его фамилия так и не появилась в списке вождей Советского государства, которых якобы планировали убить зиновьевцы, хотя в нем фигурировало большинство остальных членов Политбюро и даже кандидаты в члены Политбюро¹¹³. Версия сталинского гнева выглядела очевидной и оказалась настолько живучей, что высказывается и в наши дни¹¹⁴.

Однако это был скорее всего отвлекающий маневр. Лишь со временем выяснилось, на что в действительности был направлен сталинский замысел и для чего именно Сталину понадобилось вызвать у председателя Совнаркома Молотова раздражение и неприязнь по отношению к Ягоде. А тот, ни о чем не подозревая, чувствовал себя хозяином положения.

Попытаемся реконструировать один день, прожитый Ягодой, а именно, 15 июля 1936 г. По степени важности первым докладом в тот день должно было стать сообщение ИНО о событиях в Испании, где со дня на день ожидалось начало гражданской войны. В этот день глава испанской компартии Х. Диас сделал провокационное заявление на этот счет в испанском парламенте, несомненно, согласованное с Коминтерном. Испанские события в июле 1936 г. находились в центре внимания Сталина и сводки об этом наверняка поступали Ягоде ежедневно.

В тот же день состоялось очередное заседание внесудебного карательного органа — Особого совещания при НКВД¹¹⁵ (Ягода должен был предварительно завизировать выносимые этим органом приговоры). Еще одно спецдонесение не могло не порадовать злое сердце главы НКВД — 15 июля в подмосковном селе Удельное (ныне поселок) перестало биться сердце первого президента Академии

наук СССР, избранного на этот пост еще до Октябрьской революции, выдающегося российского геолога Александра Петровича Карпинского. Он принадлежал к старому, дореволюционному поколению академиков, которое с начала 30-х гг. при активном содействии НКВД начали усиленно вытравливать. Их подвергали публичной обструкции, запрещали публиковать свои труды за рубежом, изгоняли с преподавательской работы, закрывали перед ними двери научных учреждений и лабораторий, травили в печати. В конце 20-х гг. численность действительных членов Академии была удвоена, чтобы разбавить дореволюционное поколение ученых так называемой красной профессурой, наскоро подготовленной из агрессивно настроенного «пролетарского студенчества». Прямым решением Совнаркома без согласования с Академией в ее устав был внесен п. 24, предписавший ей лишать академического звания ученых, «приносящих вред СССР». Чтобы унижить А.П. Карпинского, ему разрешили обращаться в высшие партийные инстанции по любому вопросу только через председателя Госплана Глеба Кржижановского, известного тем, что он сочинил революционную песню «Варшавянка», чем его вклад в сокровищницу человеческой мысли и ограничился, навязанного Академии в качестве вице-президента.

В 1933 г. ведомство Ягоды начало разрабатывать в отношении большой группы ученых насквозь фальшивое дело «Об антисоветском Национально-фашистском центре». А.П. Карпинский умер в самый разгар публичной травли выдающегося математика с мировым именем, основоположника целой научной школы академика Н.Н. Лузина. В отношении него были получены бредовые показания, будто он лично встречался с Гитлером и получал от него

какие-то «инструкции». Центральная печать пестрела злобными статьями на эту тему с названиями вроде «О врагах в советской маске», коллеги и ученики спешили отмежеваться от опального академика. Кстати, 15 июля Ягода мог прочитать в «Правде» очередную статью из этой серии: «Академик Губкин о так называемом академике Лузине». Кампания травли «так называемого» академика шла полным ходом: устраивались митинги в учебных и научных заведениях, где задавленные страхом перед всевидящим оком НКВД ученые единодушно клеймили одного из самых выдающихся представителей отечественной математики¹¹⁶. Чтение «академических» материалов 15 июля должно было доставить желчному Ягоде несколько приятных минут. К слову сказать, новый президент Академии был избран лишь спустя полгода, после основательной «чистки» научно-академических кругов.

Наконец, так сказать, на десерт, Ягода вероятнее всего оставил самую приятную новость. К нему на прием явился посетитель, некто А.И. Преображенский, директор Художественного музея из города Горький (Нижний Новгород) и сообщил радостное известие: глава Горьковского УНКВД М. Погребинский, известный своими литературными увлечениями, пригласил его написать вдвоем книгу о героическом пути народного комиссара Г.Г. Ягоды. Примечательно, что Погребинский любил описывать преступный мир, среди коего едва ли не слыл за своего и даже имел, как и подобает уголовнику, звериную кличку; по воспоминаниям М. Горького, «он носит рыжую каракулеву шапку кубанских казаков, и «социально опасные» зовут его «Кубанка». Он говорит с ними на «блатном» языке тем же грубовато дружеским и шутивным тоном, как и они с ним»¹¹⁷. Набив руку и отточив перо на описании

быта и нравов криминального элемента, Погребинский посчитал, что дорос до описания Ягоды. Собственно, его соавтор прибыл к своему персонажу за биографическим материалом. Тщеславный Ягода не мог устоять перед соблазном таким способом обессмертить свое имя, ведь он считал себя уже фигурой до некоторой степени исторической. В стране немало было сделано для прославления органов НКВД и их руководителя.

Когда Ягода возглавил НКВД, «в газетах появились хвалебные статьи об организаторских способностях Ягоды и фотографии Сталина и Ягоды, где они были изображены чуть ли не в обнимку»¹¹⁸. В стране пели песню: «Сам Ягода ведет нас и учит. Зорек глаз его, крепка рука». Его имя носили заводы и фабрики, на его родине в городе Рыбинске существовала площадь Ягоды (ныне Соборная), обсуждался даже проект переименовать город Рыбинск в Ягоду¹¹⁹. Не хватало лишь особой книги о Ягоде. И вот теперь работа над этой книгой началась. Правда, автор не успел ее закончить, да и гонорар за нее получил незавидный: через полтора года его расстреляли за восхваление «врага народа Ягоды»¹²⁰. Об этом не стоило бы упоминать, однако нам важно попытаться представить себе настроенная наркома 15 июля 1936 г. Дело в том, что в тот день он подписал очень важный кадровый приказ, который, вероятнее всего, был подготовлен либо Аграновым, либо кем-то по его поручению. Чтобы лучше оценить его значимость, необходимо сделать еще одно небольшое отступление относительно кадровой политики Ягоды.

Упоминая о весьма сибаритских наклонностях наркома и его ближайшего окружения в личной жизни, нельзя не отметить, что в отношении НКВД в целом Ягода выступал поклонником железной

дисциплины и за малейшие признаки «морально-бытового разложения» карал безжалостно, вплоть до увольнения и даже предания суду. Он мечтал создать беспрекословно подчиняющуюся ему структуру, в которой не оставалось бы места для личной жизни. С подчиненными он был крут, груб и не церемонился с теми, кто допускал малейшие провинности. Не говоря об уволенных, в 1934 г. было предано суду 2860, в 1935-м — 6349, в 1936-м — 1945 сотрудников НКВД¹²¹. Разумеется, некоторое количество работников НКВД отдано под суд по инициативе прокуратуры или партийных органов. Однако известно, что и сам Ягода не имел пощады к «бытовым перерожденцам», кроме своих приближенных. Служебные упущения при Ягоде карались иногда оригинальными дисциплинарными методами. Об одном из них рассказывает служивший в то время в Опероде ГУТБ НКВД А.Т. Рыбин: «Иногда сотрудник терял в толпе объект наблюдения, о чем докладывал начальству. В этих случаях сотрудник подвергался гражданской казни. Был такой начальник Офицеров, который водил несчастного в подвал на расстрел. Бывало, идет по лестнице в подвал, ткнет в спину жертву дулом «маузера» № 2 и скажет: «Ну, сволочь, пошел вон отсюда! В следующий раз утеряешь объект, обязательно здесь же сам расстреляю». Несчастный ни жив ни мертв вылезал из подвала здания Лубянки. Там такие дебри, что сам черт не вылезет оттуда»¹²² (если речь здесь идет о Василии Федоровиче Офицерове, то в конце октября 1937 г. ему пришлось еще раз прогуляться к месту расстрела, только на сей раз ему самому «вылезти оттуда» довелось только в виде трупа)¹²³.

Как усердный садовник заботливо выращивает свой сад, с таким же тщанием Ягода облюбовал Внутреннюю тюрьму НКВД, находившуюся во дво-

ре Главного здания. По замыслу Ягоды, вероятно, она должна была стать не просто наиболее секретным узилищем, обеспечивающим полную изоляцию арестантов от внешнего мира, но и своего рода постоянным напоминанием чекистам о том, что их ожидает в случае малейшего неповиновения. В начале тридцатых годов над старым двухэтажным зданием тюрьмы (до революции там размещались меблированные комнаты общества «Империал») было надстроено еще три этажа, из которых два верхних с одиночными камерами для арестантов, сидевших там не под своими фамилиями, а под номерами. Теперь она насчитывала 118 камер на 350 заключенных. Режим их содержания был продуман в мелочах. Те, кто побывал в ней, вспоминали, что «Лубянская тюрьма отличалась от других своей строгостью и тщательной изоляцией заключенных от внешнего мира. Здесь не разрешались прогулки, свидания, переписка, чтение; запрещалось иметь бумагу, письменный прибор, даже простой карандаш, нитки, иголки¹²⁴. Не допускалась никакая ручная работа. Заключенные должны были находиться в полном бездействии. В тюрьме царили мертвая тишина и гробовое молчание. Окна с железными решетками были так защищены железными экранами, что заключенные не могли видеть не только двора, но даже и кусочка неба. Всю ночь горел ослепительный электрический свет во всех камерах. Ночные допросы у следователей обставлялись особой таинственностью. В тюрьме было довольно чисто и тепло и, собственно, ничему особенно унижительному заключенных не подвергали, но все условия жизни были так скомбинированы, что производили подавляющее и устрашающее действие на психику. Через короткое время многие впадали в полубредовое состояние; случались не-

редко нервные припадки и умственные заболевания, так что большинство предпочитало сидеть в грязной Бутырской тюрьме»¹²⁵. Если заключенного поощряли прогулкой, то его поднимали в лифте, представляющем собою узкую железную клетку, на крышу здания¹²⁶, где он прогуливался в течение двадцати минут под открытым небом. Прогулочная площадка была разделена на шесть секторов, отделенных высокими железными стенами, окрашенными серой масляной краской¹²⁷.

Рядом с Внутренней тюрьмой в том же дворике находилось подвальное помещение буфета для сотрудников ведомства, куда они ходили завтракать, «ибо в буфете сотрудникам выдавались масло, яйца, хлеб, что в городе можно было достать с большим трудом». В связи с этим поход в буфет вызывал у работников НКВД чувство страха перед Внутренней тюрьмой и Ягодой, который мог их в любой момент туда отправить. «Мы проходили по Внутреннему двору, — вспоминал Г. Агабеков, — разгороженному деревянным забором, у которого стояла часовая. За этим забором помещалась часть внутренней тюрьмы. Недалеко от часовой стоял большой грузовик-ящик, окрашенный в черный цвет. Эту машину, когда она мчится по улицам Москвы, жители называют «черный ворон». Сейчас шофер возился с машиной. Видимо, чистил после ночной работы.

— Когда я вижу эту машину, меня дрожь берет, — сказал Кеворкян, обращаясь ко мне на армянском языке.

— Что, у тебя совесть нечиста? — спросил я. — Нечего дрожать, лучше привыкай. Тебе ведь не миновать внутреннего двора, — добавил я, смеясь»¹²⁸.

Если Ягода получал сигнал о том, что в каком-либо подразделении НКВД неблагополучно, он на-

правлял туда творить расправу верного Миронова, который в частном разговоре с начальником Ленинградского УНКВД Л. Заковским признавался, что ему самому надоели «эти карательные экспедиции»¹²⁹. И вот чья-то услужливая рука подложила на стол наркома проект решения судьбы начальника Западно-Сибирского крайуправления НКВД В. Каруцкого. В годы Гражданской войны Каруцкий никаких наград и почестей не снискал (служил он, к слову сказать, в Белой гвардии у Колчака, затем некоторое время занимался «партизанством», а чуть позже устроился в Красную Армию военследом)¹³⁰, зато в мирное время стал завсегдатаем кремлевских банкетов, где запросто общался с партийными вельможами высшего ранга, в частности, Кагановичем¹³¹. Из-за своей неотесанности в общении с кремлевскими сановниками ему из Москвы пришлось отправиться сначала в Среднюю Азию, а затем в Западную Сибирь. Ягода славился нетерпимым отношением к пьянству тех работников НКВД, кто не входил в его близкое окружение. К примеру, С. В. Пузицкий, многолетний руководитель советской контрразведки, а затем разведки, впоследствии при допросе показал: «В середине 1935 года после ухода из Разведупра я был вызван Ягодой к нему в кабинет. Ягода сразу на меня накинулся с руганью, указав, что я занимаюсь беспробудным пьянством, совершенно не работаю и окончательно разложился, что он вынужден будет, в конце концов, принять по отношению ко мне решительные меры вплоть до того, что передаст суду и поставит вопрос о моем пребывании в партии»¹³².

Что же до Василия Каруцкого, то он близок к Ягоде не был, а при этом, по свидетельству близко знавших его, «Каруцкий любил выпить и с годами все более увлекался этим занятием»¹³³. Вероятную

причину этого сообщает его друг Г. Агабеков: «С Каруцким мы были старые приятели. Молодой человек чрезвычайной толщины, большой добряк, он... очень любил выпить и совсем запил после смерти жены, покончившей с собой из-за каких-то семейных неладов»¹³⁴. Нелады заключались в том, что у нее был сын от первого брака с белогвардейским офицером. От Каруцкого потребовали как условие продолжения чекистской карьеры, чтобы он отослал ребенка к родственникам и не принимал в своем доме. Его жена, не выдержав разлуки с сыном, покончила с собой, и Каруцкий утешался собиранием коллекции порнографических открыток и выпивкой. Его любимая открытка выглядела так: «Болгария, церковь. Ворвались турки, насилуют монашенок». Каруцкий очень любил женщин, и у него был подручный Абрашка, который ему их поставлял. Высматривал, обхаживал, сводничал»¹³⁵. Кончилось дело тем, что 15 июля Ягода снял Каруцкого с работы «из-за недопустимого личного образа жизни... бездеятельности и потери чутья»¹³⁶. Очевидно, что Каруцкий был озлоблен на Ягodu за снятие с должности с подобной формулировкой. Но важно и другое — кремлевские покровители почему-то не спешили за него вступиться. С ним повторили тот же ход, что и с Молотовым — дали ему целых полтора месяца на размышление о том, что с ним станет, если бросить его на произвол Ягоды. Полтора месяца человек жил без персональной автомашины с шофером, без исполнительных секретарей и заискивающих помощников, без «подручного Абрашки». В перспективе были открепление от роскошных ведомственных санаториев и престижных ведомственных же больниц и поликлиник, от системы снабжения продуктами, которых не знали прилавки обычных магазинов, лишение обслужи

(т.е. поваров и горничных), которая по статусу полагалась ему за государственный счет, выселение со спецдачи и роскошного особняка, также полагающихся по должности начальнику крайУНКВД, а дальше — унижительная толкотня в общих очередях, давка в трамваях, отсутствие доступа к привычным продпайкам, невозможность прилично одеться, одним словом — превращение из всемогущих вельмож в совершенно бесправного *простого советского человека, трудящегося*. Для иллюстрации опишем образ жизни начальника Западно-Сибирского УНКВД по воспоминаниям жены С. Миронова-Короля, занявшего эту должность через несколько месяцев после Каруцкого:

«В Новосибирске нам предоставили особняк бывшего генерал-губернатора. В воротах, оберегая нас, стоял милиционер.

Там был большой двор-сад, в нем эстрада, где выступали для нас приезжающие местные актеры, и еще отдельный домик-бильярдная. В самом дворце устроили для нас просмотровый кинозал. И я, как первая дама города, выбирала из списка, какой именно кинофильм сегодня хочу посмотреть.

У меня был свой «двор», меня окружали «фрейлины» — жены начальников. Кого пригласить, а кого нет, было в моей воле, и они соперничали за мое расположение. Фильмы выбирала я, с ними только советовалась.

Мы, бывало, сидим в зале, смотрим фильм; «подхалимы» несут нам фрукты, пирожные... Да, да, вы правы, конечно, я неверно употребляю это слово. Точнее сказать «слуги», конечно, но я называла их подхалимами — уж очень старались они угодить и предупредить каждое наше желание. Они так и вились вокруг нас. Их теперь называют «обслугой» (не «прислугой» — прислуга была у бывших)...

... Несут пирожные, знаете какие? Внутри нали-то мороженое с горящим спиртом, но их можно было есть не обжигаясь. Представьте себе, в полутьме зала голубые огоньки пирожных. Я-то, правда, не очень их ела, берегла талию, ела чаще всего одни апельсины.

Мои придворные дамы и пикнуть не смели против меня, те же подхалимки...

Вскоре, как мы приехали, мы были приглашены к Эйхе.

Роберт Индрикович Эйхе, когда-то латышский коммунист, был теперь секретарем Западно-Сибирского крайкома.

И вот представьте себе. Зима. Сибирь. Мороз сорок градусов, кругом лес — ели, сосны, лиственницы. Глухомань, тайга, и вдруг среди этой стужи и снега в глубине поляны — забор, за ним сверкающий сверху донизу огнями дворец!

Мы поднимаемся по ступеням, нас встречает швейцар, кланяется почтительно, открывает перед нами дверь, и мы с мороза попадаем сразу в южную теплынь. К нам кидаются «подхалимы», то бишь, простите, «обслуга», помогают раздеться, а тепло, тепло, как летом. Огромный, залитый светом вестибюль. Прямо — лестница, покрытая мягким ковром, а справа и слева в горшках на каждой ступени — живые распускающиеся лилии. Такой роскоши я никогда еще не видела! Даже у нас в губернаторском особняке такого не было.

Входим в залу. Стены обтянуты красновато-коричневым шелком, а уж шторы, а стол... Словом, ни в сказке сказать, ни пером описать!

Встречает сам Эйхе — высокий, сухощавый, лицо строгое, про него говорили, что он человек честный и культурный, но вельможа.

Пожал руку Сереже, на меня только взглянул — я была со вкусом, хорошо одета, — взглянул мимоходом, поздоровался, но как-то небрежно. Я сразу это пренебрежение к себе почувствовала, вот до сих пор забыть не могу...

Впрочем, за столом он старался быть любезным, протянул мне меню первой, спросил, что я выберу, а я сама не знала, глаза разбегаются. Я и призналась — не знаю... А он говорит мне, как ребенку, упрощая снисходительно, даже ласково:

— А я знаю. Закажите телячьи ножки фрикассе.

<...>

Я говорила, как нас принимал Эйхе на даче-дворце в лесу. После этого мы встречались с ними не раз. У них была еще дача, меньше той, но тоже роскошная, только уютнее, милее.

Однажды мы приехали туда вдвоем. На даче — только Эйхе и его жена (слуг я не считаю)...»¹³⁷

И вдруг из этих дворцов и правительственных дач, где разбегались глаза от изысканных блюд в меню и можно было «не считать» слуг, Каруцкому грозит опасность перебраться прямиком в ряды советских трудящихся — тех самых, которые в это время жили в неотопливаемых бараках, землянках и временках, давились в очередях за крупой и черствым хлебом, работали в две смены в условиях форсированной индустриализации... Из всего большого великолепия ему оставили только его любимые порнографические открытки — скромную утеху коммуниста и чекиста. И это изгнание из номенклатурного Эдема — благодаря немилости Ягоды. Легко представить себе отношение Каруцкого, и без того не слишком сдержанного, к Ягоде и его клеветам, тем более что он хорошо знал, какой образ жизни в действительности ведут они сами.

Мстительный и злопамятный, не менее твердо Ягода преследовал и выдвиненцев своего злейшего врага Евдокимова — лидера пресловутой «пятерки». Из делавших карьеру под руководством Евдокимова на Правобережной Украине, а затем на Северном Кавказе, он пощадил лишь тех, кому посчастливилось подружиться с давним любимцем Ягоды Фриновским, которого нарком сделал начальником Главного управления пограничной и внутренней охраны (ГУПВО) НКВД. Этот человек, внук православного священника и сын учителя, недоучившийся семинарист, оказался начисто лишен каких-либо нравственных принципов, к тому же обладал исключительными способностями к подхалимажу. Среди уцелевших в НКВД выдвиненцев Евдокимова он оказывал, пожалуй, особое покровительство двум своим давним сослуживцам по Правобережной Украине (там они служили в начале 20-х гг.) — заместителю начальника УНКВД по Северному Кавказу Владимиру Курскому и заместителю начальника УНКВД по Ленинграду и Ленинградской области Н.Г. Николаеву-Журиду. Последнему покровительствовал также оперативный секретарь НКВД комиссар госбезопасности 3-го ранга Я.А. Дейч. И Курского, и Николаева-Журида Ягода не жаловал как евдокимовцев в прошлом, но терпел в своем ведомстве, видимо, за особую старательность. Возможно, сыграли роль и их личные связи с влиятельными ягдовцами: Курский и Молчанов родились в Харькове в 1897 г. и там же выросли. Курский вряд ли доводился начальнику СПО другом детства: он вырос в бедной еврейской семье (его отец работал портным), трудился подмастерьем у часовщика и наверняка не испытывал дружелюбных чувств к воспитанникам Харьковской торговой школы, где учился на коммерсанта юный Жорж Молчанов.

Все же, как мы увидим в дальнейшем, в стиле работы и построения карьеры Курского видна школа Молчанова. Что же касается Николаева-Журида, то он учился в Киевском университете в те же годы, что и Миронов с Гаем.

И тем не менее наверняка потребовалась поддержка по меньшей мере самого Агранова, чтобы Курский 15 июля неожиданно получил место Каруцкого — начальника Западно-Сибирского крайуправления НКВД. По сравнению с Северным Кавказом, несмотря на более суровый климат, это в то время считалось важным повышением. Дело в том, что партийным наместником Западной Сибири являлся Роберт Эйхе, любимец Сталина, недавно введенный им в Политбюро, восходящая звезда кремлевского небосклона. Работа с Эйхе расценивалась как дело высокого престижа. Он проявил себя горячим энтузиастом массовых репрессий. Через полгода на декабрьском Пленуме ЦК ВКП(б) он слегка упрекнет самого Сталина: «Товарищ Сталин, мы поступаем слишком мягко!» При таком секретаре крайкома перед начальником Западно-Сибирского УНКВД открывались поистине безбрежные перспективы проявить свои способности к карательной деятельности.

Возвышение Курского можно объяснить лишь настроением эйфории от радостных для Ягоды известий, полученных им 15 июля, которые упоминались выше, да еще тем, что он, видимо, не знал в то время о предательстве Агранова (тот позднее жаловался, как непросто было ему протащить через Ягду нужные решения по кадрам: «Тов. Ягода крепко держал в своих руках работу по кадрам и не давал возможности переставить людей»¹³⁸). Вторая кадровая перестановка, состоявшаяся в тот же день, должна была пройти легче. Ягода наверняка знал,

что Сталин недоволен членом ЦК ВКП(б), первым секретарем Свердловского обкома Иваном Кабаковым. Пламенный сталинист, Кабаков никогда не принадлежал ни к каким оппозициям, стремясь мчаться по орбитам сталинской политики впереди генеральной линии партии. Сталинский принцип пренебрежения уровнем потребления во имя форсированной индустриализации и других политических задач он доводил до предельных результатов. Бывший слесарь, Кабаков держал трудящееся население области в такой нищете, что при нем в Свердловске стояли огромные очереди даже за хлебом. Признавая этот факт на февральско-мартовском Пленуме 1937 года, он свалил его на происки «врагов», после чего перешел к тому, что его волновало гораздо больше продовольственных проблем: «В одном магазине встретили такой факт — на обертку используют книги Зиновьева»¹³⁹. Сталин не терпел не в меру исполнительных дураков — тех, кто доводил его политическую линию до абсурда. Летом 1936 г. Кабакову оставалось менее года до исключения из ЦК и ареста в качестве «врага народа». Поэтому решение предварительно заменить начальника Свердловского облУНКВД не должно было вызвать особых сомнений у Ягоды.

И здесь Агранову удалось разом убить двух зайцев: избавиться от чрезвычайно опасного для него соперника и перевести в Москву преданного помощника. Под соперником подразумевается старший майор госбезопасности Дмитрий Дмитриев — заместитель Миронова и наиболее ценный для него сотрудник. Цепкий, наблюдательный, хитрый и ловкий Дмитриев все время находился там, где был Миронову нужнее всего. Он выезжал в Ленинград сразу после убийства Кирова и первым получил показания от одного из арестованных, что к убийству

якобы причастны люди из прежнего окружения Григория Зиновьева, выполнив тем самым знаменитое сталинское распоряжение: «Ищите убийц среди зиновьевцев»¹⁴⁰. С этого момента Дмитриев участвовал в расследовании всех крупнейших политических дел, выполнял наиболее важные поручения Миронова. При том, что Ягода часто направлял Миронова в инспекционные командировки, Дмитриев временами становился фактическим руководителем ЭКО. Чуть позже он сменил главное направление деятельности: «В течение 1936 года я вовсе оторвался от работы Экономического отдела, так как получил приказание целиком пересесть на следствие по делам троцкистов, зиновьевцев, которые я должен был вести лично сам». Невероятная способность Дмитриева втираться в доверие и вызывать на откровенность чекистов высокого ранга выразилась, например, в том, что он является одним из наиболее ценных наших источников для изучения взаимоотношений в руководстве НКВД рассматриваемого периода. Правда, мемуаров он не оставил: все эти сведения ему пришлось изложить в протоколе допроса за три месяца до расстрела, когда он был арестован как «участник контрреволюционного заговора»¹⁴¹.

Перевод Дмитриева в Свердловск очень серьезно ослабил позиции Миронова. После этого в качестве его ближайшего помощника выдвинулся мало надежный Лоев, который был для Миронова менее ценен и не пользовался его доверием. «Близость Лоева... — сообщает Дмитриев, — к Гаю составляла нередко предмет ревности со стороны Миронова, который обвинял Лоева в недостаточной преданности себе».

Еще более сильным ходом явился перевод И.Ф. Решетова из Свердловска в Москву. Это был один из

тех защитников коммунистического строя, который оказался в рядах компартии далеко не сразу, а лишь после ее решающих побед в Гражданской войне, в конце лета 1920 г. Начинал он как эсер, но еще до революции имел счастье (или несчастье) познакомиться с Аграновым, что и определило его судьбу впоследствии. Влиятельный Агранов, который при Ленине занимал пост секретаря Малого Совнаркома, а затем перешел на работу в карательные органы, добился для Решетова невиданной чести: специальным постановлением ЦК ему засчитали в партийный стаж весь период нахождения в эсерах, так что он сразу, в один день стал большевиком с пятилетним дореволюционным стажем. И службу в ЧК он начал сразу же с руководящих должностей. При введении в 1935 г. специальных званий одним из первых получил «генеральское» звание комиссара госбезопасности 3-го ранга. Звания «Почетного работника ВЧК-ГПУ» он удостоился дважды¹⁴². Вот каким «заячьим тулупчиком» обернулось для него старое знакомство с Аграновым! Он старался отслужить, оправдать оказанное доверие, даже сверх меры, производя, по словам приказа НКВД № 00240 от 15 июля 1936 г., «массовые аресты, не вытекающие из работы агентуры»¹⁴³.

Теперь Агранов считал момент подходящим, чтобы приказом Ягоды передвинуть свою креатуру из Свердловска на пост помощника начальника Транспортного отдела, к Шанину. Отчего же к Шанину? Вспомним свидетельство Агабекова о том, что именно Шанин был организатором совещаний-пикников для Ягоды и его окружения. Кроме того, Шанин, будучи по должности одновременно помощником Кагановича, оставался единственным связующим звеном, в принципе позволяющим нормализовать отношения Ягоды с Кагановичем, к чему

первый из них весьма стремился. Допустить этого Ежову и Агранову было никак нельзя. Теперь Агранов мог получать от Решетова подробную информацию о деятельности Шанина.

Чтобы замаскировать перевод Решетова в центр, приказ был подан на подпись в таком виде, будто это делается ввиду невозможности использовать Решетова на самостоятельном участке работы. «Решетов всем своим поведением и своей дальнейшей работой доказал, — гласил малограмотный текст приказа, — что никаких уроков... не извлек, ничего не понял, исправиться не может и не годен в дальнейшем как руководитель управлением НКВД»¹⁴⁴. Зато он оказался вполне годен к роли внедренного Аграновым человека в окружении близкого к Ягоде Шанина.

Итак, 15 июля, ослепленный недолговечным блеском собственной славы Ягода сделал четыре существенных ошибки: выбросил из органов НКВД пьяницу Каруцкого без учета его кремлевских связей; выдвинул на повышение Курского, принадлежавшего к враждебному клану «евдокимовцев»; перевел в Москву Решетова — человека Агранова; убрал из Москвы в Свердловск Дмитриева — лучшего из людей, преданных наркомку Миронову. Этот незаметный на первый взгляд успех Агранова стал первым шагом в цепи кадровых перестановок среди ничего не подозревающего руководства НКВД.

Тем временем, спеша угодить Сталину, Ягода проявил дополнительное рвение: зная о наличии у Зиновьева хронических заболеваний, в разгар июльской жары нарком приказал включить в одиночной камере Внутренней тюрьмы на Лубянке, где тот содержался, отопление, от чего Зиновьев круглосуточно испытывал невыразимые страдания. По воспоминаниям Фельдбина-Орлова, который имел воз-

возможность непосредственно наблюдать этот процесс, Зиновьев, страдавший от астмы и колик в печени, из-за невыносимой духоты в камере катался по полу, крича от боли и умоляя вызвать врача, но медицинская помощь ему не оказывалась¹⁴⁵.

Замысел Ягоды увенчался успехом: после очередного изматывающего перекрестного допроса (его с 20 на 21 июля ночь напролет вели Ежов и Молчанов) Зиновьев, а вслед за ним и Каменев, согласились дать на открытом судебном процессе любые показания в обмен на обещание Сталина сохранить жизнь всем подсудимым, а также прекратить судебные преследования за принадлежность в прошлом к партийной оппозиции. Это обещание было дано Зиновьеву и Каменеву вечером 22 июля Сталиным в присутствии Ягоды, Ворошилова и Ежова. Подробности этого события известны из воспоминаний Фельдбина-Орлова, который в тот вечер встретил Миронова и узнал от него детали этого события.

«Сегодня, отбыв в Кремль, — рассказывал Миронов, — Ягода велел, чтобы Молчанов и я не отлучались из своих кабинетов и были готовы доставить в Кремль Зиновьева и Каменева для разговора со Сталиным. Как только Ягода позвонил оттуда, мы забрали их и поехали.

Ягода встретил нас в приемной и проводил в кабинет Сталина. Из членов Политбюро, кроме Сталина, там был только Ворошилов. Он сидел справа от Сталина. Слева сидел Ежов. Зиновьев и Каменев вошли молча и остановились посередине кабинета. Они ни с кем не поздоровались. Сталин показал рукой на ряд стульев. Мы все сели — я рядом с Каменевым, а Молчанов — с Зиновьевым.

— Ну, что скажете? — спросил Сталин, внезапно посмотрев на Зиновьева и Каменева». В ходе

дальнейшего разговора Зиновьев стал жаловаться на Ягоду, который передавал им требования Сталина публично покаяться, взять на себя ответственность то за гибель Кирова, то за Кремлевское дело, обещая после этого оставить их в покое, но всякий раз обещания оказывались обманом. В завершение своих причитаний Зиновьев разрыдался. Сталин ответил:

— Теперь поздно плакать. О чем вы думали, когда вступали на путь борьбы с ЦК? ЦК не раз предупреждал вас, что ваша фракционная борьба кончится плачевно. Вы не послушали, — а она действительно кончилась плачевно. Даже теперь вам говорят: подчинитесь воле партии — и вам и всем тем, кого вы завели в болото, будет сохранена жизнь. Но вы опять не хотите слушать. Так что вам останется благодарить только самих себя, если дело закончится еще более плачевно, так скверно, что хуже не бывает.

— А где гарантия, что вы нас не расстреляете? — наивно спросил Каменев.

— Гарантия? — переспросил Сталин. — Какая, собственно, тут может быть гарантия? Это просто смешно! Может быть, вы хотите официального соглашения, заверенного Лигой Наций? — Сталин иронически усмехнулся. — Зиновьев и Каменев, очевидно, забывают, что они не на базаре, где идет торг насчет украденной лошади, а на Политбюро коммунистической партии большевиков. Если заверения, данные Политбюро, для них недостаточны, — тогда, товарищи, я не знаю, есть ли смысл продолжать с ними разговор». В итоге «Каменев встал и от имени их обоих заявил, что они согласны предстать перед судом, если им обещают, что никого из старых большевиков не ждет расстрел, что их семьи не будут подвергаться преследованиям и что

впредь за прошлое участие в оппозиции не будут выноситься смертные приговоры. — Это само собой понятно, — отозвался Сталин»¹⁴⁶. Ежову оставалось только молча наблюдать за очередным успехом Ягоды.

В ходе трехдневного допроса с 23 по 25 июля Зиновьев «признался» в том, что вместе с Каменевым создал и возглавил антисоветскую террористическую организацию. В те же дни аналогичные показания подписал и Каменев¹⁴⁷. Миронов рассказывал Фельдбину-Орлову, что Сталин с приятной фамильярностью сказал ему, Ягоде и Молчанову: «Браво, друзья! Хорошо сработано!» Руководители НКВД ликовали, как троянцы, втаскивающие в ворота своего города деревянного коня ахейской работы.

К концу июля Ежову и Агранову стало ясно, что их идея использовать работников Московского управления НКВД как противовес Молчанову окончательно провалилась. Все их следственные достижения становились добычей Молчанова как руководителя следствия. Полученные Якубовичем и Радзивиловским показания арестованных приобщались к общему следственному делу и тем самым поступали в распоряжение Молчанова, становясь его заслугой. Начальник СПО ввел правило, согласно которому ни один протокол допроса по этому делу не давали подписывать обвиняемому без предварительного редактирования Молчановым. В бессильной злобе начальник управления НКВД по Москве и Московской области Станислав Реденс жаловался Агранову: «Тов. Агранов, делаются совершенно возмутительные вещи: мой аппарат НКВД, который работает неплохо и который дает новые нити подхода к троцкистскому центру, его травят и травят бессовестным образом, травят унижительно... Вступитесь за это дело, иначе я этому Молчанову морду

набью»¹⁴⁸. Реденс позволял себе подобные высказывания потому лишь, что был близок к семье Сталина (они со Сталиным были женаты на родных сестрах), Агранов же стал совершенно бессилён.

25 июля, едва Зиновьев поставил свою подпись в протоколе трехсуточного допроса, торжествующий Ягода вместе с Вышинским получил приглашение в Кремль к пяти часам вечера: обсуждались детали предстоящего судебного процесса. Ежова не пригласили¹⁴⁹. Его позовут лишь на расширенное заседание 11 августа, где будет обсуждаться проект обвинительного заключения с участием Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе, Чубаря и Ягоды (через 15 минут к ним присоединились ответственные за партийную агитацию и печать Стецкий и Таль, чтобы получить инструкции по организации необходимой рекламной шумихи вокруг процесса)¹⁵⁰.

Таль и Стецкий постарались. Они оглушили страну трубами и фанфарами мощной государственной пропаганды¹⁵¹. Август прошел под знаком сплошного триумфа Ягоды и его приближенных. Не только газеты, но и письма и решения партийных и государственных органов, не говоря уж о резолюциях бесчисленных митингов и собраний, взхлеб расхваливали НКВД и его руководителя в деле разоблачения «троцкистско-зиновьевских банд».

Ежов и Агранов вынуждены были занять выжидательную позицию. К тому же Ягоде стало известно — вероятно, через отдел Паукера — о негласных контактах Агранова с Ежовым; Ягода провел по этому поводу весьма суровый разговор с Аграновым и — телефонный — с Ежовым¹⁵².

Разочаровавшись в возможностях Агранова, Ежов начинает сближаться с Евдокимовым. Правда, Евдокимов давно уже стараниями Ягоды не имеет никакого отношения к органам госбезопасности,

но именно своей враждою с Ягодой он и интересен Ежову, а кроме того, в органах НКВД осталось немало людей, выращенных Евдокимовым. Чтобы приблизить их к себе и сплотить, Евдокимов использовал тот же нехитрый прием, что и Ягода применительно к своему клану: коллективные застолья. По воспоминаниям одного близкого к Евдокимову сотрудника, «как правило, ни одно оперативное совещание, созываемое в Ростове довольно часто, не проходило без того, чтобы в конце совещания, а зачастую и во время его, не устраивалась грандиозная пьянка с полным разгулом, длившаяся иногда сутки и более. Были случаи, когда отдельных работников разыскивали только на третий или четвертый день где-нибудь в кабаках или у проститутки»¹⁵³. Евдокимов оказал Ежову важнейшую услугу — во время одного из своих визитов в Москву он познакомил его с начальником ГУПВО НКВД Фриновским, который когда-то служил у Евдокимова на Северном Кавказе, но затем стал близок и к Ягоде. Когда Евдокимов пригласил в гости на свою московскую квартиру одновременно Ежова и Фриновского, Ежов разговорился о том, что он стал бы делать, если бы его назначили на место Ягоды. Фриновскому он обещал в этом случае место своего заместителя (и при этом похлопал его по плечу), а центральный аппарат обещал укомплектовать питомцами Евдокимова из управления по Северному Кавказу. Обрадованный Евдокимов сказал ему: «Бери, Николай Иванович, в НКВД и меня. На пару рванем так, что чертям станет тошно». Ежов замолчал, видимо, вспомнив, что и эта квартира наверняка прослушивается и что он, пожалуй, зашел слишком далеко¹⁵⁴.

Во второй половине августа разразилась гроза процесса каменевцев-зиновьевцев. Наряду с быв-

шими членами Политбюро ЦК, крупными в прошлом партийно-государственными вельможами на скамье подсудимых сидели агенты-провокаторы Молчанова. По отчетам присутствовавших на процессе иностранных корреспондентов, «подсудимые резко делятся на две группы. Основное ядро первой группы — это старые, всему миру известные большевики: Зиновьев, Каменев, Смирнов и др. Вторая группа — это никому не известные молодые люди, в числе которых были и прямые агенты ГПУ; они нужны были на процессе, чтоб доказать причастность Троцкого к террору, установить связь между Троцким и Зиновьевым, установить связь с Гестапо...

Само поведение обеих групп на суде было столь же различно, как и их состав. Старики сидели совершенно разбитые, подавленные, отвечали приглушенным голосом, даже плакали. Зиновьев — худой, сгорбленный, седой, с провалившимися щеками. Мрачковский харкает кровью, теряет сознание, его выносят на руках. Все они выглядят затравленными и вконец измученными людьми. Молодые же проходимцы ведут себя бравурно-развязно, у них свежие, почти веселые лица, они чувствуют себя чуть ли не именинниками. С нескрываемым удовольствием рассказывают они о своих связях с Гестапо и всякие другие небылицы»¹⁵⁵. Ягода любил доводить дело до конца. «За спиной подсудимых, в самом углу зала, виднелась скромная дверь. Она вела в узкий коридор с несколькими небольшими комнатами, в одной из которых был устроен буфет с отборными закусками и прохладительными напитками. Сидя в этой комнате, Ягода и его помощники могли слушать показания подсудимых, для чего тут был специально смонтирован радиодинамик»¹⁵⁶.

Утром 22 августа подсудимые подали на согласование Молчанову проект своего последнего слова. Бывший уголовник Молчанов всласть поиздевался над бывшими членами Политбюро. Из их покаянных речей были исключены все упоминания об их близости к Ленину и революционных заслугах. Каменеву Молчанов велел заявить, что он не заслуживает снисхождения как предатель, еврею Зиновьеву приказал публично назвать себя фашистом, что оба беспрекословно исполнили. К 23 августа они выучили свои роли и в этот день на глазах у сидевших в зале иностранных корреспондентов и переодетых сотрудников НКВД, изображавших публику в зале (среди них находился и Фельдбин-Орлов, описавший в своих мемуарах поведение подсудимых в последний день процесса)¹⁵⁷, произнесли свое последнее слово. В ночь с 23 на 24 августа им всем огласили смертный приговор. На рассвете 25 августа их расстреляли в подвале клуба НКВД (ул. Дзержинского, д. 11) в присутствии Ягоды и Ежова. По Фельдбину-Орлову, на расстрел их вел начальник Оперода Паукер. Зиновьев хватал своих конвоиров за сапоги, плакал и умолял отложить казнь, Каменев пытался его утешить: «Перестаньте, Григорий, умрем достойно!» Ягода приказал переслать Ежову сплющенные пули, извлеченные из простреленных голов бывших членов Политбюро, чтобы тот получше помнил о возможностях НКВД.

Казнь этих людей, как ни удивительно, вызвала всеобщее облегчение. Одни (Ягода, Молчанов, Штейн и их подручные) ожидали себе наград за «раскрытие заговора». Другие надеялись, что репрессии если не ограничатся этим делом, то, по крайней мере, пойдут на убыль (среди них был, например, Бухарин, написавший 31 августа в частном письме Ворошилову известную фразу: «Циник-

убийца Каменев омерзительнейший из людей, падаль человеческая... Что расстреляли собак — страшно рад»¹⁵⁸). Но не случилось ни того, ни другого. И страшно радовался Бухарин преждевременно.

Осень Ягоды

Почти сразу Сталин приступил к миттельшпилю задуманной им комбинации. 31 августа неожиданно заместителем Молчанова был назначен Борис Берман (перед этим — замначальника ИНО НКВД). Смысл этого назначения становится понятен, если вспомнить, что братья Берманы возглавляли так называемый белорусско-сибирский клан руководителей ГПУ—НКВД и остро враждовали с Молчановым еще с 20-х гг. По причине этой вражды Молчанов в свое время даже принял решение об уходе из органов ОГПУ, правда, оно не было реализовано. Сохранилось письмо свояченицы Берманов, в котором она описывает, как Молчанов, став «правой рукой Ягоды», «мстил» родне Берманов. Можно себе представить его реакцию на появление у него такого заместителя. Тем более в тот же день, 31 августа, новым помощником Молчанова стал Василий Каруцкий — вышеупомянутый завсегда́тай кремлевских банкетов, собутыльник Кагановича. Вряд ли это назначение было инициировано Ягодой, ведь незадолго до этого он снял Каруцкого с прежней должности по порочащим основаниям. Каруцкий вернулся в центральный аппарат злейшим врагом Ягоды и всей ягоди́нской группировки, которой сходило с рук то, за что он пострадал. Очевидно, что Каруцкий, как и Борис Берман, попал в руководящий состав СПО (секретно-политического отдела) под сильным нажимом из ЦК.

Почему Ягода согласился вернуть в центральный аппарат НКВД Каруцкого? Вероятная разгадка содержится в еще одной черте его характера — крайнем высокомерии. «В обращении с подчиненными, — вспоминает М. Шрейдер о наркоме, — отличался грубостью, терпеть не мог возражений и далеко не всегда был справедлив»¹⁵⁹. Подчиненных он расценивал как пыль под ногами, не более того. Однажды близкий к нему начальник АХУ НКВД Островский собрал совещание подчиненных ему руководителей. Все это были влиятельные сановники, в чинах, с изрядным партийным и чекистским стажем. Ягода пожелал присутствовать на совещании и взял вступительное слово. «Ну, сволочи, жулики, так вашу мать! — обратился он к замершей от подобного обращения аудитории. — Жены ваши ишь какие задницы разъели, да у вас и самих рожи и пуза — во! — Эти слова Ягода сопровождал соответствующими жестами, рисующими величину и округлость форм упоминаемых им частей тела... — Предупреждаю, что за расхищение и разбазаривание продуктов буду всех вас, как собак, расстреливать... И тебя первого, — ткнул он пальцем в сторону организатора совещания И.М. Островского»¹⁶⁰. Если Ягода имел привычку употреблять нецензурные выражения и материться на официальных совещаниях¹⁶¹, что для него значило служебное перемещение какого-то Каруцкого! Ничего...

Дмитриев уточняет: Ягода в НКВД общался с начальниками отделов центрального аппарата и их заместителями, не ниже. Разговор Ягоды с каким-либо начальником отделения центра или помощником начальника отдела был случаем исключительным, по словам Дмитриева — даже едва ли не единичным¹⁶². Нарком с высоты своего положения просто не придавал значения переводу Каруцкого, посчитав его фигурой незначительной.

В то же время начался процесс перевода прежних помощников Молчанова из центрального аппарата на периферию. Одной из «первых ласточек» стал майор госбезопасности А.Р. Стромин-Строев, начальник СПО-6, которого перевели в Свердловск¹⁶³. Прежний заместитель Молчанова Г.С. Люшков отправился в Азово-Черноморский край¹⁶⁴.

С начала сентября, чтобы отвлечь внимание Молчанова от этой новой проблемы, ему объявили, что его позиции остаются незыблемы и ему поручено продолжить руководство оперативно-следственной бригадой, которой на сей раз поручили новое, не менее громкое «дело». Это «дело» было начато еще в июле 1936 г. арестом члена ЦК Сокольникова. Партийные «вожди», испытывая в связи с этим смертельный страх, бросились публично проклинать Каменева, Зиновьева и их «сообщников». Член ЦК, замнаркомтяжпрома Георгий Пятаков при встрече со своим давним приятелем Ежовым высказал желание лично привести в исполнение смертный приговор арестованным оппозиционерам, включая свою жену, с опубликованием об этом в печати. 21 августа Пятаков и руководитель Информбюро при ЦК Карл Радек опубликовали в «Правде» и «Известиях» свои статьи, в которых клеймили подсудимых как «падаль, заражающую чистый, бодрый воздух советской страны, падаль опасную, могущую причинить смерть нашим вождям», от которой «несет на весь мир трупным смрадом», называли их членами фашистской банды «кровавого шута» Троцкого. «Уничтожьте эту гадину! — запальчиво требовал Радек. — Дело идет не об уничтожении честолюбцев, дошедших до величайшего преступления, дело идет об уничтожении агентов фашизма...» «Хорошо, что органы НКВД разоблачили эту банду, — подхватывал Пятаков, — Хорошо, что ее можно

уничтожить. Честь и слава работникам НКВД!»¹⁶⁵. Но злорадство Радека и Пятакова оказалось столь же напрасным, как и у Бухарина. В тот же день подсудимые ответили тем, что в судебном заседании назвали авторов обеих статей, а заодно Бухарина, Рыкова и Томского своими сообщниками. 22 августа та же «Правда» опубликовала на первой странице статью под огромным заголовком «Расследовать связи Томского — Бухарина — Рыкова и Пятакова — Радека с троцкистско-зиновьевской бандой». Прочитав статью, М. Томский в то же утро застрелился.

Это был очень трезвомыслящий и предельно циничный человек. В 1922 г. на XI съезде партии под аплодисменты делегатов съезда он заявил: «Нас упрекают за границей, что у нас режим одной партии. Это неверно. У нас много партий. Но в отличие от заграницы у нас одна партия у власти, а остальные в тюрьме!» И он не шутил. В дни пресловутого Шахтинского дела, до такой степени шитого белыми нитками, что даже ближайшие сталинские соратники сомневались в целесообразности устраивать открытый процесс, Ворошилов в записке Томскому от 2 февраля 1928 г. поставил вопрос: «Миша, скажи откровенно, не вяпаемся ли мы при открытии суда в Шахтинском деле. Нет ли перегиба в этом деле местных работников, в частности краевого ОГПУ?» Томский ответил: «По Шахтинскому и вообще по угольному делу такой опасности нет. Это картина ясная. Главные персонажи в сознании. Мое отношение таково, что не мешало бы еще поддюжины коммунистов посадить»¹⁶⁶. Через несколько лет, увидев собственную фамилию среди той самой поддюжины коммунистов, которых «не мешало бы» посадить, он безо всяких иллюзий и проволочек покончил с собой.

Дача Томского в Болшеве находилась рядом с Болшевской трудовой коммуной имени Ягоды, известной всей стране по первому советскому звуковому фильму «Путевка в жизнь». Наверняка в предсмертные часы это обстоятельство вызывало особое раздражение Томского, даже ненависть к погубившему его Ягоде. За свою жизнь и грядущую расправу с семьей он решил расквитаться с главарями НКВД. Он оставил письмо о принадлежности Ягоды к «правой» (бухаринско-рыковской) оппозиции. В тот же день 22 августа в дом Томского бросился Молчанов, но вдова (видимо, выполняя предсмертную волю мужа), скрыла от него письмо. Сыновья Томского доставили письмо в ЦК Ежову, который, прочитав его, радостно выкрикнул: «Ай да Мишка, молодец! Это документ огромной важности и будет жить в веках». Старшие сыновья Томского после этого были расстреляны, а младший сын и вдова получили по 10 лет лагерей; история с письмом всплыла лишь в 1988 г., когда решился заговорить выживший младший сын Томского¹⁶⁷.

Ежов дал ход убийственному компромату не сразу. После упоминавшихся кадровых перестановок в СПО надо было успокоить Ягоду и Молчанова, создав у них впечатление, что им по-прежнему доверяют. Для этого им решили отдать на растерзание Пятакова и Радека. Молчанову и Штейну казалось, что они хорошо выполняют свою работу и ими должны быть довольны. Поскольку визиты Ежова в НКВД прекратились, у них сложилось впечатление, будто после процесса Каменева, Зиновьева и 14 их «сообщников» в ЦК убедились в их профессионализме и решили избавить их от опеки Ежова. Они с головой ушли в работу, подвергая подследственных многосуточным непрерывным допросам и «выстойке» — новому виду пытки, состо-

явшему в том, что арестованного заставляли несколько дней и ночей подряд стоять на ногах, пока он не падал от изнеможения. Кривицкий свидетельствует в своих воспоминаниях, что одного из заключенных на «выстойке» продержали «на протяжении 55 часов под слепящим светом ламп». Один из следователей, практикующих «выстойку», как-то в приятельской беседе спросил его: «Разве вы не признаетесь, если простояте на одной ноге десять часов подряд?»¹⁶⁸.

Мнимое ощущение триумфа, всемогущества пьянило Ягоду и его окружение. В НКВД решили воспользоваться ситуацией, чтобы окончательно дискредитировать Ежова. После расстрела Конара и ссоры с Пятаковым последним близким другом Ежова оставался Л. Марьясин, председатель правления Госбанка СССР и замнаркома финансов. Ежов настолько сблизился с ним, что в пьяном виде они предавались непристойным забавам¹⁶⁹ (впоследствии, видимо, отсюда родились слухи о гомосексуальных наклонностях Ежова). И вот теперь решено было представить Марьясина преступником, чтобы получалось, будто все окружение Ежова — сплошь разоблаченные враги советской власти. Для этого использовали пустяк — при Марьясине накопилась внушительная задолженность грузинского Самтреста Госбанку СССР, который его кредитовал (эта задолженность, к слову сказать, возникла еще до прихода Марьясина в Госбанк). Марьясина обвинили в едва ли не растрате, о чем доложили Сталину. Тот отнесся к информации вполне серьезно и решил еще раз проверить Ежова, поручив ему служебное расследование в порядке партийного контроля. И Ежов пожертвовал своим другом ради карьеры, направив 6 сентября Сталину доклад: «Дело с кредитованием Самтреста Грузии проверил. Вина

Марьясина целиком подтверждается...» На основании доклада Ежова Марьясин был отстранен от должности¹⁷⁰.

Для Ежова интрига с Марьясиным вряд ли оказалась неожиданностью. Он получал информацию о происходящем через Агранова. Когда Ягода в личном разговоре с Аграновым высказал предположение о содержании предсмертного письма Томского, Агранов тут же передал этот разговор Ежову¹⁷¹. Тому окончательно удалось вбить клин между Аграновым и Молчановым, который к тому времени считался «правой рукой» Ягоды и его главным информатором о настроениях среди работников центра паутины НКВД. Таким образом, в сентябре сложилась весьма запутанная ситуация, при которой НКВД по всей стране собирал секретную информацию для своих руководителей, Молчанов занимался сбором информации для Ягоды о разговорах и взаимоотношениях самих работников НКВД, а Агранов информировал Ежова о делах Молчанова. М.М. Ильинский, сын одного из связистов центрального аппарата НКВД того времени, пишет: «И у стен в НКВД, и повсюду были свои глаза и уши. Был большой спрос на «прослушку». Подслушивали по-разному, но всех и вся. Техника была до примитивности проста. Подслушивали даже в туалетах...»¹⁷²

Тем временем следствие госбезопасности, словно раскручиваясь смертоносной спиралью, начало уже без разбору захватывать бывших участников «правой», троцкистской и зиновьевской оппозиции. 23 августа взят под стражу Угланов; из тюрьмы выйти ему более не суждено. Шанин силами своего транспортного отдела произвел арест большой группы руководителей-железнодорожников, в прошлом

работавших с Углановым, их список был направлен минуя Ежова напрямую Кагановичу как руководителю Наркомпути (Шанин по должности являлся одновременно помощником Кагановича). Людям Молчанова удалось получить от Сокольникова уличающие показания на Бухарина, с которым они дружили с гимназических времен; эти показания Сокольников подтвердил 8 сентября на очных ставках с Бухариным и Рыковым в присутствии Кагановича. Бухарин после очной ставки зарыдал «и все просил ему верить»¹⁷³.

11 сентября был арестован Пятаков, 16 сентября — Радек. Одновременно с Радеком взят под стражу Николай Глебов-Авилов, член первого состава Совнаркома, активный зиновьевец, за участие в Новой оппозиции смещенный со всех постов и доживавший свой век директором Ростсельмаша: его расстреляют через полгода. Маневр ягодовцев очевиден: они отныне докладывают собранные материалы по политическим делам Кагановичу (в отсутствие Сталина, отдохавшего в своем сочинском имении «Зеленая роща»). Ежов, почувствовав, что его оттирают и не сегодня-завтра самого могут отдать на расправу Ягоде, заволновался. На следующий день после очных ставок Сокольникова с Бухариным и Рыковым оставшийся не у дел Ежов направил в «Зеленую рощу» письмо, которое заканчивалось словами: «Очень хотелось бы рассказать Вам о некоторых недостатках работы ЧК, которые долго терпеть нельзя. Без Вашего же вмешательства в это дело ничего не выйдет.

Т. Сталин, я очень колебался, стоит ли в письме писать о таких вещах. Если неправильно поступил, — выругайте. Шлю Вам самые лучшие пожелания.

9.IX — 36 г. Ваш Ежов»¹⁷⁴.

Сталин не выругал его, а вообще не отозвался, чем, конечно, заставил автора письма изрядно понервничать. Тот в отчаянии стал хвататься за всякую возможность обвинить ягодовскую клику в «замазывании троцкистских дел», как он выразился во второй декаде сентября в очередном письме Сталину, собрав все порочащие Ягоду слухи и домыслы; а поскольку сам понимал их малозначительность, вынужден был попросту блефовать: «Подробности сообщу при личном докладе. По-моему, дело требует серьезного расследования»¹⁷⁵.

Сталин не спешил и отреагировал на донос Ежова не сразу. Помимо Молчанова, он принес обильную кровавую жертву и еще одному, не менее близкому соратнику Ягоды, которого тоже расценивал в тот момент как ключевую фигуру. Как истинный гений вероломной политики, он не пожелал повторяться и без конца бить в одну точку, а решил немного сымпровизировать, вспомнив о приятеле Молчанова, начальнике Особотдела центра М. Гае. Именно в середине августа, когда в Особотдел ввиду окончания дела Каменева—Зиновьева вернулись временно командированные в следственную бригаду Молчанова сотрудники, Гаю дали возможность резко активизировать следствие по делу о «заговоре военных», предоставив ему перед этим отгулять отпуск в правительственном санатории на юге¹⁷⁶. Всего за полмесяца, с 14 августа по 2 сентября, им арестовано подряд три комкора — Примаков, Путна и Туровский. Следует отметить, что с Гражданской войны, когда были расстреляны командир Второй конной армии Миронов и командир Сводного кавалерийского корпуса Думенко, в Красной Армии никогда не арестовывали военачальников столь высокого ранга. Августовские аресты принято интерпретировать как начало большой

сталинской «чистки» в Красной Армии. Это неверно. После смещения Ягоды Гай больше не получил ни одной санкции на арест представителей высшего комсостава. Аресты в армейской верхушке возобновились лишь спустя полгода, уже при новом руководстве НКВД. Что же до арестованных в 1936 г., то они продолжали сидеть в московских тюрьмах, ожидая своей участи, то есть самостоятельного интереса как фигуранты очередного политического процесса для Сталина они, очевидно, не представляли. Для чего же понадобился их арест?

Ответ на этот вопрос дал Ягода, правда, слишком поздно — в протоколе допроса от 13.05.1937: «Я знал, что Ворошилов прямо ненавидит меня»¹⁷⁷. Выдавая санкции Ягоде и Гаю на аресты высших командиров, Ворошилов и его заместитель — начальник Главного Политуправления Ян Гамарник, выполняя волю вождя, видимо, считали, что пройдохи и карьеристы Ягода и Гай ввели товарища Сталина в заблуждение, обманули его доверие и из низменных соображений репрессируют высший комсостав. В действительности Ягода и Гай были, конечно, беспринципными карьеристами с ног до головы, но не они обманывали доверие Сталина, а Сталин, притворяясь доверчивым, сумел настроить против Ягоды не только наркома обороны и члена Политбюро Ворошилова, но и вообще всю армейскую верхушку, сделав невозможным опасный для него сговор НКВД с Красной Армией. А тремя комкорами и несколькими командирами более низких рангов он не задумываясь пожертвовал, словно не пешками даже, а разменной монетою. Гай и Молчанов считали себя азартными охотниками, даже не подозревая, что сами взяты на прицел.

Есть лишь одно свидетельство о том, как колебались бодрость и самоуверенность Молчанова в

осенние дни 1936 г. Когда он, осыпая бранью и угрозами недавно арестованного Карла Радека, который, к слову сказать, недолгое время в прошлом являлся сотрудником ВЧК¹⁷⁸, требовал от него признания в заговоре, то Радек, по свидетельству А. Орлова, ответил: «Ладно! Я согласен сейчас же подписать все, что угодно. И признать, что я хотел убить всех членов Политбюро и посадить на кремлевский престол Гитлера. Но к своим признаниям я хочу добавить одну небольшую деталь, — что, кроме тех сообщников, которых вы мне навязали, я имел еще одного, по фамилии... Молчанов... Да, да, Молчанов! — истерически закричал Радек. — Если вы считаете, что необходимо кем-то пожертвовать для блага партии, то пусть мы пожертвуем собой вместе!» Молчанов, по словам Орлова, «побледнел как полотно» и долго не мог прийти в себя¹⁷⁹.

Предчувствие не обмануло Молчанова: опасность стала уже близка. Сталин, наконец, решил дать шанс Ежову проявить себя. Председателя КПК предупредили, что вождь будет говорить с ним по телефону. Содержание телефонного разговора известно по записи к нему, сохранившейся в архиве Ежова. Допуская, что эти разговоры могут прослушиваться людьми Воловича, Ежов кратко сообщил о предсмертном письме Томского и выразил уверенность, что тот оклеветал Ягоду. Вместе с тем он не удержался от того, чтобы намекнуть Сталину на то, что в действительности волновало их обоих более всего, а именно, на вопросы смены руководства НКВД. Правда, опасаясь спугнуть Ягоду, опытный аппаратчик старался говорить неопределенно, не называя конкретных имен: «...мне кажется, надо

приступить и к кое-каким выводам из всего этого дела для перестройки работы самого Наркомвнудела. Это тем более необходимо, что в среде руководящей верхушки чекистов все больше и больше зреют настроения самодовольства, успокоенности и бахвальства. Вместо того чтобы сделать выводы из троцкистского дела и покритиковать свои собственные недостатки, исправить их, люди мечтают теперь только об орденах за раскрытое дело». Затем он туманно выразился, говоря как будто не о чекистах, а о неких абстрактных врагах режима: «Стрелять придется довольно внушительное количество. Лично я думаю, что на это надо пойти и раз навсегда покончить с этой мразью»¹⁸⁰. Сталин понял намек и вызвал Ежова в «Зеленую рощу». Телефонный разговор Ежова со Сталиным был подслушан и доложен Воловичем Ягоде¹⁸¹.

Но тот, видимо, решил, что Сталин будет обсуждать с Ежовым перспективы новых арестов по делу Сокольников, Пятакова и Радека, и не придал поездке Ежова в «Зеленую рощу» никакого значения. У наркома нашлись более важные дела, которые поручил ему Сталин: он, как и в июле, решил отвлечь Ягоду Испанией, где уже всюду полыхал пожар гражданской войны. Задача, поставленная Сталиным, оказалась непростой. Она предусматривала организацию поставки оружия, боеприпасов и снаряжения испанским республиканцам, однако сделать это надо было тайно, с использованием подставных коммерческих организаций и оборотистых агентов НКВД, действующих под видом контрабандистов.

Но и это было еще не все. Требовалось силами НКВД взять под свой контроль всю прифронтовую полосу в республиканской Испании. На призыв республиканского правительства о помощи отозва-

лись 42 тысячи добровольцев-интернационалистов из 54 стран мира¹⁸². Среди них оказалось много троцкистов, видные фигуры из зарубежного социалистического и рабочего движения. Так представился уникальный случай схватить многих из них, а оставшихся завербовать или окружить своей агентурой. Для этого были выделены колоссальные денежные средства (впоследствии Сталин компенсировал свои расходы, присвоив свыше 500 тонн золота из золотого запаса Испанской республики). Необходимо было тайно перебросить в Испанию большое количество советских диверсантов, военных советников, опытных «ликвидаторов». Для выполнения задачи Сталин дал Ягоде всего несколько дней. Тот был окрылен тем, что его избавили, наконец, от надзора Ежова, и, видимо, даже рад, что Ежов уезжает на юг. 14 сентября он собрал совещание с участием Фриновского, Слуцкого и других доверенных лиц, посвященное испанскому вопросу. Руководителю спецподразделения НКВД по изготовлению фальшивых паспортов и других документов Мюллеру было предписано перейти на круглосуточный режим работы. На испанское направление были брошены опытные разведчики Фельдбин-Орлов, Кривицкий, Уланский. Ягода, похоже, всерьез вообразил, что Испания станет для него чем-то вроде Тулона для молодого Бонапарта: он уже сообщал своим сотрудникам, кто из них какой орден получит за выполнение задания, как будто считал, что в ближайшем будущем это станет вопросом его усмотрения¹⁸³.

23 сентября члены Политбюро опросом приняли решение № ПЗ166: «разрешить т. Ежову выехать в Сочи»¹⁸⁴. Однако и эта информация не насторожила наркома: за несколько часов перед тем поступило спецдонесение из Западносибирского края

о происшедшем ночью взрыве метана на шахте «Центральная» в Кемерове; за это событие местные чекисты сразу ухватились: новый начальник управления НКВД по Западной Сибири Курский старался оправдать оказанное доверие и провести у себя собственный «открытый процесс» по образу и подобию процесса Каменева — Зиновьева в Москве. Поглощенный этой новостью Ягода просто проглядел, какая опасность угрожала ему от предстоящей встречи Ежова со Сталиным. Шли своим чередом и другие события, отвлекавшие внимание Ягоды. Одно из них — раздувание «дела астрономов», известного также как «Пулковское дело» (по названию старейшей в нашей стране Пулковской астрономической обсерватории). Суть его состояла в том, что арестованного директора Астрономического института Б.В. Нумерова обвинили в создании из числа видных советских ученых-астрономов «троцкистско-зиновьевской организации», путем вредительства в области наблюдательной астрономии, «ставившей своей целью свержение Советской Власти и установление на территории СССР фашистской диктатуры»¹⁸⁵.

Дело при всей немыслимой бредовости обвинений достигло поистине космического масштаба, и руководство НКВД решило придать ему соответствующий размах, привлекая к делу помимо астрономов также представителей смежных научных дисциплин: геофизиков, метеорологов, климатологов. Выйдя за пределы Ленинграда, следствие приступило к арестам по всей стране. В частности, 20 сентября был взят под стражу в Зырянске на Алтае геофизик, сотрудник Центрального научно-исследовательского геологоразведочного института (ЦНИГРИ) Ю.Н. Лепешинский. К их показаниям следовало отнестись внимательно, не допуская в этом

деле халтуры: первый секретарь Ленинградского обкома А.А. Жданов неплохо разбирался в вопросах метеорологии и климатологии, сохраняя к ним интерес еще со студенческой скамьи¹⁸⁶, для Сталина метеорология вообще являлась единственной специальностью: в юности после отчисления из семинарии он около года работал на Тифлисской метеостанции, после чего на много лет ушел в революционную деятельность. Поэтому погром в этих научных областях следовало начинать с оглядкой, дабы не вызвать вмешательства Сталина и Жданова: не случайно расследование приобрело особый размах, пока оба они отдыхали на юге.

24 сентября, управившись с этими делами, по всей видимости, Ягода провел выходной день на своей даче в привычной обстановке пьянства и лести со стороны приближенных. Они аппетитно вкушали деликатесы с коллекционной антикварной посуды, благоприобретенной щедрым хозяином из конфиската¹⁸⁷. Если это так, то был поистине Валтасаров пир. Тучи над головой этих пока всемогущих людей начали сгущаться и в тот же день разразились грозой. Сталин в те самые часы в «Зеленой роще» обсуждал с Ежовым проект своего обращения в Политбюро с требованием сместить Ягodu. Это было очень важное решение. Если Ягода перехватит сообщение, он легко может изолировать членов Политбюро в Москве и дальше ситуация станет непредсказуемой. Как быть?

25 сентября сытый, довольный своим положением Ягода появляется на работе в наркомате. В этот же день он подписывает приказ по недостаткам, выявленным им при инспектировании Бутырского следственного изолятора; по тексту приказа видно, что он намерен контролировать его исполнение, для чего создал специальную комиссию в составе

Миронова, Шанина и Островского¹⁸⁸. В тот же день Особотдел доложил ему об аресте на Украине комдива Юрия Саблина, в прошлом левозэра, который, перебежав на сторону большевиков, крепко отличился, участвуя в подавлении Кронштадтского восстания своих бывших товарищей по партии. И после этого он верой и правдой служил большевистскому режиму, пока тот не решил от него избавиться. Дело о «военно-фашистском заговоре» приобретало размах. Удовлетворенно выслушивая рапорт об этом, Ягода не знал, что в тот роковой день решилась не только судьба старого перебежчика Саблина, но и его собственная. Судьба Саблина — последняя кость, брошенная Сталиным «цепному псу», как называл себя Ягода, чтобы одновременно затянуть поводок на его шее. Зашифрованная средствами партийной курьерской фельдсвязи (единственный вид коммуникации, не подконтрольный Ягоде), вечером Кагановичу в Москву (вероятнее всего, лично Ежовым, возвращавшимся скорым поездом в столицу) доставлена депеша Сталина № 1360ш со словами: «Первое. Считаю абсолютно необходимым и срочным делом назначение тов. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздал в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей Наркомвнудела. Заком Ежова в Наркомвнуделе можно оставить Агранова. Второе. Считаю необходимым и срочным делом снять Рыкова по Наркомсвязи и назначить на пост Наркомсвязи Ягоду. Мы думаем, что дело это не нуждается в мотивировке, так как оно и так ясно... Ежов согласен с нашими предложениями... Само собой разумеется, что Ежов остается секретарем ЦК».

Возглавлявший всю систему правительственной охраны Паукер находился в это время со Сталиным в Сочи, где обеспечивал его безопасность, а в его отсутствие Ягода попросту проглядел доставку шифротелеграммы. Вероятнее всего, одновременно с ее вручением Каганович получил устные инструкции о том, как ему действовать дальше.

Каганович сделал все очень быстро и в обстановке полнейшей секретности. Чтобы Ягода не сорвать принятие важнейшего решения, Каганович не стал вступать в контакты ни с кем из остальных членов Политбюро. Как показал в одном из своих исследований О.В. Хлевнюк¹⁸⁹, по сути дела, постановление Политбюро по вопросу о смещении Ягоды было сфальсифицировано Кагановичем, которому в этом помог Борис Двинский — доверенное лицо Сталина, один из его секретарей, заместитель заведующего Особым сектором ЦК Поскребышева. В тот же вечер (возможно, ночью) Каганович и Двинский подготовили и на следующее утро оформили решение Политбюро о переводе Ягоды на должность наркомсвязи и назначении Ежова наркомом внутренних дел «с тем, чтобы он девять десятых своего времени отдавал НКВД». Из десяти членов Политбюро по этому вопросу в голосовании принял участие лишь один Каганович, он же подписал составленный Двинским протокол. Опросным порядком (т.е. без созыва заседания) в ночь с 25 на 26 сентября собрали подписи еще трех кандидатов в члены Политбюро: Петровского, Постышева и Рудзутака (двое из трех работали на Украине и в Москве в тот день оказались, вероятно, случайно). Даже столь влиятельные члены Политбюро, как Ворошилов и Молотов, не были допущены к участию в голосовании, их поставили, что называется, перед фактом! Более того, многолетний секретарь

Сталина Поскребышев, находившийся в это время на отдыхе близ Кисловодска, оказался не в курсе ситуации и теперь хмуро пил коньяк в одном из правительственных санаториев, пытаясь сблизиться с отдыхавшей там же женою Ежова Евгенией Хаютиной¹⁹⁰.

Утром 26 сентября сфальсифицированное таким образом решение Политбюро легло на стол председателя Совнаркома Молотова, который, как никто другой, мог убедиться в поддельности документа. И здесь он получил возможность свести счеты с чересчур прытким Ягодой за шестинедельный унижительный домашний арест. Разыгранная летом Сталиным комедия с фальшивой «опалой» Молотова дала свои результаты. Совнарком под председательством Молотова мгновенно принимает решение во исполнение поступившего постановления Политбюро о перемещении Ягоды. Тот был ошеломлен и не мог поверить в случившееся (четырьмя днями позже в письме к Орджоникидзе Каганович будет злорадствовать: «Ягода, видимо, тяжело переживает его перемещение, но это нас тронуть не может»)¹⁹¹. Глава НКВД, видимо, никак не мог понять, как при его повсечасном контроле за всеми перемещениями и контактами членов Политбюро без его ведома могло состояться такое решение. Референт Сталина Чечулин передал ему по телефону слова Сталина: «Товарищ Ягода! Наркомсвязь — дело очень важное... Без хорошего Наркомата связи мы чувствуем себя как без рук. Нельзя оставлять Наркомсвязь в нынешнем ее положении. Ее надо срочно поставить на ноги. И. Сталин». Ягода просил его оставить в системе НКВД хотя бы в подчинении у Ежова, но получил отказ¹⁹².

Сталин, разумеется, лукавил. Он и не думал доверять Ягоде. Тот, в свою очередь, все оттягивал

уход из наркомата, каждый день приезжая в свой кабинет на Лубянке под предлогом подготовки к передаче дел. При этом он продолжал как ни в чем не бывало руководить наркоматом. К примеру, ему поступило спецдонесение о высылке административным порядком 15 тысяч немецких и польских семей из Украины в Казахстан. Генрих Ягода наложил резолюцию: «По окончании всей операции по ее итогам подготовить доклад в ЦК. Г.Я. 28/9»¹⁹³. Обратим внимание на дату. Можно представить себе настроения Сталина и Кагановича в те тревожные дни: вроде бы решение об отстранении Ягоды принято, а он продолжает действовать как нарком внутренних дел. 29 сентября он все еще находился в своем кабинете № 410 в НКВД¹⁹⁴. Тогда, чтобы подхлестнуть Ягоду, Каганович подготовил и в тот же день провел через Политбюро (опять опросным порядком) постановление «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам», где ставились новые задачи перед Ежовым как наркомом внутренних дел, требующие его физического перемещения в бывший кабинет Ягоды¹⁹⁵.

Одновременно было принято постановление о переводе Г.Е. Прокофьева заместителем наркома в наркомат связи (фактически, как мы увидим по ходу дальнейших событий, он должен был возглавить наркомат при номинальном наркOME Ягоде). Согласно воспоминаниям жены Г.Е. Прокофьева, в последние дни Ягоды в НКВД политическое следствие взял под свой контроль Ежов через посредство Агранова: «Ягода почти отстранен от руководства. Чувствую даже по очень сдержанным словам, что Г.Е. многого не понимает и чем-то тяготится... У меня такое чувство, что Г.Е. сам начал сомневаться в правильности того, что делает. Я ему об этом

сказала. Он не возражал. Я посоветовала ему подать заявление об уходе.

— Нас не увольняют, а убирают, — был ответ.

И все-таки о чем-то он имел разговор с Ежовым, о чем — он мне не сказал»¹⁹⁶. Среди чекистов ходили слухи, будто Прокофьев сам просил Ежова перевести его из НКВД, ссылаясь на проблемы со здоровьем¹⁹⁷. Вполне правдоподобно: он прекрасно понимал, что руководство НКВД ждет большая чистка.

30 сентября наступил нерабочий день¹⁹⁸. Вероятно, Ягода рассчитывал в начале октября продолжить свои визиты в главное здание НКВД, поскольку, по некоторым сведениям, он оставил в сейфе своего служебного кабинета наворованных ценностей на несколько миллионов рублей, к тому же на счетах НКВД оставалось свыше 108 миллионов рублей золотом — очевидно, та часть изъятого в 20—30-е гг., которую чекисты «забыли» перечислить в госбюджет¹⁹⁹. Но 1 октября, когда Ежов издал, наконец, приказ по НКВД № 411 о своем вступлении в должность наркома внутренних дел, заняв бывшие апартаменты Ягоды на четвертом этаже вождя здания на площади Дзержинского²⁰⁰, прежний хозяин кабинета № 410 ни на старую, ни на новую работу не вышел. Его отправили в двухмесячный отпуск «по состоянию здоровья»²⁰¹, а наркомат связи временно возглавил Г.Е. Прокофьев, спешным порядком 2 октября переведенный на должность первого заместителя наркома.

О том, с каким напряжением Сталин и Каганович ожидали, когда власть над НКВД окажется, наконец, в руках Ежова, свидетельствует такой факт. Когда Ежов в качестве наркома внутренних дел представил в Политбюро предложение «о мерах судебной расправы с активными участниками троц-

кистско-зиновьевской контрреволюционной террористической организации по первому списку в количестве 585 человек», Каганович, не в силах сдержать радостное облегчение, прямо на этом списке поставил не вполне уместную резолюцию: «Приветствую!» — словно выплеснул радость своего приветствия новому наркому внутренних дел, сумевшему, наконец, водвориться на площади Дзержинского. Молотов под этим подписался²⁰².

Будучи в отпуске, Ягода оказался полностью изолирован от своих соратников. Следует отметить, что постановление об отпуске в то время для члена ЦК являлось обязательным «с пребыванием за городом и с воспрещением ему появляться в учреждении для работы»²⁰³. Ягода сразу же бросился на правительственную дачу к Сталину, рассчитывая при личном приеме устранить возникшее по отношению к нему, как он считал, недоразумение. Он уже не верил в лояльность Паукера и не решился обратиться к бывшему подчиненному с просьбой. Растеряв все свое недавнее высокомерие, он попытался проникнуть на прием к Сталину через весьма скромного по должности чекиста, о существовании которого еще несколько дней назад он едва ли помнил. Речь идет о Николае Сидоровиче Власике.

Этот человек обычно упоминается в соответствии с характеристикой дочери Сталина Светланы как «малограмотный, глупый, грубый» и крайне спесивый субъект, который едва ли не с 1919 г. возглавлял личную охрану Сталина. Есть также расхожие легенды, будто в 1933 г., когда прогулочный катер Сталина близ Пицунды был по ошибке обстрелян морской погранохраной, Власик, по одной

версии, своим телом прикрыл Сталина, а по другой — открыл ответный огонь по берегу из пулемета; рассказывают также, что Сталина закрыл своим телом Берия. В действительности ни Берии, ни пулемета на прогулочном катере «Красная Звезда» не было, а выстрелов с берега на нем не слышали. Имела место обычная неразбериха, что и выяснилось в ходе расследования уголовного дела № 23718 (выводы следствия ныне опубликованы)²⁰⁴. И на карьере Н.С. Власика, хотя тот действительно присутствовал на катере, этот случай никак не отразился.

Во время Гражданской войны он находился в Царицыне (где в то время пребывал и Сталин) в качестве помощника командира роты штабной охраны Рогожско-Симоновского рабочего батальона²⁰⁵. Близость к штабу, видимо, и позволила ему попасть на глаза к Сталину. Возможно, по его рекомендации Власик попал в ВЧК, где служил сначала по линии Особотдела, а с конца 20-х гг. был переведен в Оперод помощником начальника 5-го (впоследствии 4-го) отделения, которое занималось непосредственно физическим сопровождением членов правительства. Руководил отделением бывший латышский стрелок, в прошлом телохранитель Ленина А.Т. Дицкалн, а группу чекистов, непосредственно сопровождавших и охранявших Сталина, возглавлял литовец Иван Францевич Юсис. После смерти Юсиса в 1931 г. и перевода Дицкална в ГУЛаг Власик возглавил группу «ближней охраны» Сталина, однако оставался в скромной должности помощника начальника одного из многих отделений Оперода.

Именно к нему и обратился Ягода с просьбой подействовать в попадании на личный прием в «Зеленую рощу». Власик не только отказал ему в этом,

но преподнес это в докладе Паукеру в таком виде, будто Ягода хочет проникнуть к Сталину с целью совершения теракта²⁰⁶. Это событие и стало отправной точкой в дальнейшем карьерном взлете Власика.

По времени демарш Власика совпал с остроумным политическим ходом Троцкого. Узнав о результатах процесса Зиновьева — Каменева, а вслед за этим — о смещении Ягоды, Троцкий разыграл парадоксальную комбинацию, позволившую ему сполна отплатить Ягоде и за унижительное преследование троцкистской оппозиции в 20-е гг., и за скандальное «дело о типографии», по итогам которого Троцкого исключили из партии, и за гнусную оперетту 7 ноября 1927 г., когда переодетые чекисты избивали троцкистов, сорвав их демонстрацию, и за позорное выселение из Кремля 14 ноября того же года, и за полоскание имени Троцкого на «открытом» политическом процессе. Когда-то Троцкий, находясь в зените политического могущества, закрыл молодому Ягоде карьеру в военном ведомстве. Потом пятнадцать лет Ягода мстил за это Троцкому. Теперь «демон революции» решил воспользоваться ситуацией и раздавить Ягоду. В октябрьском номере редактируемого Троцким «Бюллетеня оппозиции» появилась анонимная статья «Убийство Кирова», где содержались такие слова: «Оказывается, таким образом, что десятки террористов... в течение многих месяцев разговаривали о терроре, ездили на террористические свидания, устраивали террористические совещания и т. д., и т. д. Они направо и налево рассказывали об этом, все их друзья и приятели знали, что они готовят убийство Кирова, не знало об этом... одно лишь ГПУ. И когда ГПУ, наконец, — после убийства Кирова — производит аресты, то из них ему ничего не удает-

ся извлечь. Почти два месяца следствия вокруг дела Кирова, наличие, повторяем, среди террористов агента(ов) ГПУ, три процесса — а ГПУ все еще не имеет никакого понятия о «террористической деятельности» Зиновьева, Каменева и др. Кажется, что дело происходит на Луне, а не в СССР, насквозь пронизанном сетью всемогущего ГПУ...

Не подлежит сомнению: если бы хотя бы одна десятая того, в чем обвинили себя подсудимые, была бы правдой, они были бы судимы и расстреляны по крайней мере два года тому назад».

Этой статьей Троцкий не только указал Сталину на то, почему ему необходимо расправиться с Ягодой; ведь это был наиболее очевидный ответ на поставленный им же вопрос: как получилось, что Зиновьев, Каменев и прочие столько лет готовили «заговор», а НКВД (этот орган Троцкий по старой памяти называет ГПУ) до поры до времени об этом было ничего не известно. Наиболее логичным сталинским ответом в условиях отстранения Ягоды от руководства НКВД был бы такой: Ягода сам состоял в сговоре с бывшими оппозиционерами! Именно к такому решению и подталкивал Сталина Троцкий. А чтобы это было яснее, в той же статье прямо сказано:

«Суд над ленинградскими гепеурами и сама формулировка приговора неопровержимо доказали, что убийство Кирова произошло не без участия ГПУ»²⁰⁷. Здесь речь идет о наскоро сотворенной Ягодой судебной расправе над руководителями ленинградского управления НКВД, которые «не уберегли товарища Кирова», во главе с начальником управления Филиппом Медведем (по этому поводу чекисты той эпохи мрачно шутили: «В лесу медведь ест ягоды, а у нас Ягода съел Медведя»²⁰⁸). Этой статьей Троцкий, не обращая напрямую к Сталину, пока-

зывал ему, как лучше всего поступить с Ягодой, чтобы процесс над Зиновьевым и Каменевым не выглядел столь нелогично. И сделал это крайне вовремя: перемещение Ягоды подало сигнал к тому, что Сталин им недоволен и раздумывает о его дальнейшей судьбе. Статья Троцкого стала последним гвоздем в крышку гроба всей ягодинской клики.

Павший духом Ягода провел весь остаток октября на правительственной даче «Кабот» в Кисловодске, рассказывая всем, у кого была охота его слушать, что он еще вернется на пост главы НКВД²⁰⁹. Ежов же начал с того, что назначил масштабную ревизию в Административно-хозяйственном управлении НКВД, отозвав из отпуска его начальника Островского²¹⁰. Это был очень сильный ход против Ягоды. Ибо именно этим путем можно было быстрее всего показать Сталину, насколько далеко зашла ягодинская клика, как по хозяйски распоряжались ягодовцы всем, что представляло для них интерес. В руках Островского были сосредоточены колоссальные неподотчетные фонды дефицитных товаров, которыми он распоряжался по своему усмотрению безо всяких расписок и прочей документации. Ягода легко решал вопросы о передаче в ведение Островского любой стройки, любого предприятия, такого, например, как Московский золото-платиновый завод. Когда открылся первый в стране экскаваторный завод в Коврове, Ягода тут же добился перевода его в ведение НКВД и направил Островского принимать его, причем Островский щедро раздавал руководителям завода привезенные с собою деньги и материальные ценности вроде дорогих дефицитных тканей. И это в то время, когда в стране ощущалась острая нехватка мануфактурных товаров; если они изредка появлялись в свободной продаже, за ними моментально

вырастали гигантские очереди. Провинциальные исполкомы принимали постановления о разгоне «мануфактурных очередей» силами конной милиции²¹¹. А понадобился Ягоде и Островскому этот завод лишь для того, чтобы первая партия экскаваторов была направлена на работы по расширению московского стадиона «Динамо», принадлежавшего спортобществу НКВД²¹². Даже самая поверхностная проверка хозяйственной деятельности Островского, за спиной которого отчетливо виднелась фигура Ягоды, дала в руки Ежова крупнейшие козыри...

Эти два месяца — с начала октября по 28 ноября 1936 г. — остаются самым загадочным временем в истории НКВД. Все приводные ремни еще оставались в руках старого руководства ГУГБ. Более того, для них стало очевидным, несмотря на все уловки Ежова, что в скором времени от них избавятся и, поскольку они знают слишком много, их, вероятнее всего, ждет судьба уничтоженных ими людей. Единственным способом переломить ситуацию и выжить для них был немедленный переворот, поскольку и в стране, и в партии — они как никто другой через свою агентуру знали это — назрело недовольство сталинским режимом, да и чувство страха в преддверии грядущего террора нарастало. Но оставшись без привычного лидера (Ягоды), они так и не решились на какие-либо продуманные совместные действия, которые одни только могли их спасти. Стальные цепи, годами связывавшие верхушку НКВД, на глазах распадались, превращаясь в ржавую труху. Ежов и стоявший за его спиной главный кукловод — Сталин — ловко водили этих могущественных и страшных людей, словно бычка на веревочке, в узком коридоре между страхом и надеждой. При этом они пользовались древним

принципом divide et imperare: выбрав очередную жертву, одновременно давали понять остальным, что они пока пользуются прежним доверием.

«Придя в органы НКВД, — заявил впоследствии Ежов, — я первоначально был один. Помощника у меня не было»²¹³. Но времени он даром не терял. Заместителем его вместо Прокофьева с 29 сентября стал Матвей Берман, брат уже упоминавшегося Бориса, бывший начальник ГУЛага. По совместительству его со 2 октября назначили вторым заместителем наркома связи с очевидной задачей — отслеживать каждый шаг Ягоды, а заодно присматривать и за Прокофьевым. С первых же дней октября Ежов отодвигает самого влиятельного из ягодовцев — Молчанова — от руководства расследованием наиболее важных дел. Мелкая зависть к Молчанову со стороны других ягодовцев этому способствует. Через несколько месяцев Миронов публично скажет о нем: «О Молчанове у нас в аппарате всегда были невысокого мнения... Но как-то странно получается. Именно после убийства С. М. Кирова Молчанов начал выдвигаться в первые ряды, превратился в центральную фигуру Наркомвнудела по оперативной работе»²¹⁴. С легкой руки нового наркома, уже в октябре вокруг Молчанова создана обстановка аннигиляции. Агранов и Миронов с нескрываемым злорадством следили за началом падения своего удачливого соперника.

Молчанов отчаянно старался показать свою незаменимость, изо всех сил нажимая на подготовку нового политического процесса. 14 октября ему удалось, наконец, выдать признательные показания из Пятакова²¹⁵. Подобные успехи несколько отсрочили его падение — Ежов был в аппарате НКВД человеком новым, не вполне знакомым с тонкостями оперативной работы, а льстивому, увертливому «Яне»

Агранову он не особенно доверял. Ежов решил перевести в центральный аппарат НКВД преданного сотрудника из аппарата Комиссии партконтроля — Сергея Жуковского. Однако тот, вероятно, желая держаться подальше от опасных лубянских коридоров, на приеме у Ежова сумел уклониться от этого перевода, сославшись на отсутствие опыта в оперативной работе²¹⁶. Нарком нашел более покладистого человека. Уже 8 октября он перевел своего референта в ЦК Владимира Цесарского на специально для него созданную должность особоуполномоченного при наркOME с поручением вникать во все наиболее важные дела, как агентурно-следственные, так и кадровые. Цесарский быстро разобрался в обстановке и уже через несколько дней, видимо, сообщил Ежову, что наиболее опасная для него фигура — Островский, начальник АХУ НКВД, распределяющий материальные блага в высших сферах советской империи. Единолично ведая оборудованием и распределением подмосковных и курортных дач, «прикреплением» к ведомственным больницам, санаториям и домам отдыха, ведомственным жилым фондом не только для аппарата НКВД, но и для аппаратов ЦК и Совнаркома, Островский располагал «неограниченными возможностями», и сильные мира сего «заискивали перед ним»²¹⁷. В руках Островского находились окружавшие Москву плотным кольцом «спецобъекты» — правительственные дачи для отдыха сталинских вельмож, которые постоянно находились в состоянии готовности к приему высоких гостей. Островский постоянно разъезжал по этим дачам в Быкове, Томилине, Ильинском (восточное от Москвы направление в то время считалось не менее престижным, чем западное) и всюду его ожидал роскошный обед или ужин²¹⁸. С годами у него выработалось

отношение ко всему этому хозяйству, как своему собственному. Отсюда невероятная исключительность его положения, которому и царский министр двора мог бы позавидовать.

Уже 15 октября Ежов, видимо, по результатам вышеупомянутой проверки, перевел его заведовать строительством шоссейных дорог на Украину, поставив на его место Жуковского (узнав о своем переводе в НКВД, тот прозорливо сказал жене: «Это мой конец»²¹⁹). В соответствии с законами сталинской империи, у Островского немедленно была отобрана и передана Жуковскому «великолепная двухэтажная дача, зимняя, со всеми удобствами, инкрустированной мебелью, хрустальной посудой, бильярдной, теннисным кортом, гаражом»²²⁰.

В тот же день Ежов назначил начальником отдела кадров НКВД своего давнего приятеля и собутыльника Михаила Литвина (перед этим — 2-го секретаря Харьковского обкома партии), а на следующий день добился введения в наркомате должности 3-го заместителя наркома, сразу продвинув на нее еще одного своего друга (они дружили семьями)²²¹ — начальника погранвойск НКВД М.П. Фриновского. Этот высокий, богатырского телосложения человек, с его широкой улыбкой и хлебосольным гостеприимством, на многих производил впечатление простака. «Я все время считал его «рубахой-парнем», — откровенничал Ежов, — ...и в глаза называл дураком»²²². Дураком Фриновский не был, а был он очень хитрым и увертливым лицедеем, более талантливым, чем Агранов, потому что тот любил представлять интеллектуалом, а Фриновский — простой душой. Незадолго до снятия Ягоды с должности, во время встречи по случаю новоселья одного из руководящих работников НКВД Р. Люстенгурта, Фриновский сказал заместителю начальника

УНКВД Московской области А. Радзивиловскому: «Вот вы меня мало знаете, а я ведь не такой, как все начальники отделов центра. Я человек прямой и принципиальный. Все эти Мироновы, Молчановы, Гаи, Паукеры лебезят перед Ягодой, разыгрывают из себя преданных ему людей, а по существу по отношению к нему они — б... . Я их вижу насквозь. Они в глаза Ягоде говорят одно, а за спиной готовы его продать. Терпеть не могу это. Я люблю Ягоду, и он это знает... Именно за прямоту Ягода меня ценит, доверяет мне и знает, что я его не подведу. Я же его так люблю, что, если потребуется, готов отдать за него свою душу»²²³. Видимо, нечто подобное он говорил и Ежову, который часто выпивал вместе с ним и поручил ему взять под контроль следствие по важнейшим делам. Что касается Молчанова, то ему Ежов, Агранов и Фриновский давали отныне только мелкие поручения, которые «передавали через помощников, а не напрямую»²²⁴.

С появлением новых сил в наркомате оживилось следствие по делу Маковского. Ежову хотелось вытянуть из него показания, что он не только является польским шпионом, но пользовался покровительством работников центрального аппарата — ягодовских выдвиженцев. Вторая половина октября прошла под знаком поиска «скрытых врагов» на самой Лубянке. Кандидатура на роль лубянского «оборотня-двурушника» наметилась сама собой. Стали подбирать материал на майора госбезопасности Штейна — помощника Молчанова. В лубянских коридорах змеей пополз слух, будто Штейн «неожиданно обнаружил документы заместителя директора департамента царской полиции Виссарионова, среди которых находились собственноручные донесения Сталина, неопровержимо свидетельствовавшие о его многолетней работе на охранку»²²⁵.

Этот глухой слух просочился сначала через наркома внутренних дел Украины Балицкого — приятеля Штейна, а затем через заместителя Балицкого Кацнельсона к его двоюродному брату Фельдбину-Орлову, который впоследствии, будучи в эмиграции, упомянул об этом в одном из интервью журналу «Лайф». За одни только подобные разговоры Штейн, по неписаным лубянским законам, подлежал аресту. Но тот, видя сложившуюся вокруг него ситуацию, 28 октября застрелился²²⁶.

Ежов рвал и метал. Он потребовал от Цесарского и Литвина собрать материалы на всех действующих сотрудников НКВД, имевших в прошлом хотя бы отдаленное отношение к каким-либо оппозициям, либо связи с закордоном. Таковых нашлось свыше двухсот человек. Все они были в последующие месяцы арестованы. Но Ежова по-прежнему интересовал вопрос: кого именно выдвинуть на роль «крыши» Маковского в аппарате ГУГБ НКВД? Требовался абсолютно беспринципный, аморальный тип, панически боящийся Внутренней тюрьмы на Лубянке и готовый на все ради спасения собственной шкуры. И такой человек нашелся.

Игнатий Добржинский, социальное происхождение неизвестно (вероятно, из польских дворян), человек с импозантной внешностью красавца-брюнета, тонкими чертами лица и, вероятно, с изящными манерами. Гимназическое образование, два курса историко-филологического факультета Московского университета и офицерская выправка открыли ему доступ в польскую разведку с момента образования Польского государства. Как хорошо знающий русский язык и имеющий знакомства в Москве с университетских лет, он становится резидентом польской разведки в Советской России. В июне 1920 г. его арестовал советский контрразведчик,

не менее изысканный бывший учитель французского языка, швейцарец итальянского происхождения чекист Фраучи, более известный под псевдонимом Артузов (вероятно, производным от имени: его звали Артур Христианович), разумеется, расстрелянный в 1937 г., но еще не знавший тогда своей судьбы. Принято считать, что Добржинский при аресте пытался покончить с собой, однако его руку с пистолетом перехватил известный советский разведчик Федор Карин (о его трагической судьбе речь пойдет ниже). Но своему близкому другу Шрейдеру Добржинский впоследствии рассказывал, что по собственной воле явился на Лубянку предложить свои услуги перебежчика, причем не стал скрывать, что во время службы в польской разведке был на руку не чист и даже накопил изрядный капитал на банковском счете в Швейцарии²²⁷.

Одним словом, его дело поручили вести Артузову. Два светских, хорошо образованных человека нашли общий язык легко. Поручик Добржинский, не моргнув глазом, сдал «товарищам» всю польскую резидентуру; Артузов вышел с ходатайством о полной амнистии опаснейшего из всех пойманных шпионов за всю историю советской контрразведки. Где же была принципиальность того и другого? История об этом умалчивает. Но уже через два месяца Добржинский на свободе, с «чистыми» документами на имя Сосновского. Понятно, доверие «товарищей» надо было оправдать. И новоявленный Сосновский оправдал. Даже с избытком.

Весною следующего года он в Петрограде. Теперь он порученец Особотдела ВЧК, прибыл вместе с авторитетным чекистом Яковом Аграновым, в недавнем прошлом — секретарем Совнаркома,

имевшим благодаря этому прошлому солидные кремлевские знакомства. У словоохотливого, улыбчивого «товарища Яни» Сосновскому было чему поучиться. Вскоре по прибытии Агранов завербовал агента-provokatora — некоего боцмана Паськова с «Петропавловска». Требовалось срочно слепить заговор против советской власти. На роль главаря заговора Агранов и Сосновский из числа названных услужливым боцманом предназначили профессора-геолога В.Н. Таганцева, которого арестовали 31 мая. В качестве рядовых участников «заговора» поспешили арестовать более двухсот человек²²⁸. Отца профессора Таганцева, 78-летнего старика, поместили под домашний арест, объявив его квартиру «засадой», т.е. арестовывая всякого, кто там появлялся, включая 60-летнюю старуху-прачку, приходившую стирать белье. Этот старик ненавистен был большевикам уже тем, что находился у истоков революционного движения в России; одноклассник цареубийцы Дмитрия Каракозова, он в дальнейшем состоял вместе с ним в подпольном революционнонигилистическом кружке «Ад». После покушения Каракозова на царя Александра II Таганцев-старший отошел от революционной деятельности, став видным юристом, первоприсутствующим сенатором Уголовно-кассационного департамента в Сенате. Но большевикам, которые при царском режиме из трусости не участвовали в революционных действиях, грозящих виселицей, все бывшие народо-вольцы были опасны: новая власть намеревалась присвоить их революционные заслуги себе и живые свидетели были ей не нужны. Поэтому старика Таганцева держали впроголодь, кормили по несколько дней одной селедкой и хлебными крошками, причем чекист Бозе прямо сказал о нем: «Издохнет, тем лучше». Маленьких детей профессора

Таганцева-младшего не оставили с дедом, а нарочно отправили в сиротский приют: пятилетнего сына в распределитель для беспризорников на Михайловскую улицу, а дочь — в приют на остров Голодай. Квартиру профессора под видом обыска разграбили, при этом разломав мебель, приведя в негодность рукописи и похитив деньги и вещи не только его самого, но также и его отца. Арестовали его сестру и жену, хотя первая из них работала учительницей в 15-й единой советской трудовой школе (до революции — директрисой женской гимназии), а вторая врачом Красного Креста и обе никакого отношения к политике не имели. Под предлогом личного обыска женщин раздевали и ощупывали мужчины под командованием некоего Попова²²⁹, прибывшего с Аграновым и Сосновским из Москвы²³⁰.

Агранов и Сосновский разместились в «51-й комнате» здания ПетроЧК на ул. Гороховой, д. 2; Таганцева же поместили во «вторую пробку» второго тюремного корпуса по тому же адресу. Что называлось в 1921 г. «пробкой», можно только догадываться: документы этого термина не расшифровывают; но судя по воспоминаниям поэта Дмитрия Мережковского, чудом вырвавшегося в 1920 г. из большевистского ада, «пробковыми» назывались камеры с системой подачи горячего воздуха. После 45-суточного сидения профессора Таганцева в «пробке» Агранов предложил ему текст договора, по условиям которого Таганцев признавался в том, что он — руководитель антисоветской подпольной организации и обязуется изобличить на очных ставках ее участников, а Агранов, со своей стороны, обязуется сохранить жизнь не только самому Таганцеву, но всем участникам «заговора», которых тот «изобличит». Договор подписали обе стороны. Его

существование некоторое время оспаривалось, но в конце прошлого века было подтверждено публикацией ряда воспоминаний людей, видевших текст договора, в том числе академика В.И. Вернадского.

То был поистине договор с дьяволом. С этого дня пошли массовые аресты. Для ареста мобилизованы автомобили петроградского Автогужа, и первые три ночи для арестов было задействовано 80 автомашин. Агранов и Сосновский вели дело мягко, «в белых перчатках». Никого не били, не кричали, не матерились. В обмен на признание предлагали жизнь; кто не хотел признаваться — давали очную ставку с Таганцевым, а тому было обещано, что тех, кого он «разоблачит», не расстреляют. Сосновский усердствовал. Очень уж ему не хотелось обратно, в камеру Внутренней тюрьмы на Лубянке. Уже 15 мая 1921 г. он заработал своей кипучей активностью, словно за некий подвиг, орден Красного Знамени — на тот момент единственный советский орден, который полагался лишь за особый героизм при участии в боевых действиях²³¹. И Сосновский отработал его в последующие летние месяцы сполна. Чтобы оправдать доверие, Агранов и Сосновский включили в перечень «Петроградской боевой организации» людей разного сословного происхождения (от крестьян до представителей титулованной знати), разного социального статуса (профессоров, медсестер, матросов), различных политических взглядов (от убежденных монархистов до бывшего члена компартии). Достоверность их не интересовала. Они развязывали себе и коллегам руки для расширения грядущего террора. И вот настал роковой день. Арестантам, ждавшим суда, объявили, что суда не будет. Их всех везут на Гороховую, 2 для освобождения

дения. По прибытии они узнали страшную правду о «комнате для приезжающих».

В левом заднем углу упомянутого здания, на первом этаже рядом с пропускным пунктом существовала дверь с вывеской «комната для приезжающих». Это было квадратное помещение с асфальтовым полом, полным отсутствием мебели и даже отопления и тремя окнами, выходящими во двор, забранными железными решетками и замазанными белой краской. Комната никогда не убиралась, поэтому стены и даже потолок ее были «отчаянно грязны». Раз в два дня, с 16 до 20 часов, в нее принимали арестантов из разных петроградских тюрем. Здесь их заковывали попарно в наручники (одна пара на двоих) и объявляли смертный приговор, вынесенный коллегией ВЧК или ПетроЧК в особом порядке. Последующую ночь и следующий день они должны были провести в этой комнате без пищи и воды, вперемешку мужчины и женщины, которых не выпускали даже для отправления естественных надобностей. От большой тесноты в комнате было настолько душно, что некоторые умирали; поскольку караульным при комнате строго воспрещалось открывать дверь и впускать или выпускать кого-либо, то в течение полутора суток некоторые оставались скованы наручниками с трупом. Наконец, на вторую ночь между 3 и 4 часами являлся, словно некий избавитель, наш герой Сосновский (либо его сменщик Якобсон)²³² с конвоем и расстрельной командой. Сверившись со списком, он приказывал загнать осужденных, словно скот, в закрытый пятитонный грузовик, и их в сопровождении двух легковых автомашин доставляли на артиллерийский полигон Ириновской железной дороги. Здесь Сосновский картинно выходил к краю траншеи, вырытой для захоронения казненных, и при-

казывал расковывать осужденных, раздевать их до гола (мужчин, женщин — для него это роли не играло) и по одному подводить к нему. И здесь начинался... допрос. Собственно, он состоял из одного вопроса Сосновского: «Кто твои сообщники?» Расчет был на то, что изможденный невыносимым полуторасуточным содержанием в «комнате для приезжающих», человек на краю страшной ямы не устоит и попытается сохранить жизнь, указав на новых жертв грядущего террора²³³. Прочих смертников держали в стороне, и они не слышали слов «допроса». Независимо от того, что отвечал спрошенный, его по знаку Сосновского тут же расстреливали и подводили следующего...

Какая необходимость была порученцу Особотдела центра, командированному для расследования «дела» Таганцева, лично участвовать в мрачной церемонии расстрела жертв ПетроЧК по другим делам? Так этот трус и подлец выслуживался перед новыми хозяевами, трепеща перед страхом возвращения во Внутреннюю тюрьму Лубянки. Его непосредственный шеф Агранов, автор и инициатор упоминавшегося договора с Таганцевым, брезговал мараться столь малоприятной для нормального человека процедурой. У этого эстета была слишком ранимая, чувствительная душа. Впоследствии он дружил с Владимиром Маяковским, Борисом Пильняком, Осипом Мандельштамом и многими другими. Он входил в художественный совет театра Мейерхольда, а также во множество комиссий, определявших репертуары театров, содержание издаваемых книг, грампластинок, эстрадных песен и т.п.²³⁴ Конечно, такому утонченному интеллектуалу не к лицу было марать чекистские хромовые сапоги в крови петроградских интеллигентов. Агранов возьмет свое чуть позже, в 1930—1931 гг., когда

будет лично истязать последователя Таганцева, выдающегося ученого-энциклопедиста А.В. Чайнова, подведенного им под расстрел²³⁵. Не присутствовал он и когда привезли на расстрел «группу Таганцева» (61 человек), в ночь с 24 на 25 августа. Когда их вывели, женщины в составе этой группы, среди которых находилась и жена Таганцева, подняли шум; вероятно, не молчали и мужчины. Сосновский не захотел растягивать процедуру последним «допросом» и проявил одному ему понятный гуманизм: приказал спихнуть в могилу разом всех осужденных. Живьем. Затем люди «с горячими сердцами, холодными головами и чистыми руками» встали вокруг ямы. И по знаку Сосновского — началось. Со дна ямы доносились придушенные стоны и крики тех, кто оказался внизу, сверху копошились тела людей, скованных наручниками по двое. Разрядив в эту массу голых мужских и женских шевелящихся тел несколько обойм, чекисты принялись засыпать их землей — живых и мертвых, раненых и придавленных. «На кучу тел была загнана и оставшая часть и убита тем же манером. После чего яма, где стонали живые и раненые, была засыпана землей»²³⁶. Затем «театр смерти» был перенесен в Красное Село, где расстреляли еще две группы «таганцевских».

Агранов и Сосновский поспешили в Москву рапортовать об успехе. Так начинал чекист Сосновский. Его последующая чекистская карьера продолжалась свыше 15 лет. Он успел стать и Почетным чекистом, и замначальника Особотдела ГУГБ НКВД. Лишь после ухудшения отношений с Польшей в середине 30-х гг., когда началось массовое изгнание поляков с руководящих постов, Сосновского пере-

вели на должность замначальника УНКВД по Саратовскому краю²³⁷. Ежов хорошо разбирался в людях и еще лучше — в их слабостях. Для получения необходимых показаний именно такой, как Сосновский, ему и был нужен. Тот готов был чем угодно пожертвовать, лишь бы не вернуться на Лубянку арестантом. Но Ежов решил: так надо.

Пока из Маковского выживали показания на Сосновского, в Москве появился осмелившийся вернуться с «отдыха» Ягода. Его появление не обрадовало ни Ежова, ни Сталина. 7 ноября во время праздничной демонстрации Сталин, приветствуя членов правительства, демонстративно не подал ему руку²³⁸. Этим он продемонстрировал ягодовским выдвигенцам, что карта Ягоды бита. И это деморализовало их окончательно. Попытки Ягоды в ноябрьские дни выйти на связь со своими бывшими подчиненными (Булановым, Мироновым), чтобы прояснить обстановку, игнорировались ими²³⁹. Ягода понял, что свой 45-летний юбилей 19 ноября ему, говоря словами поэта, «торжествовать придется одному». Да не очень-то он и торжествовал, наверное. Всего год назад газеты захлебывались от славословий. «Правда» 27 ноября 1935 г. голосила: «Неутомимый воин революции, он развернулся и как первоклассный строитель» и прочее в том же духе. Теперь же о юбилее поверженного кумира никто не стал вспоминать.

Тем временем Сосновский был вызван из Саратова в Москву. В ноябре его видели в приемной наркома²⁴⁰ (вероятнее всего, там же он был арестован). В 20-е гг. он являлся одним из самых успешных советских контрразведчиков. Теперь же ему пришлось, заведя руки за спину, ходить по останкам одной из своих жертв — англичанина Сиднея Рейли, заманенного в СССР в ходе операции «Трест»,

расстрелянного без суда и тайно захороненного в прогулочном дворике Внутренней тюрьмы. Вряд ли Сосновский, изменник и перебежчик, столько лет энергично работавший против своей родины Польши, испытывал какие-либо нравственные страдания от хождения по костям некогда обманутого им человека. Но у Ежова нашлись против него методы посерьезней.

Следствие по его делу Ежов решил поручить особоуполномоченному Фельдману, слышшему человеком крутым и суровым. Впервые во время допросов чекист поднял руку на бывшего чекиста. До этого работники госбезопасности своих не били. Уговаривали, грозили; могли обмануть. Даже — в крайних случаях — расстрелять. Но применявшиеся Фельдманом побои к «своему» вызвали шокое состояние у работников НКВД, которые «наивно считали, что Фельдман перегнул палку по собственной инициативе»²⁴¹.

На следующий день после ареста Сосновского (состоявшегося 23 ноября) Ежов приказал взять и Г.И. Брджизовского — последнего из поляков, уцелевшего в центральном аппарате НКВД на должности помощника начальника одного из отделений ИНО ГУГБ. Это был первый случай ареста действующего руководящего работника центра. Среди сотрудников НКВД быстро распространились слухи, что Сосновский готов оговорить кого угодно, что стало сильнейшим психологическим ударом для сплоченности ягодовцев. Каждый готовился погибать в одиночку. Когда по показаниям Сосновского пришли с ордером на арест и обыск в квартиру старого чекиста Карла Роллера (он же Леопольд Чиллек, он же Тринцин Оттман, он же Иван Иванович Заболотный — бывший унтер-офицер австро-венгерской армии, затем белогвардеец, затем кадровый

разведчик и контрразведчик ВЧК—ОГПУ—НКВД), то обнаружили, что он основательно подготовился к аресту: по словам протокола, «не было найдено ни одного листа переписки, в столах произведена основательная чистка». Его жена Мария Недзвяловская, в прошлом чекистка, впоследствии казненная как «изменница Родины», в ходе обыска пояснила причину готовности Роллера к аресту: «Я знаю, что это очередная провокация Сосновского. Это же провокатор...»²⁴².

Вслед за арестом Сосновского Ежов с помощью Цесарского и Литвина быстро подготовил и 28 ноября провел важную кадровую реформу. У нее была небольшая предыстория.

Ежова, видимо, крайне раздражала незаменимость Молчанова как мастера всякого рода уловок и подтасовок, позволяющих готовить фальсифицированные политические процессы. Он решил сам попробовать провести подобную комбинацию, избрав в качестве «подсадной утки» близкого человека, которому мог вполне доверять — свою любовницу Евгению Подольскую. 1 ноября ее пригласили в НКВД и дали ей задание: находясь в камере Внутренней тюрьмы, она должна будет изображать арестованную, а по ночам подписывать заранее приготовленные протоколы допросов, из которых следует, что она состояла в антисоветском заговоре и входила в террористическую группу. На основании ее показаний подлежали расстрелу 25 ни в чем не повинных людей. В этом виден характерный почерк Молчанова, который еще в ходе процесса Каменева — Зиновьева отдал под суд целую группу своих агентов-провокаторов, легко пожертвовав ими. Не исключено, что Евгения Подольская подписывала протоколы прямо в кабинете Молчанова, после

чего там же ужинала и ложилась спать на специально отведенном ей диване²⁴³.

Овладев приемами Молчанова, Ежов, видимо, спохватился, что тот может узнать от Подольской какие-то сведения о личной жизни или высказываниях Ежова. Надо было срочно удалить Молчанова на периферию. Нашлась ему и замена — в лице уже упоминавшегося начальника управления НКВД по Западной Сибири Владимира Курского, который хватал фальсификаторские приемы Молчанова, что называется, на лету. По делу о взрыве метана на кемеровской шахте «Центральная» в сентябре 1936 г. им был инспирирован трескучий политический процесс «вредителей и террористов», якобы нарочно организовавших этот взрыв. Побоями и пытками подследственных заставили дать признательные показания, обещав сохранить им жизнь, пощадить их близких, и заставили рассказать о якобы подготовленном ими взрыве на «открытом» процессе. «В зал суд. заседания в качестве публики были помещены переодетые в гражданскую форму работники краевого УНКВД. На суд. заседаниях присутствовал представитель германского консульства в Новосибирске (в связи с прохождением по делу гражданина Германии Э.И. Штиклинга)»²⁴⁴. При подготовке процесса было использовано экспертное заключение (при его подготовке экспертов две недели не выпускали из здания НКВД, заставляя вновь и вновь переделывать акт экспертизы по указаниям Курского и его помощников). Судебный процесс состоялся в Новосибирске с 19 по 21 ноября. Всем девяти подсудимым вынесен смертный приговор. 25 ноября Президиум ВЦИК отклонил их ходатайства о помиловании. Штиклинга в дальнейшем выслали в Германию, остальных расстреляли. Более присутствие Курского в Западной Сибири не

требовалось, и Ежов спешно затребовал его в Москву, чтобы он возглавил СПО вместо Молчанова и довел до конца дело Радека, Пятакова, Сокольникова и остальных. С собою он привез пятерых заключенных: бывших руководителей угольной отрасли Кузбасса Дробниса, Граше, Шестова, Строилова и Норкина, в отношении которых дело было выделено в отдельное производство — их планировалось подключить к новому московскому процессу, чтобы через этих «соучастников» инкриминировать Пятакову и остальным «террористический акт» в Кемерове. Граше и Шестов являлись секретными агентами НКВД, которым, естественно, пообещали, что по выполнении этого секретного задания — выдавать себя на суде за разоблаченных заговорщиков — их ожидает достойная награда²⁴⁵. Курский показал тем самым, что умеет проделывать подобные трюки не хуже Молчанова. Через два месяца это даст возможность государственному обвинителю А.Я. Вышинскому патетически заявить на судебном процессе:

«Я обвиняю не один! Рядом со мной, товарищи судьи, я чувствую, будто вот здесь стоят жертвы этих преступлений и этих преступников на костылях, искалеченные, полуживые, а может быть, вовсе без ног, как та стрелочница ст. Чусовская т. Наговицына, которая сегодня обратилась ко мне через «Правду» и которая в 20 лет потеряла обе ноги, предупреждая крушение, организованное вот этими людьми! Я не один! Я чувствую, что рядом со мной стоят вот здесь погибшие и искалеченные жертвы жутких преступлений, требующие от меня, как от государственного обвинителя, предъявлять обвинение в полном объеме.

Я не один! Пусть жертвы погребены, но они стоят здесь рядом со мною, указывая на эту скамью

подсудимых, на вас, подсудимые, своими страшными руками, истлевшими в могилах, куда вы их отправили!..

Я обвиняю не один! Я обвиняю вместе со всем нашим народом, обвиняю тягчайших преступников, достойных одной только меры наказания — расстрела, смерти!»²⁴⁶.

Это играло важнейшую для Сталина роль: ему очень важно было показать, что все случаи производственного травматизма, аварий, крушений поездов и т.п. являются следствием не безудержной политики форсированной индустриализации путем безжалостной траты «человеческого материала», как это было в действительности, а происков врагов Сталина — бывших оппозиционеров, поверженных соперников по партийной борьбе. И этот важнейший козырь сталинской пропаганде заботливо подготовил Курский. Наверное, еще тогда Сталин обратил на него свое внимание. Пройдет всего полгода, и Курскому придется расплатиться за свое открытие собственной жизнью...

Сталин и Ягода в прошлом не раз сваливали нищету рядовых *трудящихся*, которая сама по себе являлась необходимым условием существования коммунистического режима, на происки неких «вредителей», пробравшихся на руководящие посты в промышленности и торговле. Для иллюстрации приведем одно из писем Сталина Молотову 1930 г.:

«Вячеслав!!

1) Надо бы все показания вредителей по *рыбе, консервам и овощам опубликовать* немедленно. Для чего их квасим, к чему «секреты»? Надо бы их опубликовать с сообщением, что ЦИК или СНК передал

это дело на усмотрение коллегии ОГПУ (она у нас представляет что-то вроде трибунала), а через неделю дать извещение от ОГПУ, что все эти мерзавцы расстреляны. Их всех надо расстрелять»²⁴⁷.

Такова же была природа «шахтинского» и других подобных дел. Изобретением Курского стала привязка деятельности всех этих мнимых «шпионов», «вредителей» и «диверсантов» к участникам старых партийных оппозиций. Это явилось развитием идеи Сталина, высказанной еще в статье 1928 г. под названием «Докатились», о том, что всякое свободомыслие в партии, любое сомнение в правильности действий ее руководства во главе со Сталиным с неизбежностью является первой ступенью на пути к антисоветской деятельности. Подобные настроения Сталин высказывал с первых дней после Октябрьской революции. Например, он потребовал не просто привлечь к ответственности лидера меньшевиков Ю.О. Мартова, друга юности Ленина, заявившего о причастности Сталина к дореволюционным «экспроприациям» (грабежам), но предать его как контрреволюционера суду Верховного трибунала, мотивируя следующим: «Когда Мартов писал статью, — говорит он, — ясно, что писал он не о каком-то Сталине, который живет неведомо где и занимается экспроприациями. Ясно, что он хотел ущемить перед рабочими члена Ц.И.К. Ясно, что писал он обо мне не как о частном лице, а как о члене правительства»²⁴⁸.

Ту же идею Сталин рассчитывал увидеть и в подконтрольной ему советской печати по случаю процесса Зиновьева — Каменева. 6 сентября в 4 часа утра разочарованный Сталин из «Зеленой рощи» шифром телеграфирует в Москву Молотову и Кагановичу:

«Правда» в своих статьях о процессе зиновьевцев и троцкистов провалилась с треском. Ни одной статьи, марксистски объясняющей процесс падения этих мерзавцев, их социально-политическое лицо, их подлинную платформу, — не дала «Правда». Она все свела к личному моменту, к тому, что есть люди злые, желающие захватить власть, и люди добрые, стоящие у власти, и этой мелкотравчатой мешаниной кормила публику.

Надо было сказать в статьях, что борьба против Сталина, Ворошилова, Молотова, Жданова, Косиора и других есть борьба против Советов, борьба против коллективизации, против индустриализации... Ибо Сталин и другие руководители не есть изолированные лица, — а олицетворение всех побед социализма в СССР... Надо было, наконец, сказать, что падение этих мерзавцев до положения белогвардейцев и фашистов логически вытекает из их грехопадения, как оппозиционеров, в прошлом... Вот в каком духе и в каком направлении надо было вести агитацию в печати. Все это, к сожалению, упущено»²⁴⁹.

В этой шифротелеграмме Сталин на скорую руку набросал эскиз той судебной амальгамы, которую в почти законченном виде представил через три месяца Курский. Он блестяще сумел и угадать желание вождя, и угодить ему. Об отношении Кремля к его замыслу — связать воедино двумя открытыми процессами взрыв на шахте, многочисленные аварии, повлекшие гибель людей и увечья, по всему Советскому Союзу, низкий и беспросветный по сути уровень жизни *трудящихся*, с борьбою в прошлом оппозиционеров против Сталина — о том, какой эффект имело воплощение его, можно судить по дневниковым записям свояченицы Сталина Марии Сванидзе.

Приведем страничку из дневника от 20 ноября 1936 г.: «...Крутом я вижу вредительство и хочется кричать об этом... Я вижу вредительство в том, что Дворец Советов строится на такой площади, что это влечет за собою уничтожение, может быть, ста хорошо построенных и почти новых домов. Это при нашем-то жилищном кризисе ломать прекрасные дома и выселять десятки тысяч людей неизвестно куда. Что, нельзя было для Дворца Советов выбрать площадку в два га за пределами старой Москвы, хотя бы на Воробьевых горах, и там создать новый район, не разрушая города, оставив так, как есть район бывшего Храма, ну на ближайšie десять-двадцать лет. Зачем озлоблять целую массу народа? Зачем тратить лишние деньги на сломы? Я понимаю, ломать лачуги, но ломать 4-этажные хорошие дома, не понятно. С самого начала я была не согласна с утвержденным планом реконструкции Москвы в части реконструкции старого центра. А какие чудесные деревья вырубают, уничтожили все скверики для детей, залили асфальтом уродливые, неухоженные площади, никому не нужные, по которым происходит совершенно хаотическое движение людей. Ах, всего не напишешь. А толпа, которая производит впечатление оборванцев, — где работа легкой промышленности? Где стахановское движение, где Виноградовы и пр., и т.п. За что ордена, почему цены взлетели на 100%, почему ничего нельзя достать в магазинах, где хлопок, лен и шерсть, за перевыполнение плана которых раздавали ордена? Что думают работники Легпрома, если они не вредители, будут ли их долго гладить по головке, за то, что они в течение 19 лет не смогли прилично одеть народ, чтоб весь мир не говорил о нашей нищете, которой нет, — мы же богаты и сырьем, и деньгами, и талантами. Так в чем же

дело, где продукция, где перевыполнение плана? А постройка особняков и вилл, а бешеные деньги, бросаемые на содержание роскошных домов отдыха и санаториев, никому не нужная расточительность государственных средств, что говорить, я люблю свою родину, я хочу ее видеть счастливой, нарядной, светлой, культурной и счастливой, это должно быть при нашем строе, но этому мешают, мешают на каждом участке строительства жизни, и надо беспощадно с этим бороться, надо раскрыть пошире глаза и насторожить уши, надо научиться думать, а не куковать, надо трезво критиковать и осмысленно поправлять ошибки. Я буду еще много писать и волноваться на эти темы, я ненавижу людей, которым все — все равно, лишь бы они все имели, к сожалению, у нас много людей, которые говорят и делают, как Людовик XV: «После нас — хоть потоп».

Через несколько недель она же под влиянием второго процесса, являющего собою в завершении плод мысли Сталина, записала в том же дневнике: «Затем крупное событие — был процесс троцкистов — душа пылает гневом и ненавистью, их казнь не удовлетворяет меня. Хотелось бы их пытаться, колесовать, сжигать за все мерзости, содеянные ими. Торговцы родиной, присосавшийся к партии сброд»²⁵⁰.

Помимо всего этого, у Ежова было к Курскому гораздо менее значительное особое поручение — лично провести финальный допрос Евгении Подольской, чтобы она, узнав, какая участь ее ожидает, от обиды не дала компрометирующих самого Ежова показаний²⁵¹. Мы еще вернемся к вопросу о том, как Курский выполнил это деликатное поручение. Все эти заслуги Курского не остались без награ-

ды — в начале декабря Ежов представил его к званию государственного комиссара госбезопасности 3-го ранга (что соответствовало армейскому комкору), и 13 декабря Курский получил его²⁵². Теперь по званию он стоял всего на ступеньку ниже Молчанова, который, напомним, 28 ноября был переведен в Белоруссию наркомом внутренних дел республики и — по совместительству — начальником особотдела Белорусского военного округа. Чтобы предотвратить его бегство через западную границу, для наблюдения заместителем к нему отправили все того же В. Каруцкого. Близкий приятель Молчанова Гай с поста начальника Особотдела ГУГБ отправился в Иркутск — руководить УНКВД Восточно-Сибирского края. Экономический отдел, возглавляемый Мироновым, ликвидирован; сам Миронов переведен руководителем вновь образованного контрразведывательного отдела (КРО) с новыми штатами и полномочиями. Наконец, оперативный отдел (Оперод) возглавил еще один человек Фриновского — Н.Г. Николаев-Журид, по слухам, бывший царский офицер (на самом деле он окончил школу прапорщиков уже после Февральской революции). Для Паукера оставили отдел охраны, но сильно урезали его полномочия — вопросы обысков, арестов и наружного наблюдения остались за Оперодом. Это играло ключевую роль, так как именно силами Оперода предстояло провести финальную часть задуманной операции — аресты в старом руководстве НКВД.

Меры Ежова вызвали среди работников центрального аппарата НКВД и руководства республиканских, краевых и областных управлений замешательство. 3 декабря Ежову пришлось выступить перед ними с докладом, в котором он объяснял эти перемещения. Снятие Молчанова и Люшкова с руковод-

ства секретно-политическим отделом он объяснил слишком долгим, по его словам, распутыванием троцкистско-зиновьевского заговора, тем, «что просто у товарищей не хватило ни чутья, ни нюха, ни бдительности, ни остроты для того, чтобы ухватиться за эти факты». Гай, по словам Ежова, не смог эффективно управлять системой особых отделов в армии и на флоте: «А вот возьмите хотя бы такой мелкий вопрос. Если бы я спросил начальника Особого отдела тов. Гая: «Вот, будет формироваться такая-то дивизия второй очереди. Кто будет начальником Особого отдела этой дивизии?» — он мне не ответит. Я могу сказать, что командиром дивизии будет такой-то, начальником политотдела такой-то. Я могу об этом узнать, справившись в штабе главного командования. А кто будет начальником Особого отдела — никто не скажет: «Лицо секретное — фигуры не имеет» (голос из зала: «Фигура просто мифическая»)). Смену руководства Оперода Ежов объяснил тем, что спецтехника, по словам Воловича, в работе не используется (Волович, само собой, не решился доложить Ежову о масштабах ее использования при Ягоде, ведь тогда Ежов легко выяснил бы, что Волович прослушивал и его собственные разговоры со Сталиным)²⁵³.

Молчанов еще по меньшей мере неделю оставался в Москве. В кулуарах VIII Чрезвычайного съезда Советов, принявшего 5 декабря новую (так называемую Сталинскую) Конституцию, он встречался с Ягодой²⁵⁴. Что они могли сказать друг другу? Их судьба была практически предreshена...

В те же дни в Кремле в обстановке глубокой государственной тайны проходил засекреченный декабрьский Пленум ЦК, состоявшийся 4–7 декабря, который вызывал, по словам историка В. Роговина, ощущение inferнальности происходящего. Прямым

текстом было объявлено, что отныне никакое раскаяние, никакое самоуничужение перед Сталиным, даже готовность покончить с собой не дает надежды на пощаду. «Нельзя верить на слово бывшим оппозиционерам, — заявил в последний день работы Пленума Сталин, — даже тогда, когда они берутся собственноручно расстрелять своих друзей... средство бывших оппозиционеров, врагов партии сбить партию, сорвать ее бдительность — последний раз перед смертью обмануть ее путем самоубийства и поставить ее в дурацкое положение... И нельзя нас запутать ни слезливостью, ни самоубийством». В антрактах заседаний проводились очные ставки, в ходе которых специально доставленные из Внутренней тюрьмы в Кремль Пятаков и Сосновский, морально и физически совершенно сломленные, «уличали» еще находящихся на свободе Бухарина и Рыкова. Закрывая Пленум, Сталин распорядился: «О Пленуме в газетах не объявлять»²⁵⁵.

Новый руководитель СПО ГУГБ Курский с самого начала дал понять, что не намерен работать с кадрами своего предшественника Молчанова, что и неудивительно: прояви он хоть малейшее снисхождение к сотрудникам Молчанова в СПО — и его сразу же легко было обвинить в сочувствии к опальному земляку-харьковчанину.

И Курский старался. Для иллюстрации упомянем о судьбе сотрудницы СПО А.А. Андреевой-Горбуновой (она же Ашихмина), единственной в то время женщины, имевшей звание майора госбезопасности; она занимала должность одного из помощников Молчанова. Из-за притеснений Курского ей пришлось перевестись из СПО, впоследствии она была арестована и отправлена в лагеря, где содержалась с женщинами — политзаключенными, которые хорошо помнили ее по прежней работе; в од-

ной из жалоб она пишет: «Знавшие меня по моей работе в ВЧК—ОГПУ—НКВД, встретив меня здесь, создали для меня невыносимую обстановку»²⁵⁶.

Справедливости ради заметим, что женщины-политзаключенные имели все основания относиться к Андреевой-Горбуновой подобным образом. Анархистка А. Гарасеева в юности (в 1925 г.) по сфабрикованному под руководством Андреевой-Горбуновой делу о «подготовке злодейского покушения» на всемогущего тогда члена Политбюро, председателя Исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьева, попала вместе с сестрой в один из политизоляторов (тюрем для политзаключенных) на Урале. Хотя через 10 лет сам Зиновьев был разоблачен как «руководитель антисоветского террористического подполья», это не сняло с сестер Гарасеевых клейма «антисоветских террористок», что обеспечило им многие годы репрессивных преследований, одна из сестер заболела в тюрьме туберкулезом. Так вот Андрееву-Горбунову А. Гарасеева вспоминала такими словами: «...отвратительная личность. Она была сторонницей пыток, сажала подсудимых и заключенных в ледяную воду, а в ярославском политизоляторе приказала камеры залить водой. Меня она ненавидела со времен Лубянки так же, как и я ее.

Обычно в Верхнеуральске она появлялась два раза в году, в сопровождении пышной свиты местного тюремного начальства обходила каждую камеру и спрашивала, есть ли жалобы. Иногда заключенные постановляли: с Андреевой говорить не будем. Тогда каждая камера встречала ее появление гробовым молчанием, так что слышно было только, как открывают и закрывают замки дверей. Но Андрееву у нас интересовали не столько заключенные, сколько великолепная охота на дроф и сайгаков,

приготовления к которой мы наблюдали из окон политизолятора... Андреева была подругой Жемчужиной, жены Молотова, и в 30-х гг. попала в те самые лагерь, которыми заведовала»²⁵⁷. Ей пришлось вновь посетить некогда любимые ею уральские пересылки, однако на сей раз с иной целью — не для того, чтобы охотиться на дроф и сайгаков, а в качестве политзаключенной — одной из тех, кого некогда предпочитала поливать холодной водой. Неизвестно, пришлось ли ей испытать изобретенный ею курс водных процедур на собственной шкуре, но Андреева-Горбунова в местах заключения получила инвалидность. На этом основании она позднее умоляла Берию о помиловании, однако ей было отказано. Андреевой-Горбуновой пришлось более десяти лет провести среди невзлюбивших ее политзаключенных в отдаленных лагерях, где она и умерла.

Курский не имел пощады к тем, кто находился на хорошем счету у Молчанова. В самые короткие сроки начальствующий состав СПО — одного из ключевых отделов центрального аппарата ГУГБ — был практически полностью сменен. Столь же беспощаден он был и к выполнившей свою провокаторскую миссию Евгении Подольской, о которой упоминалось выше. Вызванная на очередной «допрос», она, к своему удивлению, вместо любезного Молчанова увидела перед собою грубоватого Курского, «который, насмешливо глядя на нее, сказал:

— А теперь мы вас, уважаемая, расстреляем...

И дальше в нескольких словах популярно разъяснил ей, какую роль она сыграла в этом деле. Мало того, что он осыпал ее уличной бранью, он еще цинично назвал ее «живцом», то есть приманкой для рыб, и объяснил, что ее показания дают

основания для «выведения в расход» группы не менее 25 человек. Потом она была отправлена в камеру, и там ее теперь держали без вызова больше месяца»²⁵⁸. Помимо прочего, Курский передал ей лично от Ежова, что расстреляет не только ее, но и всякого, кому она расскажет о случившемся с нею. Однако после неудачной попытки покончить с собою Евгения рассказала о происшедшем своей единственной соседке по двухместной камере Внутренней тюрьмы Анне Жилинской с единственной просьбой передать как-нибудь эту историю ее пятнадцатилетней дочери. К этой девочке имел интерес и Ежов, но исключительно сексуального свойства. После неудачной попытки ее изнасиловать он со зла включил ее мать в список смертников (27 февраля 1937 г.)²⁵⁹, направленный на согласование Сталину, Молотову и Кагановичу, а когда они санкционировали весь список, Евгении в виде своеобразного подарка к 8 марта оформили смертный приговор, приведенный в исполнение через несколько дней, 16 марта.

Случай с Подольской пробудил в Ежове какие-то садистские инстинкты, до этого ему совершенно не свойственные. Впервые отмечая новый для себя профессиональный праздник — День чекиста (20 декабря), он распорядился в этот же день немедленно арестовать своего самого близкого друга, бывшего Председателя Госбанка СССР Марьясина. После этого по ночам, как следует выпив водки или коньяка, Ежов в сопровождении одного лишь начальника группы своей личной охраны Василия Ефимова отправлялся в Лефортовскую тюрьму, где ночь напролет о чем-то разговаривал с Марьясиным с глазу на глаз. Видимо, это заменяло Ежову тайную исповедь. Чтобы не показаться излишне сентиментальным, после каждого подобного randevu

Ежов приказывал Ефимову сильно избить Марьясина. Эти встречи не прекращались даже после вынесения Марьясину смертного приговора. Фриновский по этому поводу рассказывал: «Был арестован Марьясин — быв. пред. Госбанка, с которым Ежов до ареста был в близких отношениях. К следствию по его делу Ежов проявил исключительный интерес. Руководил следствием по его делу лично сам, неоднократно бывая на его допросах. Марьясин содержался все время в Лефортовской тюрьме. Избивался он зверски и постоянно. Если других арестованных избивали только до момента их признания, то Марьясина избивали даже после того, как кончилось следствие и никаких показаний от него не брали.

Однажды, обходя кабинеты допросов вместе с Ежовым (причем Ежов был выпивши), мы зашли на допрос Марьясина, и Ежов долго говорил Марьясину, что он еще не все сказал, и, в частности, сделал Марьясину намек на террор вообще и теракт против него — Ежова, и тут же заявил, что «будем бить, бить и бить»²⁶⁰. Смертный приговор Марьясину был вынесен 10 сентября 1937 г., однако приводить его в исполнение не спешили: ночные визиты к нему Ежова с последующими избиваниями не прекращались еще целый год после этого²⁶¹.

29 декабря Агранову, который оставался потенциально опасен как возможный центр притяжения уцелевших ягодцев, тоже бросили кость: оставаясь первым заместителем Ежова, он получил, наконец, должность начальника ГУГБ НКВД. Неужели он совсем не извлек выводов из надломленных судеб Ягоды, Молчанова и Гая, которые вскоре стали воистину трагическими? Вряд ли. Однако по каким-то причинам он так и не решился сплотить

вокруг себя тех ягодцев, кто еще оставался в большой силе. Если бы они действительно, как их впоследствии вынудили признаться, состояли в антиправительственном сговоре, то представляли бы собою все еще весьма внушительную группировку, даже без Ягоды и Молчанова. Но в сговор они не вступили, и Агранов даже не попытался их возглавить. Думается, причина состояла в старом, как мир, способе приручения, основанном на извечном дуализме кнута и пряника. Агранову достался «пряник» — контроль над ГУГБ. Не проще ли теперь ему создать дистанцию с отвергнутыми властителями судеб вчерашних дней? Так же примерно рассуждали и те, кто еще держался на ступеньку ниже него: Миронов, Бокий, Паукер, Волович, Шанин... Они, инстинктивно чувствуя настроения Агранова, тоже не слишком стремились сплотиться вокруг него. Подогреваемая щедрыми подачками из Кремля надежда — а вдруг пронесет? — вязала руки, сковывала волю к сопротивлению. Словом, Агранов так и не стал реальным главарем заговора верхушки НКВД.

Именно ему (вместе с Курским, разумеется) были поручены подготовка и проведение процесса Сокольникова, Радека, Пятакова и других, который состоялся в Москве в конце января 1937 г. Еще до окончания процесса началось добивание Ягоды и его приближенных. 23 января 1937 г. Ягodu и Прокофьева вывели из состава комиссии ЦК по политическим (судебным) делам²⁶², заменив Ежовым и Бельским, 27 января Ягodu перевели в запас, а Ежову присвоили звание Генерального комиссара госбезопасности²⁶³. Вскоре (20 февраля) в запас был выведен и Прокофьев: в его услугах больше не нуждались. Но все это были, как говорится, только цветочки.

Сумерки над Лубянкой

Зимою аресты среди сотрудников НКВД участились, счет арестованных пошел уже на десятки (их тогда еще не называли «ягодинским охвостем», а больше старались подтянуть к разоблаченному «шпиону» Сосновскому). Наибольший гнев Сталина, как нетрудно догадаться, вызывала существовавшая в НКВД система прослушивания правительственной связи. Об этом стало известно, когда Паукер и Волович потеряли над ней контроль ввиду выделения из Оперода отдела охраны.

Новый начальник Оперода Николаев-Журид по инициативе Ежова предпринял чистку кадров. В феврале состоялись аресты сотрудников отделения правительственной связи (ОПС), входившего в Оперод. Одним из первых был арестован инженер И.В. Винецкий — заместитель начальника отделения, а по совместительству — помощник нового наркома связи СССР Ягоды; чуть позже за ним в тюрьму последовал начальник ОПС И.Ю. Лоренс. Всего арестовали 14 оперативных сотрудников ОПС. Довольно быстро от них получили показания о прослушивании телефонных переговоров в ЦК и о докладах З.И. Воловичу. Теперь уже жестокие побои стали применять к арестованным чекистам с первого же допроса (эту практику ввел Николаев-Журид, он называл ее «обломать рога»)²⁶⁴, так что «дело» пошло живее. В скором времени взялись за организаторов связи в других ведомствах: арестам подверглись начальник Центрального управления связи и сигнализации Наркомата путей сообщения бывший чекист Л.А. Мамендос, начальник ОМС (отдела международной связи Исполкома Коминтерна) бывший военный разведчик Б.Н. Мельников, его

предшественник, тоже военный разведчик А.Л. Ми-
ров-Абрамов и, конечно же, как обычно, их «со-
общники по заговору»...

...Беспросветная тьма февральского неба загля-
дывала в окна зала заседаний, напоминая собрав-
шимся на партсобрании работникам секретно-по-
литического отдела ГУГБ НКВД о неясности их бу-
дущего. Все знали о недавних арестах связистов,
вследствие чего общее настроение было подавлен-
ным. Повестка дня всем известна: о недостатках
в методах работы их бывшего многолетнего шефа
Молчанова. Парторг отдела капитан госбезопасно-
сти Григорьев — начальник одного из отделений
СПО, в прошлом один из ближайших сотрудников
Молчанова, скорее всего предвидел свою ближай-
шую судьбу: он не переживет этот год и всего че-
рез полгода будет расстрелян как «изменник Роди-
ны». Но место в президиуме занял торжествую-
щий враг бывшего начальника СПО — Агранов,
который решил добить поверженного соперника,
сделав из него козла отпущения. И Григорьеву
пришлось провести заседание так, как от него
требовалось: выступавших набралось несколько
десятков; все, как один, подгоняемые страхом,
клеймили «практиковавшийся бывшим начальни-
ком СПО Молчановым неслыханный зажим само-
критики и преступное подавление малейшей ини-
циативы работников под угрозой репрессий»²⁶⁵.
Генеральная репетиция массового кругового доно-
сительства в центральном аппарате НКВД состоя-
лась успешно.

Молчанов как будто еще пытался уцепиться ру-
ками за воздух. Похоже, его последним делом в ка-
честве наркома внутренних дел Белоруссии стало
так называемое Лепельское дело. Оно заслуживает

упоминания как пример остроумной попытки Молчанова избежать репрессий, грозивших ему за якобы недостаточное рвение в деле разоблачения «врагов народа». Хорошо зная, что внутренняя политика Сталина постоянно идет зигзагами и от массового удара по настоящим или мнимым врагам Сталин любит переходить к сдерживанию «перегибов на местах», сваливая вину и обрушиваясь на чрезмерно рьяных исполнителей, можно было предположить, что после зловещей атмосферы декабрьского Пленума ЦК наступит новый поворот в политике, направленный на смягчение репрессалий. Еще на июньском Пленуме 1936 года Сталин возмущался неосновательными исключениями из партии: «У нас до сих пор еще среди партийных руководителей царит этакое, как бы сказать, валовое отношение к членам партии... Насчет того, что 200 тысяч человек исключили из партии, больше 200 тысяч. Что это значит?.. это значит, что мы с вами плохие руководители»²⁶⁶. Не исключено, что Молчанову стала известна направленная уже после декабрьского Пленума сталинская записка главному редактору «Правды» Мехлису: «Вопрос о бывших правых (Рыков, Бухарин) отложен до следующего Пленума ЦК. Следовательно, надо прекратить ругань по адресу Бухарина (и Рыкова) до решения вопроса. Не требуется большого ума, чтобы понять эту элементарную истину. И. Сталин»²⁶⁷. Полным ходом шло восстановление в правах так называемых лишенцев ввиду принятия новой Конституции (уже готовилось особое постановление ВЦИК об этом, его примут в марте). Молчанову, хорошо знавшему эти особенности сталинской политики, нетрудно было догадаться, что и на новом Пленуме Сталин, по крайней мере, на словах, будет возражать против необоснованных репрессий. Так и произой-

дет. Сталин, высмеивая разгоняемую в обществе волну шпиономании, скажет на Пленуме: «Я боюсь, что в речах некоторых товарищей скользила мысль о том, что: давай теперь направо и налево бить всякого, кто когда-либо шел по одной улице с каким-либо троцкистом или кто когда-либо в одной общественной столовой где-то по соседству с троцкистом обедал. Давай теперь бить направо и налево. Это не выйдет, это не годится... Вообще у нас развелись люди больших масштабов, которые мыслят тысячами и десятками тысяч. Исключить 10 тыс. членов партии — пустяки, чепуха это. Так они думают»²⁶⁸. На эти сталинские настроения, похоже, и попытался сделать ставку Молчанов.

6 января 1937 г. стало днем проведения Всесоюзной переписи населения. Перепись показала, что людей в стране оказалось примерно на 8 миллионов меньше, чем рассчитывало коммунистическое руководство, что послужило поводом для объявления переписи вредительской и ареста ее руководителей²⁶⁹. С самого начала подготовка к переписи и ее проведение, естественно, оказались в прицеле внимания НКВД. При этом выяснилось, что в Лепельском районе Белоруссии жители саботировали перепись. Причиной тому послужили «факты депотизма и издевательств над колхозниками и единоличниками со стороны местных органов власти». Когда НКВД сообщил об этом в Москву, 1-й секретарь ЦК Белоруссии Н. Гикало, опасаясь последствий, разослал проверочные комиссии во все 17 пограничных районов Белоруссии, где, само собою, выявились аналогичные факты: крестьян подвергали жесточайшим репрессиям, за неполное выполнение государственных повинностей отбирали все имущество, подвергали арестам и высылке. Итогом стало смещение 25 января Гикало с партий-

ной должности и перевод его с понижением в Харьков. Его сменил бывший чекист Данила Волкович, участник подавления восстания ижевских рабочих в 1918 году²⁷⁰.

Если инициатором «Лепельского дела» стал Молчанов, то его расчет оказался верным в том смысле, что его инициативу в Москве поддержали. 22 февраля ЦК принял постановление «О положении в Лепельском районе БССР», которое за «незаконную конфискацию имущества у крестьян» предписало отдать под суд шестерых советских работников, включая председателя Лепельского райисполкома Семашко²⁷¹. Для чего Сталину понадобилось вступить за ограбленных коммунистами крестьян, всем стало ясно через год; Молчанов же наверняка понимал это уже тогда. Однако, пустив под откос карьеру белорусского партийного вождя Гикало, Молчанов отнюдь не обезопасил этим себя.

На следующий день начался февральско-мартовский Пленум ЦК. После расправы над Бухариным и Рыковым, которых вывели из состава ЦК и взяли под стражу прямо в зале заседаний Пленума, на вечернем заседании 2 марта с докладом выступил Ежов. Он объявил, что в НКВД вскрыта «шпионская организация» во главе с Сосновским, которая не была своевременно раскрыта руководством ГУГБ. Помимо «шпионов», Ежов поставил себе в заслугу арест 238 работников НКВД (в том числе 107 работников ГУГБ) из числа бывших и скрытых оппозиционеров. Далее, хвалясь собственными успехами, он рассказал об «отставании» прежнего руководства НКВД в деле разоблачения «врагов народа» и, наконец, обвинил Молчанова как прежнего начальника СПО в бездействии, расценив это как должностное преступление. Возможно, свою роль в этом сыграло принятие незадолго до этого, 13 ян-

варя, осуждающего постановления в отношении давнего покровителя Молчанова — видного партийного сановника Постышева (именно по его протекции Молчанов сделал свою карьеру в ОГПУ—НКВД). К ужасу Ежова, из президиума последовал вопрос Сталина: «А как все-таки с Молчановым? Какова судьба его? Арестован он или нет?» Ежов с уверенным видом ответил: «Да, арестовали, товарищ Сталин, сидит»²⁷². Видимо, прямо в перерыве заседания Ежов отдал команду Николаеву-Журиду срочно выслать арестную команду в Минск и доставить Молчанова в Москву²⁷³. Второпях забыли выписать ордер на его арест (это было сделано лишь 7 марта)²⁷⁴. Более того, еще 17 июня 1935 г. Совнарком и ЦК приняли совместное постановление «О порядке производства арестов», которое предписывало арестовывать действующих членов ЦИК (в том числе и Молчанова) не иначе, как с санкции Председателя Президиума ВЦИК М.И. Калинина; в данном случае об этом вспомнили лишь через два месяца.

Арест, судя по всему, был произведен утром 3 марта в служебном кабинете Молчанова в наркомате внутренних дел БССР в Минске. Если бы Молчанов успел при аресте покончить с собой, положение Ежова стало бы незавидным. Если бы арест сопровождался каким-либо шумом, вызвал лишние разговоры, они могли дойти до Москвы. Если бы, если бы... Неожиданности следовало исключить. Думается, скрытный, незаметный для постороннего взгляда арест наркома внутренних дел в здании наркомата, да еще без ордера, вряд ли состоялся бы удачно, если бы не содействие замнаркома В.А. Каруцкого (во всяком случае, тот вскоре получил орден Ленина и дальнейшая карьера его складывалась вполне удачно вплоть до самоубий-

ства в майскую ночь 1938 г.). Вечером того же дня Молчанова поездом доставили в Москву, на Бело-русский вокзал. На запасных путях его вдали от посторонних глаз пересадили в автомашину, чтобы в последний раз доставить в родное ведомство. Прощально мигали в просветах сумрачного московского неба вечерние звезды: отныне Молчанову суждено было видеть звезды только на фуражках своих конвоиров. Его поместили во Внутреннюю тюрьму на Лубянке, в одну из тех камер, где еще недавно он держал своих подследственных. Окно его камеры, замурованное железным щитом²⁷⁵, слепо смотрело на окна знакомых Молчанову служебных кабинетов главного здания НКВД. Ему предстояло сполна испить чашу страданий и на себе испытать те самые «методы», которыми он сламывал бесправных арестантов.

Здесь следует, пожалуй, кратко остановиться на прошлом Молчанова. Сын харьковского официанта, он наверняка, как это было принято в те годы, в детстве помогал отцу, осваивая навыки профессии. Однако отец после многолетнего заискивания перед прихотями богатых клиентов хотел видеть своего сына среди них и отдал его в коммерческое училище. Но Молчанов не успел стать коммерсантом: разразилась революция. При первой возможности вступив в компартию, несостоявшийся буржуй сломя голову бросился в революционную стихию и вскоре вступил в банду мародера Трофимовского, лютовавшего как речной разбойник на волжском пароходе «Миссури». Когда Трофимовского расстреляли, Молчанова по молодости лет пожалели: он недолго сидел под арестом с «легким» по тем временам обвинением в фальшивомонетничестве, а вскоре был востребован новыми властями: шла Гражданская война, и многие бывшие бандиты ва-

лом повалили в «Чрезвычайку». Как пишет биограф Молчанова, «расторопность, услужливость, желанье угодить, ставшие чуть ли не семейной традицией, хорошо послужили в его жизненном пути, в карьере»²⁷⁶, особенно, надо полагать, когда он устроился младшим адъютантом к М.В. Фрунзе. Там он познакомился с выдвинутыми последнему, в частности, Павлом Постышевым, своим будущим многолетним покровителем. Но через всю оставшуюся жизнь он пронес органическую ненависть к «бывшим» — тем, за кем в детстве ему приходилось таскать грязную посуду с объедками, кем он пытался стать, прилежно учась в коммерческом училище. Отсюда его немислимое усердие при фабрикации фантазмагорических «дел», по которым арестовывали множество бывших торговцев, служащих, священников. Среди «подвигов» этого борца за идею «Контрреволюционная церковно-монархическая организация», «Союз Родины и революции» и еще ряд мифических организаций, но с настоящими обвиняемыми. Впрочем, сам Молчанов побаивался шаткости слепленных его подчиненными «доказательств» даже для советского суда сталинской эпохи и предпочитал «пропускать» обвиняемых через коллегия ОГПУ, которая без особых затруднений выносила смертные приговоры. На страницах советской печати раскрываемые Молчановым «заговоры» громко именовали «союзом попа, капиталиста и палача». В действительности же Молчанову удалось раскрыть такие страшные преступления против режима, как «церковные проповеди, антисоветские беседы на дому, провокационные слухи, финансовая и материальная поддержка ссыльных»²⁷⁷. Смело добавив к этому обвинения во «вредительстве» и намерении захватить власть, Молчанов сводил давние личные счеты с «бывши-

ми». Впрочем, как только дали команду, он с не меньшим рвением взялся и за большевиков; на этом его «идейная» чистота иссякла. Особенно отличился Молчанов в деле «Союза марксистов-ленинцев», по которому были привлечены сплошь старые большевики: они вызвали такую ненависть Сталина, что тот потребовал для них немедленного расстрела²⁷⁸. Благодаря незаурядным интеллектуальным способностям, честолюбию и сильным амбициям, Молчанову удалось заслужить прозвище «правая рука Ягоды»; но теперь настал тот черный день, когда этот титул потерял былой блеск и превратился в суровое обвинение, словно сказочная карета в тыкву.

Видимо, по распоряжению Ежова его официально считали арестованным на месяц раньше, 3 февраля (это вошло даже в современные справочники), но при этом упустили из виду, что весь этот месяц он оставался действующим наркомом внутренних дел БССР и начальником особотдела БВО, что, конечно, было бы невозможно, если бы он весь февраль содержался под стражей. Лишь после его реального ареста 4 марта эти посты занял его недруг Борис Берман.

Забегая вперед, скажем, что арест Молчанова повлек за собою падение нового белорусского партруководителя Волковича: 14 марта его сместят с должности, а уже 27 ноября 1937 г. он будет расстрелян. На посту 1-го секретаря ЦК Белоруссии его сменил Василий Шарангович, который до этого служил у Ежова в КПК уполномоченным по Казахстану и Харьковской области. В июне, проводя XVI съезд компартии Белоруссии, он, по выражению Р. Конквеста, «горячо приветствовал проходивший террор»²⁷⁹, в частности, заявив: «Мы должны уничтожить до конца... остатки троцкистско-бу-

харинской банды и националистической падали, раздавить и стереть их в порошок, как бы они ни маскировались, в какую бы нору ни прятались»²⁸⁰. Однако уже в июле в Белоруссию прибыл Г. Маленков, протее Ежова и его преемник на посту завОРПО, и провел внеочередной Пленум, на котором Шарангович был «разоблачен» и смещен с поста или, по собственному выражению, извлечен из норы и стерт в порошок. Все выступавшие на Пленуме клеймили «врагов народа» и клялись разгромить «антисоветское подполье»; впрочем, из 24 выступавших 20 впоследствии сами были арестованы и расстреляны. Что же до «Лепельского дела», то конец его оказался неожиданным: ввиду казни прочих белорусских руководителей вину за это дело пришлось взять на себя Шаранговичу, которого ради этого вывели на «процессе троцкистско-бухаринского блока» в марте 1938 г. Хотя Шаранговича в дни «Лепельского дела» вообще не было в Белоруссии, он «признался», что по заданию Троцкого и Бухарина организовал таким способом недовольство крестьян советской властью. После этого его расстреляли.

Однако вернемся к февральско-мартовскому Пленуму. Сообщение Ежова об аресте Молчанова произвело шокирующее впечатление на Ягоду, в то время еще полноправного члена ЦК. Выступая с ответным словом на том же вечернем заседании 2 марта и не зная, что Молчанов еще на свободе и в прежних должностях, Ягода говорил путано и неуверенно, поскольку не мог угадать, какие обвинения собираются предъявить Молчанову. С одной стороны, «к Молчанову трудно придрасться. Человек работал день и ночь». С другой стороны, изрядно перетрусивший и растерявшийся, Ягода первым обвинил Молчанова в измене: «Я уверен сейчас в

том, что Молчанов предатель» (он не мог знать, что Молчанову в то время планировалось вменить лишь должностную халатность). По выступлению Ягоды видно, что изначально он собирался говорить только о коварстве «шпиона» Сосновского. Ему бы хотелось теперь свалить все упреки на Молчанова, однако, заговорив первым о его «предательстве», он вызвал шквал критики в свой адрес. На следующем, утреннем, заседании 3 марта бывшие подчиненные Ягоды Агранов, Балицкий, Миронов, Реденс и Заковский подвергли его обструкции (еще не зная, конечно, что в течение последующих месяцев сами будут уничтожены как «враги народа»). Их ругань была совершенно искренней: волчья стая грызла потерявшего хватку вожака, который в решающий момент попросту струсил, погубив и себя, и остальных. Не взяв под защиту ни Сосновского, ни Молчанова, Ягода потерял последних сторонников, вызвав со стороны уцелевших бешеную злобу. Особенно ярко этот подтекст прозвучал в выступлении Станислава Реденса. Сильный своею близостью со Сталиным, которому он доводился свояком, начальник управления НКВД по Москве и Московской области откровеннее, чем другие, бросал отчаянные упреки Ягоде: «А почему же вы нас, чекистов, всех подводите под удар? Почему вы такой паршивый руководитель?» В раздражении он выразил настроение всех брошенных на произвол судьбы руководителей НКВД: «Товарищи, нашу вину чекистов отрицать нельзя. Она тут налицо. Кто из нас много виноват, кто мало, пусть рассудит наша партия и скажет, что и как, а я могу сказать только одно... я думаю, что вот это руководство наше в лице Ягоды, мы его смоем... Я думаю, что больше мы таких ошибок не допустим»²⁸¹.

После них на трибуну поднялся давний враг Ягоды Евдокимов, бывший член «пятерки», изгнанный в 1932 г. из ОГПУ. Он ответил своему прежнему гонителю грубой бранью, обрывая попытки Ягоды оправдаться: «Брось ты мне петрушку тут крутить. Брось трепаться, ты никакой помощи в работе не оказал». Все помнили, как на июньском Пленуме 1935 года, совсем не так давно, Ягода закончил свое выступление по поводу судьбы Енукидзе такими словами: «Енукидзе не только игнорировал наши сигналы, но завел в Кремле свое параллельное «ГПУ», и, как только выявлял нашего агента, он немедленно выгонял его... Вы здесь перед Пленумом столько нагали, Абель, что нужно не только исключить вас из партии, нужно, по-моему, арестовать вас и судить». Теперь же Ягода услышал от Евдокимова: «Надо привлечь Ягоду к ответственности. И надо кренко подумать о возможности его пребывания в составе ЦК. Снять с него звание Генерального комиссара государственной безопасности, хотя бы в отставке. Он его не оправдал». Злость Евдокимова вполне понятна: два года назад ягодовцы арестовали его дочь и зятя, П. Тарасова, видимо, рассчитывая получить от них показания на самого Евдокимова²⁸². В итоге была принята резолюция, осудившая прежнее руководство НКВД за бездействие в деле разоблачения заговорщиков²⁸³. Подводя итог этому вопросу на вечернем заседании 3 марта, Ежов, видимо, уже получивший сведения об успешном аресте Молчанова, выдвинул против него следующие обвинения: 1) он «слепо доверял своим агентам-двойникам» и 2) разглашал своему приятелю, оказавшемуся скрытым троцкистом, служебную информацию. Завершая свое выступление, он попросил участников Пленума «одобрить, в частности, арест и предание суду одного из

главных виновников позорного провала органов государственной безопасности в борьбе с зиновьевцами и троцкистами бывшего начальника Секретно-политического отдела ГУГБ Молчанова»²⁸⁴.

Именно в таком духе и были предъявлены первоначальные обвинения Молчанову. М.П. Шрейдер, знавший Молчанова с 1928 г., в те дни узнал от своих знакомых оперативников центрального аппарата, что бывшему начальнику СПО инкриминировано лишь «отсутствие должной борьбы с троцкистами»²⁸⁵. Расплывчатость обвинения создавала возможность привлечь к такой же ответственности и других работников НКВД. Это внушало им естественную тревогу.

Агранов, первый заместитель наркома и начальник ГУГБ, несмотря на высоту положения и давние личные связи со Сталиным, начал чувствовать себя неуверенно. Впрочем, это случалось с ним не впервые. Повелось считать, что он являлся чуть ли не рафинированным интеллигентом, меценатом. Действительно, Агранов, появляясь в кругу столичной богемы, всех удивлял своей отзывчивостью, легким и ироничным характером, при первом же знакомстве просил называть его запросто «Яней». Но на службе он, словно некий оборотень, совершенно менялся. После рокового выстрела в Смольном, окончившего жизнь сталинского сатрапа в Ленинграде Сергея Кирова, Агранов в составе сталинской свиты прибыл в Ленинград и на некоторое время возглавил местное УНКВД. По его инициативе вскоре были расстреляны не только непосредственный убийца Кирова Николаев, но также его брат, сестра, двоюродный брат, его жена Мильда Драуле, ее сестра с мужем и все родственники, проживавшие в Ленинграде, включая 64-летнюю мать — неграмотную уборщицу Ленинградского

трамвайного депо. Вскоре Агранов доложил о расстреле 104 «белогвардейцев», якобы причастных к убийству Кирова. Этому ему показалось мало. Всего за 10 дней им были составлены списки свыше 11 тысяч ленинградцев, подлежащих ссылке, — более тысячи человек в день!²⁸⁶ Один только срок, установленный этим рекордсменом, наводит на мысль о том, что способ установления «подозрительных» для внесения их в списки был позаимствован столичным гостем у своего тезки — заместителя Дзержинского Якова Петерса, который в 20-е гг. составлял подобные списки по телефонной книге.

Говорили, что Агранов был снисходителен к представителям научной и творческой интеллигенции, а также артистических кругов. Это маловероятно. Достаточно упомянуть, что в 1921 — 1922 гг. он несколько месяцев возглавлял Особое бюро по делам административной высылки антисоветских элементов и интеллигенции при СОУ ГПУ²⁸⁷.

Каковы были его настроения в начале весны 1937 г.? Чтобы ответить на этот вопрос, вернемся чуть назад и обратимся к его словам при выступлении на оперативном совещании руководящих работников НКВД центра 3 февраля 1935 г.: «Наша тактика сокрушения врага заключалась в том, чтобы столкнуть лбами всех этих негодяев и их перессорить. А эта задача была трудная... мы имели дело с матерыми двурушниками, многоопытными очковтирателями»²⁸⁸. Агранов был исключительно пронизательным человеком и теперь, вероятно, с некоторым запозданием, понял, что его слова прекрасно подходят к тому образу действий, которые Сталин избрал в отношении Ягоды и его соратников, в том числе и самого Агранова. Однако некогда было, как говорил небезызвестный персонаж И. Ильфа и Е. Петрова, стучать лысиной в паркет.

Надо было действовать, выкручиваться. Неужели такой мастер лицедейства и закулисной интриги, как он, Агранов, не найдет способ отползти от столь неприятно сложившихся обстоятельств?

Он первым подал своим подчиненным пример новой тактики поведения: каждый сам за себя, топи другого. 7 марта по его настоянию арестован старший майор госбезопасности А.Ф. Рутковский, бывший помощник Молчанова, хотя он еще в декабре 1934 г. ушел из СПО²⁸⁹. По примеру Агранова и остальные ягодовцы начали если и не топить друг друга, то по меньшей мере ждать от своих коллег доносов и провокаций. Это окончательно раскололо и деморализовало ягодинских ставленников.

В марте вместо «вычищенных» врагов народа в центральный и местный аппарат НКВД было мобилизовано внушительное количество «комсомольцев — без опыта работы и знаний жизни, а часто и без образования. Им сразу внушили, что они будут иметь дело с «врагами народа» — скрытными, злобными и изворотливыми. Церемониться с ними нечего. К ним допустимы и даже необходимы любые меры воздействия, если они не хотят признаваться»²⁹⁰. В массе своей «комсомольцы» были темные, зачастую малограмотные люди, умевшие только бить и пытаться беззащитных арестантов. «Все они были хорошие ребята, не желавшие «чикаться» с врагом»²⁹¹. Ежов счел необходимым немного «просветить» их и выступил перед ними 11 марта, разъяснив очередные задачи примерно в таком стиле: «Мы не знаем, что нам арестованный даст, может быть, ничего не даст, поэтому на него нужно нажать... Враг не успеет накопить силы, и следствие мы по-другому поведем... Если вы сейчас тратите на следствие 15 дней, тогда он будет моментально

давать показания и признаваться в виновности... С введением Конституции многие наши вещи, которые сейчас мы делаем походя (смех в зале), они не пройдут нам даром» — и прочее в том же духе²⁹².

В тот же день отстранен от должности Лурье — начальник ИСО (инженерно-строительного отдела): дело об установлении в правительственных зданиях прослушивающей аппаратуры выходило на новый виток. Лурье являлся доверенным лицом Ягоды еще до прихода их обоих на Лубянку, в период службы в Военной инспекции Красной Армии. Оказавшись в Особотделе центра, Лурье уже в 1921 г. был снят с работы и получил строгий партийный выговор за «самоснабжение», проще говоря, за растрату. Ягода перевел его сначала в управление делами ВЧК, а затем сделал коммерческим директором кооператива ОГПУ. По сути, он являлся правой рукой Ягоды в деле торговли конфискованными ценностями (прежде всего бриллиантами). С этой целью Ягода неоднократно направлял его за границу под фамилией «Александров», где Лурье однажды был арестован берлинской полицией как нелегальный спекулянт бриллиантами, и по приказу Ягоды Артузов его выкупил за взятку. Ягода после этого сделал его начальником инженерно-строительного отдела НКВД. В Москве Лурье вел достаточно широкий образ жизни, любил обедать и ужинать с иностранцами в гостинице «Националь», за что любой другой советский человек был бы арестован по подозрению в шпионаже, по выражению Ягоды, «безобразно вел себя с проститутками». Все это сходило ему с рук, если не считать того, что он был исключен из партии за аморальное поведение. Ягода терпел его за незаурядные коммерческие способности, ибо Лурье добывал ему

те немалые финансы, которыми Ягода привязывал к себе нужных ему людей²⁹³.

18 марта Ежов на секретном совещании руководящего состава НКВД, состоявшемся в клубе НКВД, объявил:

«С 1907 года Ягода находился на службе царской охранки!.. И еще я могу доказать, что Ягода и его ставленники — не что иное, как воры, и в этом нет ни малейшего сомнения. Разве не Ягода назначил Лурье начальником инженерно-строительного отдела НКВД?.. Многие годы эти два преступника, Ягода и Лурье, обманывали партию и свою страну. Они строили каналы, прокладывали дороги и возводили здания, стоящие огромных средств, но в отчетах указывали, что затраты на них обходились крайне дешево. Но как, спрашиваю вас, товарищи, как этим мерзавцам удалось это? Как, спрашивается?»

Очень просто. Бюджет НКВД не контролируется никем. Из этого бюджета, бюджета собственного учреждения, Ягода черпал суммы, нужные ему для сооружения дорогостоящих зданий по крайне «дешевой» цене. Зачем Ягоде и Лурье нужно было это строительство? Зачем им нужно было строить дороги? Это они делали в погоне за популярностью, чтобы завоевать себе известность, заработать себе награды!»²⁹⁴. Стенограмма выступления Ежова на этом заседании не велась, о нем известно только из рассказа перебежчика — резидента ИНО НКВД в Голландии Вальтера Кривицкого, автора книги воспоминаний «Я был агентом Сталина»²⁹⁵. Но в те дни, конечно, о совещании стало широко известно среди работников центрального аппарата НКВД. Смысл ежовского выступления, как полагают, состоял в том, чтобы посеять среди ягодовцев, про-

должавших контролировать аппарат ГУГБ НКВД, панику и взаимное недоверие.

И это удалось. Агранов, который все еще остался первым заместителем Ежова и начальником ГУГБ, вел себя словно затравленный заяц. Он также выступил на совещании и заявил: «Неправильную антипартийную линию... занимали Ягода и Молчанов». И тут же разразился похвалами в адрес Ежова, который вскрыл происки Ягоды и Молчанова и, по словам Агранова, поставил «на верные рельсы следствие по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра». Сам Ежов оценил свои следственные таланты куда скромнее и тут же пояснил, что вообще-то арестовывали без доказательств, руководствуясь одним лишь чутьем, после чего арестованных, по его выражению, «брали на раскол». Из выступления Ежова стало ясно, что любого из людей, близких к Ягоде или Молчанову, могут арестовать безо всяких оснований: «следствие вынуждено ограничиваться тем, — откровенно признал Ежов, — что оно нажимает на арестованного и из него выжимает»²⁹⁶.

Откровения Ежова произвели устрашающее впечатление. Мы уже видели на примере Агранова, как он бросился «разоблачать» Ягоду и Молчанова с одновременными славословиями в адрес Ежова. Остальные ягодовцы шарахались друг от друга как от зачумленных. «Психическая атака» дала результат: люди, державшие в страхе всю страну, охватившие ее своими стальными щупальцами, сами были парализованы страхом. Оставалось только как можно быстрее, пока шок не прошел, материализовать химерические страхи ягодовцев; превратить то, чего они боялись, в реальность.

Несколько дней ушло на планирование предстоящих арестов. Начали, как и в случае с поляками,

с периферии: некто Леван Гогоберидзе, в прошлом секретарь ЦК Грузии, а затем секретарь Ейского горкома, дал уличающие показания на чекиста А.О. Эйнгорна, который якобы пересылал за границу письма застрелившегося в 1935 г. партийного оппозиционера Ломинадзе. Ежов распорядился заготовить ордер на арест майора госбезопасности Эйнгорна, занимавшего в то время должность особопорученца Миронова по КРО, и заранее подписал его. Но исполнение ордера было отложено. Ежов и Фриновский выжидали, пока Гогоберидзе расстреляют, чтобы он не смог отказаться от своих показаний, а Эйнгорн не смог их опровергнуть на очной ставке. Повлиять на дату расстрела они в данном случае не могли, поскольку, как пишет в своих воспоминаниях «Разведка и Кремль» ветеран советской разведки Павел Судоплатов, репрессии в отношении грузин затрагивали личные связи и отношения Сталина, поэтому в каждом подобном случае приходилось ждать сигнала из Кремля.

Наконец, 21 марта пришло сообщение из Тбилиси о том, что приговор Гогоберидзе приведен в исполнение. В заранее приготовленный ордер на арест Эйнгорна вписали дату и фамилию исполнителя в такой спешке, что под рукой не оказалось даже чернил, сгодился простой карандаш²⁹⁷. Смертоносное колесо завертелось.

На следующий день после ареста Эйнгорна, 22 марта, арестовали Лурье и отдали его «комсомольцам»-костоломам, которые должны были получить от него признания в том, что его как злостного махинатора, контрабандиста и растратчика умышленно покрывал Ягода. А параллельно набирало обороты дело «связистов». В середине марта по их показаниям было принято решение об «изъятии» Воловича. Его отправили на отдых в Сочи, он вы-

ехал, как обычно, в персональном вагоне, где и был арестован в тот же день, что и Лурье, — 22 марта²⁹⁸. Вероятно, при аресте у него обнаружили заявление, подписанное золовкой Ежова. Дело в том, что у наркома был брат Иван Ежов, жестокий пьяница, человек бедовый и очень буйного нрава (сам нарком в дальнейшем называл его «полууголовным элементом»). В юности братья жили вместе, и Иван, связавшийся с известной петроградской уличной хулиганской шайкой «Порт-Артур», имел манеру бить брата Николая мандолиной по голове²⁹⁹. После того как брат от него съехал, Иван взялся за вразумление своей жены Зинаиды. Его буйство она долго терпела, но когда Николай стал наркомом, а Иван начал сожительствовать с другими женщинами, Зинаида по простоте своей решила обратиться с устным заявлением в НКВД, дабы непутевого мужа приструнили. Она попала на прием к некоему сотруднику НКВД Савичу, а тот отправил ее к Воловичу. Это было 26 ноября 1936 г., как раз накануне расформирования Оперода. Приняв заявление (видимо, в процессе приема оно приобрело письменную форму, коль скоро о его содержании сохранились дальнейшие упоминания), Волович никакого хода ему не дал³⁰⁰, но факт собирания компромата на родню Ежова вызвал столь сильное негодование последнего, что по случаю ареста Воловича он счел нужным доложить об этом самому Сталину³⁰¹.

36-летний, жизнерадостный, веселый, циничный «Зоря» Волович по случаю ареста сразу же сник, увял, выражаясь жаргоном карательного ведомства, «поинял». Он без долгого сопротивления признал, что давал приказ о прослушивании правительственных переговоров, и сообщил о том, что прослушивание членов правительства велось по заданию Ягоды.

Дело теперь приняло совсем иной оборот, получив политическую окраску. Немедленно вспомнили о Молчанове и его передали в руки Фельдману с задачей: выбить из него показания о «заговоре в руководстве НКВД». Это был уже прямой подкоп под Ягоду. И Фельдман взялся за дело. К Молчанову применяли и «конвейер» (пытку бессонницей), и «выстойку», и суровые побои. Те, кто видел его в те дни, вспоминали его как «худого и сгорбленного человека с седой головой, который всего боялся»³⁰². Факт жестоких истязаний Молчанова не был секретом среди сотрудников НКВД. Поэтому, узнав об этом, некоторые близкие ему работники госбезопасности сразу покончили с собой. «Эта группа самоубийц, естественно, немедленно была провозглашена «врагами народа», испугавшимися разоблачений»³⁰³. Остальных начали спешно арестовывать: в Москве прошлись «частым гребнем» по работникам СПО, полностью сменив руководителей всех 12 отделений этого отдела (истерзанный пытками Молчанов назвал их сообщниками по «заговору»); репрессии коснулись и белорусского наркомата. «На места» полетели шифротелеграммы с требованием немедленно арестовать тех работников НКВД, кто перевелся из СПО центра или из Белоруссии (при Молчанове). Иллюстрацией тому служит судьба капитана госбезопасности Фрица Гансовича Клейнберга, служившего в белорусском наркомате под руководством Молчанова начальником СПО, а после ареста Молчанова переведенного на аналогичную должность к начальнику УНКВД по Ивановской промышленной области В. Стырне. Реакцию обычно флегматичного эстонца Стырне, довольно типичную для среднего руководящего звена НКВД того периода, а также других старых чекистов передает в своих воспоминаниях

нениях Шрейдер: «...в Ивановское УНКВД пришла шифровка с распоряжением о немедленном аресте помощника начальника Ивановского УНКВД капитана госбезопасности Клейнберга, недавно прибывшего к нам из Белоруссии, где он работал с Молчановым. Как раз в тот вечер мы вместе с В.А. Стырне находились в театре, и фельдъегерь доставил расшифрованное распоряжение прямо в ложу театра.

— Вы подумайте, какой ужас, Миха-а-ил Павлович! — растягивая слова и хватаясь обеими руками за голову, восклицал Стырне, сообщив мне об этом распоряжении.

А заведенный механизм неумолимо раскручивался, нанося все новые и новые удары. Поскольку Молчанов в прошлом несколько лет работал в Иванове, и в аппарате НКВД, и в милиции еще осталось много сотрудников, знающих его лично, чекисты старой закалки остро переживали его арест, хотя, конечно, вслух об этом не говорили. Но когда позднее был расстрелян избивавший Молчанова Фельдман, многие этому порадовались, так как восприняли это как справедливое возмездие»³⁰⁴. Что же касается Клейнберга, то после целого года истязаний он умер в тюремной больнице³⁰⁵.

Попутно Паукеру было поручено провести проверку расходования секретных фондов АХУ НКВД за первые девять месяцев 1936 г. Начальник охраны Сталина, близкий к нему человек (20 декабря 1936 г. Паукер, бывший в юности парикмахером Будапештского оперного театра и, видимо, приобретший там артистические наклонности, на банкете у Сталина выступал с комическим представлением, пародирующим расстрел Зиновьева, чем очень насмешил Сталина и других вождей), он оставался потенциально опасен для Ежова. Давая ему такое

поручение, Ежов создал у него впечатление, что не причисляет его к ягодавцам, подлежащим репрессированию. Вскоре сотрудник отдела охраны Цинский докладывал Паукеру:

«Доношу, что среди спецрасходов 1-го отделения АХУ НКВД за 1936 год имелись нижеследующие расходы. (Данные примерные, ибо все квитанции сожжены.)

По линии Ягоды на содержание дома отдыха «Озеры», дач «Лиза» и «Гильтищево», квартир в Кремле, в Милютинском переулке, 9, и на Тверской, 29, на разные ремонты, благоустройство парков и посадку цветов, отопление, освещение, очистку пруда, ремонт и смену мебели с 1.01. по 1.10.36 г. израсходовано 605 000 руб.

Оплата штата по всем точкам за 9 месяцев с 1.01. по 1.10.36 составила 94 500 руб.; питание для дач и квартир по 50 000 руб. в месяц; за 9 месяцев — 450 000 руб.

Итого 1 149 500 рублей.

Регулярно снабжались продовольствием сестры Ягоды: Эсфирь, Таиса и Роза. Кроме того, посылались периодические посылки Григорию Филипповичу, Леопольду Авербаху, Леониду Авербаху и Фридлянду за счет 1-го отделения АХУ. Содержались и обставлялись дачи Розы и Эсфири в Краскове, Таисии и Григория Филипповичу³⁰⁶ в Жуковке. Бывали пошивки обуви и одежды. Брат жены Леонид Авербах имел дачу на Зубаловском шоссе. Эксплуатация дачи полностью происходила за счет 1-го отделения АХУ. За 9 месяцев расход составил около 20 000 руб. ...».

[Далее подробно показаны расходы фондов НКВД на содержание приятелей Ягоды и близких к нему людей, а также их квартир, дач и прислуги].

...Показывая упомянутые расходы в суммарном выражении, получается следующее:

Содержание «Озеры», дач и квартир Ягоды 1 149 500 руб.

Израсходовано на снабжение и обслуживание родственников Ягоды 165 000 руб.

Расходы на «Горки-10» 1 010 000 руб.

Капитальный ремонт и покупка дачи Надежде Алексеевне 160 000 руб.

Израсходовано на постройку и обстановку дачи на Кавказе в Цхалтубо — 755 000 руб.

Всего истрачено на содержание Ягоды Г.Г. и его ближайшего окружения 3 718 500 руб.

Расходы подсчитаны за 9 месяцев, т.е. с 1.01 по 1.10.36 г. После смены руководства НКВД и начальника АХУ подобное расходование государственных средств на Ягodu прекратилось...³⁰⁷

Последняя верноподданническая приписка добавлена, вероятнее всего, самим Паукером, который спешил дистанцироваться от впавшего в немилость бывшего шефа. Часто встречаясь со Сталиным и общаясь с ним, Паукер, вероятно, если не знал, то по меньшей мере догадывался о его ближайших планах. Сталин задумал провести по всей стране масштабный террор сверху донизу. Он должен был коснуться и ЦК ВКП(б). Однако при этом Сталину хотелось сохранить видимость законности, чтобы не подтолкнуть своих вероятных тайных противников на путь немедленного переворота. С чего же начать?

Сталин блестяще умел учиться у своих соперников. И, как правило, далеко обгонял своих учителей. Когда-то, десять лет назад, Бухарин и возглавляемое им в то время большинство ЦК решили завершить разгром левой оппозиции. И на июльском

- 2 -

№	Наименование	Количество	Единица измерения
1	Искусственных изделий из пластмассы	21	
2	Искусственных изделий из резины	73	кред.
3	Искусственных изделий из кожи	7	
4	Искусственных изделий из меха	9	
5	Искусственных изделий из текстиля	1	
6	Искусственных изделий из металла	2	
7	Охотничьих ружей и мелкокалиберных винтовок	19	
8	Винтовок боевых	12	
9	Пистолетов старинных	2	
10	Браслет	10	
11	Часов золотых	2	
12	Часов разных	6	
13	Автомобиль	9	
14	Мотоцикл с коляской	1	
15	Велосипедов	1	
16	Коллекция трубок курительных и мундштуков (оловяной кости, латать и др.), большая часть из них порнографических	105	
17	Коллекция музейных монет		
18	Монет иллюстраций золотого и белого металла	26	
19	Резьбовый искусственный половой член	1	
20	Фото-об'ективы	7	
21	Часы для туманной картины	1	
22	Самары для туманной картины	2	
23	Кино-аппарат	1	
24	Прибор для фото	3	
25	Складной выгравированный экран	1	
26	Пленки с кассетных	120	

Из протокола обыска на квартирах и гачах Ягоды

Пленуме ЦК 1926 года первым вывели из состава Политбюро Зиновьева. Почему именно Зиновьева, а не Троцкого или Каменева? Думается, причина в том, что, как подметил секретарь Политбюро Б. Бажанов, «трудно сказать почему, но Зиновьева в партии не любят. У него есть свои недостатки, он любит пользоваться благами жизни, при нем всегда клан своих людей; он трус; он интриган; политиче-

ски он небольшой человек; но остальные вокруг не лучше, а многие и много хуже. Формулы, которые в ходу в партийной верхушке, не очень к нему благосклонны (а к Сталину?): «Берегитесь Зиновьева и Сталина: Сталин предаст, а Зиновьев убежит»³⁰⁸. Получается, Бухарин решил первым вывести из Политбюро Зиновьева по причине его низкой популярности в партийных кругах, в том числе и среди троцкистов. А когда был создан прецедент выведения из Политбюро одного из наследников Ленина, проще стало поступить затем точно так же с Троцким и Каменевым. Позднее так вывели из Политбюро самого Бухарина, и процесс упростился до такой степени, что когда выводили из состава Политбюро, скажем, Рудзутака, то вообще никому и ничего по этому поводу объяснять не потребовалось.

Теперь же дошла очередь до ЦК партии — органа более многочисленного, чем Политбюро, поэтому здесь требовалось проявить гибкость. Против высших советских сановников, входивших в ЦК, Сталин решил вновь применить ту же тактику, только что опробованную на «полигоне» НКВД. Видя, как высокопоставленные ягодовцы злорадствовали по поводу падения нелюбимого ими Молчанова, Сталин решил повторить этот эффективный прием и отдать на растерзание членам ЦК самого одиозного из них — Ягоду, которого еще недавно все боялись и никто не любил.

Дело в том, что согласно все тому же постановлению от 17.06.35 «О порядке производства арестов», для ареста члена ЦК следовало сначала вывести его из состава ЦК. А п. 58 Устава ВКП(б), принятого XVII партсъездом, требовал для этого созыва нового Пленума ЦК. Пересмотреть же Устав можно было лишь путем созыва нового съезда. И Сталин далеко не был уверен в том, что члены

ЦК, вновь собравшись, так уж легко согласятся на арест одного из них: их могло сдерживать не человеколюбие, а страх за собственную безопасность. Поэтому Сталин решил применить неуставной порядок для ареста, но испытать его на наиболее ненавистной прочим членам ЦК фигуре, чтобы создать тем самым прецедент и затем уже применить его к остальным. А для верности он решил поставить членов ЦК перед фактом.

28 марта Ежов получил санкцию Сталина на арест Ягоды, который решено было произвести прямо на его кремлевской квартире. «Надо было направить кого-нибудь для выполнения этого приказа, первым вызвался бывший ягодовский холуй — Фриновский, с готовностью выкрикнувший: «Я пойду!» Фриновский не только возглавил группу работников, ходивших арестовывать Ягоду и производить обыск в его квартире, но рассказывали, что он первым бросился избивать своего бывшего покровителя»³⁰⁹. Примечательно, что все непосредственные участники ареста Ягоды в ближайшее время сами были арестованы и расстреляны (исключение составил комбриг Ульмер, «отделавшийся» пятнадцатью годами лагерей); та же участь ожидала капитана (вскоре ставшего майором) госбезопасности Кога на — следователя по делу Ягоды; автор приведенного рассказа, скорее всего, услышал его от своего друга Деноткина — одного из этих обреченных людей. Чтобы не «спугнуть» Агранова и других руководителей ГУГБ, еще имевших реальную власть в своих руках, Фриновский и его помощники распустили слух, будто Ягода арестован за должностные преступления (растрату спецфондов НКВД, о которой шла речь в справке Паукера). Аналогичные слухи, должно быть, просачивались из отдела Пау-

кера: Кривицкий передает разговоры о том, что Ягода якобы присвоил кремлевские пайки сахара, предназначавшиеся Молотову, в связи с чем мемуарист иронически называет Ягodu «шеф-поваром Кремля»³¹⁰.

Для поддержания этой легенды на следующий день, 29 марта, были арестованы бывший руководитель секретариата НКВД старший майор госбезопасности П.П. Буланов — доверенное лицо Ягоды, тоже упомянутое в справке Паукера, и бывший начальник АХУ НКВД Островский. Чтобы не терять времени на переговоры с новым арестантом, его сразу же бросили в Лефортовскую тюрьму, которая как раз в это время (весною 1937 г.) была оборудована для производства пыток арестованных (наиболее известная из них — сдирание ногтей). Переводом в Лефортово московские следователи угрожали тем из подсудимых, кого не сламывало простое битье или многосуточная бессонница. Автор воспоминаний «НКВД изнутри. Записки чекиста» М.П. Шрейдер так передает свои впечатления от посещения Лефортовской тюрьмы: «Мы [Шрейдера сопровождал начальник тюрьмы капитан госбезопасности П.А. Зимин] шли по лестнице, устланной коврами, кажется, на второй или на третий этаж. Меня удивило то обстоятельство, что начиная с первой ступеньки и на всем протяжении лестницы с обеих сторон шпалерами стояли работники в форме НКВД со знаками старшего и высшего начсостава. Здесь были капитаны, майоры (в то время звание капитана госбезопасности приравнивалось к теперешнему званию полковника, а звание майора — к генерал-майору).

На втором или третьем этаже мы свернули в коридор. Из-за дверей, тянувшихся по обеим сторонам, раздавались дикие крики людей, которых, по-

видимому, избивали... как только дверь за нами захлопнулась, и мы двинулись по коридору к выходу, меня как ножом по сердцу резанул страшный, нечеловеческий вопль, раздавшийся из-за дверей соседнего кабинета. Так мог кричать человек, которого не просто били, а жгли каленым железом или подвергали каким-либо другим изуверским пыткам. Подобные же крики раздавались почти из-за всех дверей, выходящих в коридор»³¹¹. Мемуарист характеризует Лефортовский изолятор как «страшную следственную тюрьму, откуда почти никто не возвращается... там применяются особо страшные пытки: вкалывают иглы под ногти, зажимают пальцы какими-то прессами, жгут тело раскаленными предметами и т.д.»³¹². Один из немногих, кому посчастливилось остаться в живых после пребывания в Лефортовском изоляторе, А.С. Темкин, свидетельствует: «крики пытаемых, часов с десяти утра слышны были из следственного корпуса во всех камерах»³¹³. Кроме того, в подвальной части Лефортовской тюрьмы производились расстрелы и для глушения выстрелов запускались авиационные и тракторные двигатели. Их гудение, доносящееся из подвала, напоминало арестантам о том, что их ждет, и психологически сламывало их окончательно. Бывший сотрудник Особотдела ГУГБ НКВД Карпейский впоследствии вспоминал, что, приехав в Лефортовскую тюрьму весной 1937 г. допрашивать своего подследственного комкора Роберта Эйдемана, он застал его доведенным до почти невменяемого состояния: «В эту тюрьму я попал впервые... то, что я увидел и услышал в тот день в Лефортовской тюрьме, превзошло все мои представления. В тюрьме стоял невообразимый шум, из следственных кабинетов доносились крики следователей и стоны, как нетрудно было понять, избиваемых... Эйдеман

на допросе вел себя как-то странно, на вопросы отвечал вяло, невпопад, отвлекался посторонними мыслями, а услышав шум работавшего мотора, Эйдеман произносил слова: «Самолеты, самолеты»³¹⁴.

Одним только фактом водворения в одну из камер страшной Лефортовской тюрьмы некогда всемогущий руководитель АХУ НКВД Островский был раздавлен. «Вот уж никогда не думал, — сказал он, — что буду сидеть в тюрьме, строительством которой сам руководил». После этого, видимо, еще не до конца понимая суть происходящего, он хлопал рукой тюремную стену: «А тюрьма все же построена очень хорошо, ничего не скажешь!»³¹⁵. Довольно быстро Островский подтвердил показания Молчанова о том, что он состоял в антиправительственном заговоре вместе с Молчановым и Ягодой. Однако это оставалось строжайшей тайной. Большинство сотрудников центрального аппарата НКВД оставалось в уверенности, что Островский арестован за растраты, указанные в справке Паукера. Столь же невнятно по содержанию закрытое письмо Политбюро от 31 марта, в котором мотивировался арест члена ЦК без санкции самого ЦК: «Ввиду обнаруженных антигосударственных и уголовных преступлений наркома связи Ягода, совершенных в бытность его наркомом внутренних дел, а также после его перехода в наркомат связи, Политбюро ЦК ВКП доводит до сведения членов ЦК ВКП, что, ввиду опасности оставления Ягода на воле хотя бы на один день, оно оказалось вынужденным дать распоряжение о немедленном аресте Ягода. Политбюро ЦК ВКП просит членов ЦК ВКП санкционировать исключение Ягода из партии и ЦК и его арест»³¹⁶. Злорадство членов ЦК по поводу того, что еще недавно главный жандарм, отправлявший за решетку других членов ЦК, теперь сам

находится под арестом, не знало пределов. Они заглотили сталинский железный крючок с нескрываемым удовольствием, украсив лист согласования своими репликами вроде: «За!!! И особо приветствую, что мерзавца разоблачили» или: «Считаю действия Политбюро совершенно правильными, целиком их одобряю и голосую за исключение из партии и ЦК изменника Ягоды»³¹⁷. 31 марта — 1 апреля данное постановление единогласно принято ЦК опросным порядком. 3 апреля ЦИК вынес постановление, опубликованное на следующий день в печати: «Ввиду обнаруженных должностных преступлений уголовного характера Народного Комиссара Связи Г.Г. Ягода, Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР постановляет:

1) Отрешить от должности Народного Комиссара Связи Г.Г. Ягода;

2) Передать дело о Г.Г. Ягода следственным органам»³¹⁸.

Примечательно, что Ягода и Молчанов до 11 мая сами оставались членами ЦИК. Ежов и Фриновский прилагали немалые усилия к тому, чтобы до поры до времени создать впечатление, будто Ягода, Островский, Лурье и Буланов — обычные растратчики, за это и арестованы. На первом допросе Ягodu спрашивали именно о фактах хищений³¹⁹. Правда, допросить Ягodu долго не удавалось — первый допрос датирован лишь 3 апреля. По словам Фельдбина-Орлова: «Ягода был так потрясен арестом, что напоминал укрощенного зверя, который никак не может привыкнуть к клетке. Он безостановочно мерял шагами пол своей камеры, потерял способность спать и не мог есть. Когда же новому наркомму внутренних дел Ежову донесли, что Ягода разговаривает сам с собой, тот встревожился и послал к нему врача.

Опасаясь, что Ягода потеряет рассудок и будет непригоден для судебного спектакля, Ежов попросил Слуцкого (который тогда еще оставался начальником Иностранного управления НКВД) время от времени навещать Ягodu в его камере. Ягода обрадовался приходу Слуцкого. Тот обладал способностью имитировать любое человеческое чувство, но на этот раз он, похоже, действительно сочувствовал Ягоде и даже искренне пустил слезу, впрочем, не забывая фиксировать каждое слово арестованного, чтобы потом все передать Ежову. Ягода, конечно, понимал, что Слуцкий пришел не по собственной воле, но это, в сущности, ничего не меняло. Ягода мог быть уверен в одном: Слуцкий, сам опасавшийся за свое будущее, чувствовал бы себя гораздо счастливее, если бы начальником над ним был не Ежов, а по-прежнему он, Ягода. Лучше бы Слуцкому навещать здесь, в тюремной камере, Ежова...

Ягода не таился перед Слуцким. Он откровенно обрисовал ему свое безвыходное положение и горько пожаловался, что Ежов за несколько месяцев развалит такую чудесную машину НКВД, над созданием которой ему пришлось трудиться целых пятнадцать лет.

Во время одного из этих свиданий, как-то вечером, когда Слуцкий уже собирался уходить, Ягода сказал ему:

— Можешь написать в своем докладе Ежову, что я говорю: «Наверное, Бог все-таки существует!»

— Что такое? — удивленно переспросил Слуцкий, слегка растерявшись от бестактного упоминания о «докладе Ежову».

— Очень просто, — ответил Ягода то ли серьезно, то ли в шутку. — От Сталина я не заслужил ничего, кроме благодарности за верную службу; от Бога

я должен был заслужить самое суровое наказание за то, что тысячу раз нарушал его заповеди. Теперь погляди: где я нахожусь, и суди сам: есть Бог или нет...»³²⁰.

Ягоде не дали долго предаваться богословским размышлениям: Сталин ждал результатов следствия. В первом допросе 3 апреля принимал участие начальник КРО Миронов — ожидалось, что он успокоит других ягодовцев: опасности нет, Ягоду допрашивают как растратчика. Это мнение сохранялось весьма распространенным; под влиянием сообщения в прессе от 4 апреля об аресте Ягоды за должностные уголовные преступления, например, некая Мошкова из Курска, кляузница и сутяжница, в тот же день написала письмо Сталину, что якобы Ягода получал взятки от подследственных, на общую сумму «не менее 250—300 тыс. рублей»³²¹. Следует отметить, что и в дальнейшем Сталин, чтобы настроить общественное мнение против разоблаченных руководителей, часто акцентировал внимание на их барском образе жизни, как будто именно это и послужило причиной их ареста. Например, 3 февраля 1938 г., когда Ягода еще содержался во Внутренней тюрьме в Главном здании НКВД, Политбюро утвердило проект совместного постановления ЦК и Совнаркома, где содержалось следующее утверждение: «ряд арестованных заговорщиков (Рудзутак, Розенгольц, Антипов, Межлаук, Карахан, Ягода и др.) понастроили себе грандиозные дачи-дворцы в 15—20 и больше комнат, где они роскошествовали и тратили народные деньги, демонстрируя этим свое полное бытовое разложение и перерождение».

Впрочем, наиболее дальновидные работники НКВД предвидели, что грядет великая и беспощадная чистка. Настроения по всей стране были предгрозовые,

напоминавшие дни ленинского красного террора. Каждый или почти каждый, конечно, спешил окатиться на стороне загонщиков, но кому-то предстояло стать и затравленной жертвой. Один поэт, близкий к Агранову, в дни февральско-мартовского Пленума написал: «И налетит пламенных лет стая, // Прошелестит спелой грозой Ленин, // И на земле, что избежит тленья, // Будет будить разум и жизнь Сталин»³²². Пробыл роковой час смены караула, и некоторые поспешили сделать выводы сами. Начальник УНКВД по Горьковской области М. Погребинский, известный теоретик карательно-воспитательной системы ОГПУ—НКВД (автор книги «Фабрика людей»), узнав об аресте Ягоды, в тот же день (4 апреля 1937 г.) застрелился, прервав ради этого совещание, которое он проводил (спецсообщение ему подали в президиум), настолько беспросветной сразу показалась ему грядущая судьба³²³. Вероятнее всего, он сопоставил неприятное известие из Москвы с тайным арестом в Восточной Сибири бывшего начальника Особотдела Гая. Гай арестован 1 апреля, и его поездом этапировали в Москву. Вполне вероятно, что именно 4 апреля поезд с секретным узником приближался к Горьковскому железнодорожному узлу и, возможно, Погребинскому было поручено принять в связи с этим какие-то дополнительные меры безопасности. Будучи далеко не глупым человеком, Погребинский не захотел отправляться вслед за Ягодой и Гаем на им же прославленную «Фабрику людей» и предпочел привести себе смертный приговор в исполнение сам. Кстати, арест Гая в сочетании с арестом месяцем ранее Молчанова, видимо, и породил легенду о том, что все ягодовцы были арестованы в одну ночь, следуя в командировки с разных вокзалов Москвы и доставлены обратно в Москву под конвоем.

В тот же день, 4 апреля, выехал в командировку из Москвы и начальник КРО НКВД Л.Г. Миронов. Он был направлен на Дальний Восток во главе специальной бригады НКВД для «выявления и разгрома шпионско-вредительских троцкистских и иных групп»³²⁴. Чтобы руководство КРО не попало в руки Лоева или еще кого-нибудь из людей Миронова, в те же дни заместителем начальника КРО и фактически его руководителем срочно был назначен А.М. Минаев-Цикановский, которому спешным порядком присвоили звание комиссара госбезопасности 3-го ранга³²⁵. Причин для назначения Минаева было несколько. Во-первых, Ягода невзлюбил его за то, что некогда Минаев работал под началом Евдокимова, и постоянно держал на периферии, переводя с места на место, поэтому связей в ягодинском руководстве центрального аппарата он не имел, к тому же наверняка был озлоблен на Ягodu и его окружение. Вторая причина имела к самому Минаеву еще более непосредственное отношение. Дело в том, что за несколько дней до дальневосточной командировки Миронов подготовил и подал на рассмотрение Ежову проект приказа «О задачах третьих отделов управлений государственной безопасности по борьбе с диверсией в народном хозяйстве» («третьей линией» называлась контрразведка, поэтому центральный и местные КРО именовались «третьими отделами»). В приказе, например, Мироновым была подана идея квалифицировать все аварийные случаи на производстве как террористические акты и диверсии. Много было и других подобных предложений, направленных на повальные аресты среди определенных категорий населения, перемежаемых трескучими фразами вроде «добить контрреволюционные троцкистские формирования». Среди этих категорий упоминались бывшие эсеры

и меньшевики³²⁶. Так вот, Минаев-Цикановский имел именно эсеровское прошлое (к большевикам он переметнулся лишь в 1919 г.). Поэтому подготовленный Мироновым проект приказа грозил ему гибелью. Таким образом, новый заместитель Миронова, кстати, получивший назначение в Москву уже после отъезда Миронова на Дальний Восток, явился вполне удобной для Ежова фигурой. Нарком доверял ему до такой степени, что следственные дела арестованных руководителей центрального аппарата НКВД по большей части сосредоточили в КРО, который в отсутствие Миронова де-факто возглавил Минаев³²⁷. Он, кстати, не брезговал лично бить арестованных работников НКВД³²⁸.

Эти события совпали по времени с болезнью Ежова, вызванной, вероятно, переутомлением. Сразу после ареста Ягоды в Москву прибыл начальник ленинградского управления НКВД Леонид Заковский — видимо, чтобы прояснить обстановку и обезопасить себя накануне грядущей чистки. Ему было о чем тревожиться: по представлению Ягоды он награжден вторым орденом Красного Знамени (к пятнадцатилетию органов ВЧК—ГПУ), орденом Красной Звезды, получил звание «Почетного работника ВЧК—ГПУ», переведен из захолустной Белоруссии руководить вторым по значимости ленинградским управлением НКВД (достаточно сказать, что его предшественником по этой должности явился первый заместитель наркома внутренних дел СССР Агранов), получил наряду с первыми лицами в НКВД звание комиссара госбезопасности первого ранга и теперь, вероятно, волновался, как бы его не приняли за ягодовца. Его московская квартира находилась в доме 5 по Большому Кисельному переулку, где проживали также Ежов и Евдокимов, так что у него появилась возможность проведать боль-

ного наркома на дому. Показная заботливость Заковского простиралась до того, что он высказал опасение, не отравлен ли Ежов врагами-ягодовцами.

Тот, перепугавшись, срочно вызвал Фриновского и приказал ему проверить эту версию, а тот передал поручение Николаеву-Журиду. Последний понял это по-своему и принял свои меры: решено было срочно создать дело об «отравлении» Ежова. На роль исполнителя наметили шестидесятилетнего вахтера-курьера НКВД Ивана Михайловича Саволайнена, без малого двадцать лет отслужившего на этой должности в ВЧК—ОГПУ—НКВД. Он по своим должностным обязанностям имел доступ в кабинет Ягоды, а затем, соответственно, Ежова. Уже 2 апреля было получено «объяснение» от некоего П.А. Чикина, вахтера дома 9 по ул. Мархлевского, где ранее находилась одна из квартир Ягоды, будто Саволайнен передал ему на хранение чей-то пузырек. Но каким содержимым его наполнить? Николаев-Журид поспешил обратиться к начальнику Военно-химической академии Я.Л. Авиновицкому за консультацией. Не раскрывая существа дела, он описал симптомы заболевания Ежова (не упоминая, естественно, что речь идет о наркOME) и спросил, каким веществом можно достичь подобной интоксикации организма. Авиновицкий, сам в прошлом чекист (во время Гражданской войны он служил зампредом фронтовой ЧК), конечно, рад был помочь бывшим коллегам. Да и жил он неподалеку: в ведомственном доме № 17 по Лубянскому проезду, так что не исключено, что примчался по вызову Николаева-Журида в ночное время прямо из дома, это должно было занять у него не более нескольких минут³²⁹. Корпусной комиссар предположил, что речь может идти об отравлении ртутью или свинцом (в августе Авиновицкого арестуют как «поль-

ского шпиона» и затем спешно, внесудебным порядком, «ликвидируют» как «врага народа»). Разумеется, в пузырьке была «обнаружена» ртуть. Решили, что этого недостаточно, надо «подвязать» Саволайнена к делу покрепче. 8 апреля нагрянули с обыском к нему домой (он проживал в квартире 3 дома 12 по Фуркасовскому переулку, где до революции размещался магазин инженерных механизмов Кеппера, а ныне на его месте находится подъезд № 5 Главного здания ФСБ РФ) и, конечно, «нашли» в подъезде дома еще один флакон со ртутью. Однако помещенный в тот же день во Внутреннюю тюрьму Саволайнен, а также Ягода решительно отказались признаваться в какой-либо причастности к этой истории. В дело решено было ввести «посредника» — недавно арестованного бывшего секретаря Ягоды Павла Буланова.

При Ягоде этот человек служил главным хранителем наворованных Ягодой ценностей из числа конфиската. Ягода доверял ему до такой степени, что поручил руководить высылкой Троцкого из СССР в 1929 г. Шрейдер пишет о нем:

«Заняв пост секретаря коллегии ОГПУ, Буланов своим неприкрытым подхалимажем в адрес Ягоды добился его полного доверия и стал, по существу, его первым помощником. Он по своему усмотрению представлял к награждению знаком «Почетный чекист» за всевозможные «доблести», подчас совершенно не связанные с оперативной работой, хозяйничал в кладовых ОГПУ, где хранились ценности, изъятые у спекулянтов и валютчиков. Часть этих ценностей он раздавал по своему усмотрению женам высокопоставленных работников ОГПУ — Паукера, Лурье, Успенского и других, а также ближайшим своим холоум в роде Макса Станиславского...»³³⁰

Ежов первое время вроде бы тоже планировал использовать Буланова как помощника: 28 ноября 1936 г. тот по его представлению был даже награжден высшей на тот момент советской наградой — орденом Ленина. Но все же Ежов заменил Буланова его заместителем Дейчем, а самого Буланова решил использовать в несколько ином качестве: как сообщника Ягоды по террористической деятельности. С этой целью Буланова начали интенсивно допрашивать о том, как он якобы получил от Ягоды отравляющее вещество и передал его Саволайнену для отравления Ежова. Поскольку быстро получить от него признание оказалось невозможно, были составлены поддельные протоколы с «признаниями» Ягоды и Буланова, предъявленные Саволайнену. Кроме того, изготовили фальшивый протокол допроса Ягоды, где было написано, что он поручил изготовление раствора ртути, который можно было распылить в кабинете Ежова, знаменитому биохимику профессору Збарскому, известному тем, что он бальзамировал тело В.И. Ленина. Збарского под страхом ареста в качестве соучастника Ягоды заставили помочь Николаеву-Журиду в фальсификации еще одного доказательства: глубокой ночью с 9 на 10 апреля — через сутки после ареста и допроса Саволайнена — они втерли в ткань занавесок и обивку кресла в кабинете Ежова раствор ртути; члены экспертной комиссии — известные ученые — заранее были доставлены в здание НКВД и ожидали возможности войти в кабинет для осмотра; ближе к утру их пригласили, и они дали заключение о том, что в обстановке кабинета имеется содержание ртути.

Так в деле Ягоды появилось единственное документальное доказательство. Его следовало подкрепить показаниями Саволайнена и Буланова. Шести-

десятилетнего Саволайнена стали ежедневно избивать, а однажды в кабинет вошел Фриновский и объявил едва живому от побоев пожилому человеку: «Нужно сознаваться, а потом поговорим о твоей судьбе». Не выдержав, Саволайнен подписал требуемые показания. Следующим сдался Буланов: он подписал признательные показания на допросе у Ежова, который обещал за это сохранить ему жизнь³³¹. Оставалось получить признание Ягоды. Однако ни очная ставка с Булановым, ни вызов на допрос к Ежову не дали ожидаемых результатов. Коган, один из вновь назначенных начальников отделений в секретно-политическом отделе, подготовил протокол допроса Ягоды, где содержался подробный рассказ о том, как тот пытался убить Ежова с помощью Буланова и Саволайнена, протокол отредактировал его шеф Курский, однако возникла заминка с подписанием: Ягода категорически отказывался это сделать.

Теперь, после отъезда из Москвы Миронова, к Ягоде стали применять физические меры воздействия при допросах (об этом впоследствии дал показания, будучи арестован, руководитель следствия по делу Ягоды Николаев-Журид). В этом существовала своя закономерность: ведь еще недавно с высоты своего положения Ягода со свойственной ему грубостью называл Николаева-Журида евдокимовской шляхой³³² и грозился, что ему «свернет шею»³³³. Поэтому неудивительно, что Николаев-Журид, как и другие ранее обиженные Ягодой, воспользовались случаем «обломать рога», как он выражался, бывшему наркому. Фриновский в своем кругу любил рассказывать об этом, например, так: «Ягода не соглашался дать нужные показания. Об этом доложили Сталину. Сталин спросил:

— А кто его допрашивает?

Ему сказали.

Сталин усмехнулся, пососал трубку, прищурил глаза.

— А вы, — говорит, — поручите это Евдокимову.

Евдокимов тогда уже никакого отношения к допросам не имел, он уже в НКВД не работал. Сталин его сделал членом ЦК, первым секретарем Ростовского обкома партии. Его разыскивали, вызвали. Он выпил стакан водки, сел за стол, засучил рукава, растопырил локти — дядька здоровый, кулачища во!

Ввели Ягоду, — руки за спину, штаны сваливаются (пуговицы, разумеется, спороты).

Когда Ягода вошел и увидел Евдокимова за столом, он отпрянул, понял все. А Евдокимов:

— Ну, международный шпион, не признаешься? — И в ухо ему... Сталин очень потешался, когда ему это рассказали, смехом так и залился...»³³⁴.

Впоследствии сотрудник секретно-политического отдела ГУГБ НКВД Н.М. Лернер, включенный в следственную бригаду по делу Ягоды, показал: «Ягоду я допрашивал приблизительно раз 30, причем, главным образом, вечером и ночью. Первый месяц после ареста его допрашивали Ежов, Курский, Миронов, Фриновский, Евдокимов, Коган... когда Ягода рассказал мне, что его избили, я не поверил ему, утверждал, что это не может быть... Протоколы допросов, в которых не было признаний, как правило, не оформлялись... При мне единственный раз Коган вел разговор с Ягодой о причастности к делу об убийстве С. М. Кирова... Ягода никаких признаний о каком-либо личном участии не давал... Предполагаю, что протокол от 26 апреля 1937 г. был составлен Курским и Коганом... Коган дал подписать Ягоде давно заготовленный протокол... далеко не все протоколы Ягоды приобщены к следственному делу. Несколько про-

токолов, в которых ему ставились вопросы, а он отвечал отрицанием, в деле нет... Это решалось в кругах Ежова и его ближайших помощников, которые перед процессом координировали все материалы и выбрасывали все то, что было не нужно»³³⁵. Сам Лернер участия в избиениях Ягоды не принимал: его дело было составлять протоколы и первое время ему казалось невероятным, что его бывшего наркома бьют. «Однажды, — показал он, — это было в Лефортовской тюрьме, я допрашивал Ягоду. Ко мне в кабинет зашли Ежов, Фриновский и Курский, и по предложению Ежова я вышел из кабинета. Когда спустя некоторое время мне разрешили вернуться, я увидел на лице Ягоды синяк под глазом. Ягода, показывая мне синяк, спросил меня: «Теперь вы верите, что меня бьют?»³³⁶.

Пока Ягоду «брали в работу» по эпизоду отравления Ежова, нельзя было останавливаться на других направлениях. Курский и Николаев-Журид с усердием разматывают дело о «заговоре в руководстве НКВД». 5 апреля снят с должности первого заместителя наркома связи Г.Е. Прокофьев. С учетом последних событий он всерьез задумался о том, чтобы последовать примеру своего давнего знакомого Погребинского и покончить с собой. «Ожидание было невыносимым», — вспоминает его жена³³⁷.

Тот день — 5 апреля — стал последним рабочим днем начальника транспортного отдела ГУГБ НКВД Шанина. 6 апреля был выходной, а уже 7 апреля Шанин отстранен от должности³³⁸. С этого дня обладатель «садистских наклонностей» и его жена «жили в тревоге, в ожидании»³³⁹. Сумрачные дни и черные ночи медленно сменяли друг друга в бесконечном преддверии ареста...

Взятие под стражу Гая вызвало чистку в Особотделе, подобную той, которая до этого прокатилась

в СПО. Был арестован его бывший заместитель Михаил Горб, о котором известный писатель И. Бабель говорил: «Вот парадокс. Ему приходится расстреливать людей, а ведь это самый сентиментальный человек, каких я знал...»³⁴⁰. В свое время М. Горб считался своим человеком в доме Владимира Маяковского и Лили Брик, куда запросто заходили также Агранов и сотрудник СПО В.М. Горожанин. Один из них подарил Маяковскому тот револьвер, выстрел из которого оборвал жизнь поэта. В дни дружеских чаепитий среди литературно-художественной богемы упомянутые чекисты чувствовали большую уверенность в себе и, хотя пытались проявить обаяние, внушали окружающим глубокий страх. По воспоминаниям современников, «тонкие губы» Агранова «всегда змеились не то насмешливой, не то вопрошающей улыбкой. Умный был человек»³⁴¹. Подобное впечатление, видимо, производил и Михаил Горб. Он умел втираться в доверие. Племянник издателя А.М. Уманского, который 5 июля 1917 г. в газете «Живое слово» опубликовал сведения о подкупе Ленина германским Генеральным штабом³⁴², украинский эсер, Горб в дни гражданской смуты попал в руки гайдамаков гетмана Скоропадского, однако по неизвестной причине был ими отпущен. Вовремя перейдя в большевики, он успешно делал карьеру в центральном аппарате ГПУ—НКВД, используя своего дядю — к тому времени уже эмигранта — для того, чтобы закинуть сеть чекистской агентуры в эмигрантскую среду. По воспоминаниям В. Кривицкого, относящимся к 1935 г., «Горб не был формалистом», но особой сентиментальности Кривицкий в нем не обнаружил³⁴³. Вероятно, чувствительность с особой силой проявилась в Михаиле Савельевиче, лишь когда он в полной мере осознал свои грядущие

безрадостные перспективы. Это можно сказать не об одном только старшем майоре госбезопасности М. Горбе. Многие руководящие работники НКВД центра весенними вечерами 1937 г., с приближением ночной тьмы — времени арестов и черных машин-автозаков с желтыми очами-фарами, — испытывали приступы сентиментальности, острой жалости к себе и панического страха. Шумели частые в ту весну дожди со снегом (в марте 1937 г. в Москве выпало три месячные нормы осадков), словно рыдая над печальными судьбами этих людей. По мокрому асфальту шелестели шины черных автомобилей, развозящих арестные команды по адресам новых жертв лубянского Молоха. Уличные фонари печально освещали со всех сторон, словно сцену, пустынную в этот час площадь Дзержинского. Все это весьма располагало к депрессии. Начальник ИНО ГУГБ Слуцкий как-то в минуту подобной откровенности провидчески сказал Кривицкому о себе и других «с горечью: — Знаешь, мы и вправду старые. Придут за мной, придут за тобой, придут за другими. Мы принадлежим к поколению, которому суждено погибнуть»³⁴⁴.

В те дни подверглись аресту и другие приближенные к Гаю сотрудники Особотдела ГУГБ (М.Л. Богуславский, М.В. Уманский³⁴⁵, И.М. Николаев-Рамберг, Б.К. Ильк; брат последнего Вилли Ильк, также репрессированный, находился в близких отношениях с тещей Ягоды — родной сестрой Свердлова, хотя по возрасту годился ей едва ли не во внуки)³⁴⁶. Братья Ильки были выходцами из Австрии. За два года до ареста Бертольд Ильк возглавлял следствие по группе итальянских коммунистов, «лидером» которых оформили некоего Луиджи Сичильяно. За сочувствие к внутрипартийной оппозиции итальянца исключили из Высшей партшколы и подвергли

самому тяжкому для коммуниста наказанию — перевели в разряд *трудящихся*, отправив работать на Харьковский турбинный завод. Там, лично убедившись в том, что положение советских рабочих намного хуже, чем в фашистской Италии, он принял решение подать документы на выезд из СССР и возвращение в Италию. За это арестовали не только его, но и всех его соотечественников, с кем он дружил или просто общался, общей численностью пятнадцать человек. В феврале 1935 г. Ильк представил Молчанову обвинительное заключение, где говорилось: «Сичильяно совместно с троцкистами-итальянцами Мерини и Бернетичем создал контрреволюционную троцкистскую группу... Ее члены были связаны с зарубежными троцкистами, посылали за границу информацию контрреволюционного характера об СССР» и т.п. Примечательно, что арест Илька два года спустя никак не отразился на судьбе этих итальянцев: никто из них до самой смерти не вышел на свободу³⁴⁷.

Руководителем операции по аресту братьев Ильков и прочих явился Николаев-Журид, новый начальник Оперода, в ведении которого оставались обыски, аресты и наружное наблюдение. К 11 апреля все было готово и к аресту Прокофьева, который в ночь с 11 на 12 апреля произвел лично Фриновский³⁴⁸. Николаев-Журид впоследствии говорил арестованному Гаю, не желавшему «признаваться» в антисоветской деятельности: «Вам надо сделать, как поступил Прокофьев — зашел к нему на допрос Ежов и заявил: «Надо дать показания», на что Прокофьев ему ответил, вытянувшись перед Ежовым по-военному: «Так точно», — и тут же начал давать показания...»³⁴⁹. Однако среди арестованных чекистов ходили слухи, что Прокофьев начал давать нужные Ежову показания не сразу и

при первом вызове на допрос даже предпринял суицидальную попытку, с размаху ударив головой о дверной косяк³⁵⁰.

В кругу работников центрального аппарата НКВД царила настоящая паника. Задуманный Сталиным и Ежовым контрпереворот вступил в решающую фазу. Фриновский и Николаев-Журид днем и ночью производили аресты: днем ягодовцев арестовывали прямо в служебных кабинетах, ночью — на квартирах (ведомственные жилые дома работников центрального аппарата НКВД стояли тесным кварталом в Варсонофьевском переулке, сразу за поворотом с улицы Дзержинского, а также на ближайшей улице Рождественке). Ягодовцы в считанные дни из самоуверенных главарей тайного политического сыска превратились в касту неприкасаемых, затравленных людей, от которых сослуживцы и даже близкие друзья шарахались, как от прокаженных. В списки намеченных к аресту один за другим попадали такие легендарные «в Органах» личности, как начальник одного из главных управлений НКВД, комиссар госбезопасности 1-го ранга и кандидат в члены ЦК ВКП(б) Благодеров — бывший первый заместитель наркома путей сообщения, друг семьи Г.Е. Прокофьева³⁵¹; близкий к Миронову и Буланову, в прошлом начальник одного из отделений ЭКО центра Макс Станиславский, — женатый на одной из первых советских кинозвезд Эмме Цесарской молодой человек «с красивой и слащавой внешностью», по воспоминаниям бывавшего у него на квартире М. Шрейдера, большой любитель роскошного образа жизни³⁵²; секретарь Паукера латыш Альфред Эйхман, помощники Паукера Колчин, Корнеев и Черток. Правда, Леонид Черток не дал возможности себя арестовать, о чем в своих воспоминаниях пишет уже знакомый нам Фельдбин-Орлов:

«Черток, молодой человек лет тридцати, представлял собой типичный продукт сталинского воспитания. Невежественный, самодовольный, бессовестный, он начал свою службу в «органах» в те годы, когда сталинисты уже одержали ряд побед над старыми партийцами и слепое повиновение диктатору сделалось главной доблестью члена партии. Благодаря близкому знакомству с семьей Ягоды он достиг видного положения и был назначен заместителем начальника Оперативного управления НКВД³⁵³, отвечавшего за охрану Кремля. Мне никогда не приходилось видеть таких наглых глаз, какие были у Чертока. На нижестоящих они глядели с невыразимым презрением. Среди следователей Черток слыл садистом; говорили, что он пользуется любой возможностью унижить заключенного...

...Когда в предрассветный час опергруппа явилась в квартиру Чертока (прославившегося свирепыми допросами Каменева), он крикнул: «Меня вы взять не сумеете!» — выскочил на балкон и прыгнул с двенадцатого этажа, разбившись насмерть»³⁵⁴. Проживал он почти напротив «автобазы № 1»³⁵⁵, где исполнялись смертные приговоры.

«Феликс Гурский, сотрудник Иностранного управления, за несколько недель перед этим награжденный орденом Красной Звезды «за самоотверженную работу», выбросился из окна своего кабинета на девятом этаже»³⁵⁶. Так же поступили двое следователей Секретного политического управления. Сотрудники Иностранного управления, прибывшие в Испанию и Францию, рассказывали жуткие истории о том, как вооруженные оперативники прочесывают дома, заселенные семьями энкаведистов, и как в ответ на звонок в дверь в квартире раздается выстрел — очередная жертва пускает себе пулю в лоб. Инквизиторы НКВД, не так давно внушавшие

ужас несчастным сталинским пленникам, ныне сами оказались захлестнутыми диким террором.

Комплекс зданий НКВД расположен в самом центре Москвы³⁵⁷, и случаи, когда сотрудники НКВД выбрасывались с верхних этажей, происходили на виду у многочисленных прохожих. Слухи о самоубийствах энкаведистов начали гулять по Москве. Никто из населения не понимал, что происходит...»³⁵⁸.

А происходило вот что. Создав с Ягодой прецедент ареста действующего члена ЦК в нарушение Устава ВКП(б), Сталин окончательно развязал руки себе и Ежову. Теперь любой человек в стране мог быть арестован незаконным и неуставным порядком. 14 апреля 1937 г. Политбюро по инициативе Сталина опросом приняло важнейшее постановление «О подготовке вопросов для Политбюро ЦК ВКП(б)», первый пункт которого гласил: «В целях подготовки для Политбюро, а в случае особой срочности — и для разрешения — вопросов секретного характера, в том числе и вопросов внешней политики, создать при Политбюро ЦК ВКП(б) постоянную комиссию в составе гг. Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича и Ежова»³⁵⁹. Тем самым высшая власть в стране перешла в руки упомянутой комиссии из пяти человек.

На следующий же день, 15 апреля, Ежов делает решающий ход. В этот день приказом НКВД Паукера — опаснейшего из уцелевших ягодовцев — на посту начальника отдела внутренней и внешней охраны сменил Владимир Курский, а СПО вместо Курского поручили возглавить Агранову. Одновременно Агранов перестал быть первым заместителем Ежова, а первым заместителем наркома и начальником ГУГБ стал Фриновский. Курский с этого момента становится заместителем начальника ГУГБ

и одновременно заместителем наркома. Его задачей стало провести такой же погром руководства отдела охраны, какой он перед этим успешно провел в СПО. Тем самым он становится в НКВД третьим по значимости лицом после Ежова и Фриновского. Для чего понадобилось Ежову создавать новый центр власти в лице Курского? Чтобы еще на одну ступеньку опустить Агранова, который к середине апреля совершенно исчерпал для Ежова свою полезность.

Паукер же оказался изолирован от своих еще остававшихся на свободе сотрудников. Грандиозный контрпереворот завершился. С этого дня можно было открыто объявить Ягоду «врагом народа» и начинать массовое истребление чекистских тамплиеров, которых Ежов окрестил «ягодинским охвостьем». Гипотетическая опасность антисталинского переворота силами НКВД перестала существовать. НКВД с этого дня начал усерднейшим образом перемалывать сам себя и для Сталина стал более не опасен.

Остановимся на личности Карла Паукера. До сих пор мы упоминали о нем вскользь, не выделяя его из когорты ягодинских выдвиженцев. Однако близко знавший его Фельдбин-Орлов этого человека выделял. В своей несколько сумбурной жизни тот сменил множество ролей, побывав и фельдфебелем австро-венгерской армии, и портным, и парикмахером, и председателем общества «Друг детей». В обстановке всеобщего дефицита и системы жесткого государственного распределения он нашел собственную нишу: «Для членов Политбюро он поставлял из-за рубежа последние модели автомобилей, породистых собак, редкие вина и радиоприемники, для их жен приобретал в Париже платья, шелковые ткани, духи и множество других

вещиц, столь приятных женскому сердцу, их детям покупал дорогие игрушки. Паукер сделался чем-то вроде Деда Мороза, с той разницей, что он развозил подарки круглый год. Неудивительно, что он был любимцем жен и детей всех членов Политбюро»³⁶⁰. Однако не только доброе процветало в душе Паукера. Огромное желание выслужиться не раз подталкивало его и на дурные поступки. Он любил в своем чекистском кругу хвастать, как организовал ликвидацию неугодной Сталину собаки. Однажды ночью на отдыхе Сталин был разбужен лаем собаки. Он распорядился узнать, что это за собака, и расстрелять ее. Утром ему доложили, что это собака-поводырь, приученная водить слепых, и ее привез один сотрудник Наркомзема из-за границы для своего слепого старика-отца, который живет поблизости; в настоящее время слепой и его собака удалены. Сталин пришел в ярость: он приказал расстрелять собаку, а не удалить ее! Здесь и отличился Паукер. Он оперативно организовал возвращение и расстрел собаки (причем слепого старика заставили самого отвести собаку к месту расстрела), чем сильно утешил вождя. Он же любил рассказывать, как по прихоти Сталина сотрудники Оперода стали бросать гранаты в кавказское озеро, чтобы глушить рыбу и поднять со дна любимую Сталиным рыбную породу. Жители близлежащего селения, жившие рыболовством, сбежали и попросили прекратить варварское истребление рыбы, поскольку ее ловля была единственным источником их существования в скалистой местности. Сталин приказал Паукеру взять всех жителей этого селения обоого пола и выслать в Казахстан за антисоветский мятеж. «Мы им покажем, чье это озеро», — злорадно пояснил вождь. Паукер, рассказывая об этих и им подобных подвигах, захлебывался от восторга³⁶¹. Правда,

большинство этих рассказов безвозвратно потеряно, поскольку слушатели Паукера, за исключением Фельдбина-Орлова, вовремя сбежавшего на Запад во избежание «ликвидации», оказались уничтожены. Однако и приведенные истории исчерпывающе характеризуют личность начальника отдела охраны. Его бывший подчиненный Рыбин описывает его повадки одной фразой: «жестокий, как Аракчеев»³⁶².

В тот же предрассветный час 17 апреля, когда покончил с собой Леонид Черток, произведен арест Паукера. Сохранился рассказ видного публициста М. Кольцова о том, как они с литератором Бабелем были приглашены женою Ежова Евгенией Хаютиной к нему на дачу в воскресный день весной 1937 г. Видимо, это случилось на следующий день после ареста Паукера — 18 апреля (единственный воскресный день апреля 1937 г., совпадавший с выходным днем существовавшей тогда шестидневки). Примечательно, что все участники этого пикника, включая Кольцова и Бабеля, вскоре были расстреляны, кроме Хаютиной, успевшей покончить с собой. Это событие стало известно в пересказе известного карикатуриста Б. Ефимова — брата М. Кольцова, которому брат рассказал следующее:

«До обеда играли в «городки». Ежов в полной форме генерального комиссара государственной безопасности, при орденах и медалях, играл с большим азартом, сопровождая каждый удар битой крепким матерком. За столом сидели и ближайшие помощники Ежова, шел веселый разговор, перемежаемый обильным возлиянием и плотной закуской. Говорили, главным образом, не стесняясь присутствия гостей, о делах служебных; иными словами, о производимых в их ведомстве арестах соратников Генриха Ягоды — предшественника Ежова на

его посту. Особенно дружный хохот у Ежова и его команды вызвал рассказ о небезызвестном начальнике Оперода (оперативного отдела НКВД) Карле Паукере, который, как говаривали, любил собственноручно «приводить в исполнение». «Как надели на него тюремную робу... — смеялся один из них. — Ну совсем — бравый солдат Швейк. Чистый Швейк!»...³⁶³ Я сидел за столом с ощущением, что эти люди могут, не моргнув глазом, любого гостя прямо из-за стола отправить за решетку. И мы только переглядывались изредка с Бабелем...»³⁶⁴

И еще одна весенняя ночь 1937 г. запомнилась многим работникам НКВД: 22 апреля, отметив праздник каждого чекиста — день рождения Ленина, — комиссар госбезопасности 2-го ранга Шанин, страдавая язвой желудка, принял люминал (снотворное) и лег спать, не дожидаясь жены. Но через несколько часов прямо к ним в спальню вломились тихо прокрававшиеся (чтобы не успел застрелиться) сотрудники Оперода во главе с самим Фриновским и схватили лежащего в постели Шанина за руки с криком «Вы арестованы!»³⁶⁵.

Фриновский, всем известный как один из давних, еще с 20-х годов любимцев Ягоды, усердствовал без меры, лично принимая участие не только в допросах, но даже в арестах и обысках. При этом он был не чужд позерства. При аресте Шанина он, как ни в чем не бывало, ласково спросил его жену, сотрудницу ИНО НКВД: «Как поживаете?» — хотя прекрасно знал, что ей и самой осталось совсем недолго до ареста³⁶⁶. Издевательское лицедейство Фриновского приобрело в близких к нему кругах достаточную известность. Когда он прибыл с конвойной командой, чтобы доставить в Москву очередного арестанта из числа своих старых знакомцев, то неожиданно протянул ему руку со словами:

«Здорово, Гай!» — на что, по свидетельству очевидца, последовало: «Всякой сволочи руки не подаю, — ответил Гай, — берите и делайте свое черное дело»³⁶⁷.

Фриновский являлся по сути своей крайне жестоким человеком; в нем был воплощен идеал карателя, способного без колебаний перегрызть глотку своим соратникам. Он сгибал арестованного. Мы никогда не узнаем, как он обращался с Гаем, арест которого описан выше, конвоируя его в Москву, однако тот уже через несколько дней предстает перед нами не просто сломленным, изможденным человеком, но истощенный мозг его приближается к грани безрассудства. Он напишет из тюремной камеры покаянное, даже слезливое письмо наркомму, в котором мы находим странную (на взгляд из сегодняшнего дня) фразу почти обезумевшего человека: «Я умоляю Вас, если возможно, возьмите меня в органы НКВД, дайте мне самое опасное поручение, пошлите меня в самые опасные места... где мог бы я вновь... своими подвигами доказать свою преданность партии и искупить свою вину. Ничего мне не жаль, ни семью, ни малолетнюю дочь, ни инвалида — престарелого отца...» и т.п. Заканчивается письмо словами: «В камере темно, да и слезы мешают писать»³⁶⁸. До такого состояния полного волевого и нравственного опустошения всего за несколько дней дошел человек, пока Фриновский сопровождал своего арестанта в Москву.

Очутившись в лапах своих бывших подчиненных, главари карательного ведомства не обнаруживали и малой доли хваленой «чекистской твердости». Сокамерник Ягоды Владимир Киршон (впоследствии расстрелянный поэт, автор стихов «Я спросил у ясеня, где моя любимая») так описывал начальнику одного из отделений СПО ГУГБ Журбенко

(тоже впоследствии расстрелянному) поведение Ягоды в тюремной камере:

«Он начал меня подробно расспрашивать о своей жене, о Надежде Алексеевне Пешковой, о том, что о нем писали и говорят в городе. Затем Ягода заявил мне: «Я знаю, что Вас ко мне посадили, а иначе бы не посадили, не сомневаюсь, что все, что я Вам скажу или сказал бы, будет передано. А то, что Вы мне будете говорить, будет Вам подсказано. А кроме того, наш разговор записывают в тетрадку те, кто Вас подослал».

Поэтому он говорил со мной мало и преимущественно о личном.

Я ругал его и говорил, что ведь он сам просил, чтобы меня посадили.

«Я знаю, — говорил он, — что Вы отказываетесь. Я просто хотел расспросить Вас об Иде, Тимоше, ребенке, родных, посмотреть на знакомое лицо перед смертью».

О смерти Ягода говорит постоянно, все время тоскует, что ему один путь в подвал, что 25 января его расстреляют и что он никому не верит, что останется жив...

«На процессе, — говорит Ягода, — я буду рыдать, что, наверное, еще хуже, чем если б я от всего отказался...»

Ягода все время говорит, что его обманывают, обещав свидание с женой, значит, обманывают и насчет расстрела. «А если б я увиделся с Идой, сказал несколько слов насчет сына, я бы на процессе чувствовал иначе, все перенес бы легче».

Ягода часто говорит о том, как хорошо было бы умереть до процесса. Речь идет не о самоубийстве, а о болезни. Ягода убежден, что он психически болен. Плачет он много раз в день, часто говорит, что задыхается, хочет кричать, вообще раскис и опус-

тился позорно»³⁶⁹. Он, разумеется, не мог знать, что в газетах, на собраниях и митингах его клеймят как шпиона и «врага народа». Что его жена Ида Авербах — помощник прокурора Москвы — арестована и в мае 1938 г. будет расстреляна. Что из пятнадцати его родственников и свойственников уцелеет только его восьмилетний сын, которого в спецприемнике НКВД для детей врагов народа будут бить и унижать не только дети, но и воспитатели. Дважды ребенку разрешили написать своей арестованной бабке, родной сестре Свердлова. В первом письме он написал: «Дорогая бабушка, миленькая бабушка! Опять я не умер! Ты у меня осталась одна на свете, и я у тебя один...» Второе письмо состояло всего из четырех фраз: «Дорогая бабушка, опять я не умер. Это не в тот раз, про который я тебе уже писал. Я умираю много раз. Твой внук»³⁷⁰. Следует отдать должное Ежову: как только он узнал об этом, распорядился прекратить травлю ребенка и перевести его в другое учреждение. Скорее всего, он в тот момент думал о своей четырехлетней дочери Наташе, словно предвидя, что ее саму ожидает спецприемник НКВД, где ей придется провести несколько безрадостных лет, пока у нее не обнаружат тщательно скрываемую фотографию отца и не подвергнут гонениям за «восхваление врага народа». Но это уже совсем другая история...

А пока Ежов пировал на вершине своего триумфа. Ягода признал себя руководителем заговора в руководстве НКВД, в который «вписал» не только уже арестованных коллег, но и Бокия, находившегося еще на свободе, и даже Прокофьева, которого некогда сам отстранил от работы в госбезопасности. На двух очных ставках в середине апреля Ягода послушно «изобличил» Паукера и Воловича. Он

упорствовал лишь в своем отрицании попытки отравить Ежова. У последнего это вызвало крайнее раздражение. Он вызвал из Ленинграда Заковского и потребовал от него делом доказать свое же собственное обвинение в отравлении. И тот не подвел: по свидетельству одного из его сотрудников, «Заковский, допрашивая в Москве арестованного Ягоду, избивал его резиновой дубинкой, и тот в результате подписывал протоколы допроса... конечно, под воздействием резиновой палки арестованный Ягода мог подписать любое измышление следователя...»³⁷¹. 26 апреля он подписал, наконец, подготовленный Курским и Коганом протокол, в котором признавал себя не только главою контрреволюционного заговора в руководстве НКВД, но и организатором отравления Ежова.

С Ягодой, Паужером и остальными все стало ясно. Однако Сталину этого было мало. Он еще не решился обрушить репрессии на головы членов ЦК: среди них находилось немало военных, занимавших ключевые посты в армии. Они могли свергнуть сталинское правительство вооруженной рукой, если бы увидели непосредственную опасность для себя и вовремя догадались, что им грозит. С ними надо было срочно что-то делать, причем не трогая пока «гражданских»³⁷².

Любопытно, что идея нанести удар по военным руководителям СССР принадлежала изобретательному бывшему руководителю советской внешней разведки и контрразведки А.Х. Артузову — тому самому, который некогда завербовал Сосновского. В 20-е гг. он догадался взять в советники бывшего шефа жандармского корпуса генерала В.Ф. Джунковского³⁷³ и по его совету, проявив незаурядные

оперативные способности, даже талант, разработал известные контрразведывательные операции — «Трест», «Синдикат-2» и «Тарантелла», основанные на принципе оперативной провокации. Артузов оказался мастером подобных операций, подобрал большую группу способных сотрудников для их исполнения. Сам Сталин пил за его здоровье³⁷⁴. Ягода, напротив, его не жаловал и при случае добился его перевода в армейскую контрразведку. Но и нарком обороны Ворошилов невзлюбил Артузова и в январе 1937 г. настоял, чтобы его, как «ягодовца», перевели обратно в НКВД. Артузову выделили в здании НКВД кабинет для работы, но не дали никакой должности, и он в трудные минуты своей жизни решил напомнить о себе, подав Ежову проект раскрытия крупной антисоветской организации в руководстве Красной Армии; к нему он приложил «Список бывших сотрудников Разведупра, принимавших активное участие в троцкизме»³⁷⁵. Не получив ответа, но узнав о внезапном аресте Дмитриевым в Свердловске командования Уральского военного округа во главе с самим командующим — комкором Гарькавым, Артузов 22 марта обратился к Ежову с идеями новых разоблачений. На сей раз предложения Артузова пролежали «под сукном» недолго. Сталину, который еще несколько месяцев назад опасался сговора руководителей НКВД с военными, теперь срочно понадобился этот сговор — но уже, конечно, не настоящий, а вымышленный, на бумаге, среди ровных строк допросных протоколов. Покончив с первой волной массовых арестов в центральном аппарате НКВД, Ежов поручил Николаеву-Журиду выбить любыми путями из арестованных чекистов сведения, что они состояли в заговоре с Гарькавым и остальной верхушкой Красной Армии.

Некогда, в 1921 г., Николаев-Журид был исключен из большевистской партии как «интеллигент и чуждый элемент»³⁷⁶. Словно опасаясь повторного исключения, в дальнейшем он никак не проявлял интеллигентности. Следует упомянуть о том, какую школу он прошел перед назначением на должность начальника Оперода центра, будучи заместителем небезызвестного Леонида Заковского в Ленинграде. Латыш Генрих Эрнестович Штубис (больше известный под именем Леонида Михайловича Заковского) до декабря 1934 г. занимал должность наркома внутренних дел Белоруссии, а после убийства Кирова возглавил управление НКВД по Ленинграду и Ленинградской области. В 1935 г. он провел кампанию так называемых Кировских арестов в Ленинграде. В органах НКВД это была личность почти легендарная. Ему приписывали следующее изречение: «Попадись мне в руки Маркс и Энгельс, они бы у меня быстро признались, что были агентами Бисмарка!» Он славился тем, что бил своих оперативных сотрудников, поучая при этом: «Вот как нужно допрашивать!»³⁷⁷. К Заковскому слово «палач» применимо не только в фигуральном, но и в буквальном значении: в мае 1918 г. он служил комендантом ВЧК и в его обязанности входило исполнение смертных приговоров³⁷⁸. М.П. Шрейдер вспоминал, что Заковский, несмотря на трехклассное образование, сочинял брошюры о происках «троцкистов-вредителей», а со временем приобрел популярность в качестве рассказчика устрашающих историй³⁷⁹ из жизни «гнилого антисоветского подполья». «Помню, — пишет Шрейдер, — что всем докладчикам в то время усиленно рекомендовалось цитировать галиматью Заковского... По примеру Заковского некоторые чрезмерно ретивые начальники УНКВД также стали выпускать статьи и бро-

шюры с описанием сенсационных «кровавых дел иностранных разведчиков — троцкистов, зиновьевцев и бухаринцев». В этих «произведениях», напомиравших американские комиксы, рассказывалось об организации троцкистами-террористами дерзких вредительских актов, диверсий, убийств, взрывов на шахтах, крушений поездов и т.п. Вся эта подготовка общественного мнения в печати проводилась систематически и планомерно...»³⁸⁰.

В помощь Николаеву-Журиду в апреле 1937 г. были переведены в центральный аппарат другие выходцы из школы Заковского: старший майор госбезопасности латыш Анс Залпетер на должность замначальника Оперода и инспектор милиции Сергей Жупахин на должность помначальника Оперода. Жупахин принял в Москве «боевое крещение», приняв участие в избиениях Саволайнена³⁸¹. К тому времени Сталин окончательно принял решение еще раз использовать уже арестованных главарей НКВД. Неожиданно этим сломленным, обреченным людям обещают жизнь. Чекистам такого уровня, как бывший начальник Особотдела Гай, эти заманчивые обещания при личном свидании дает сам Ежов³⁸².

Будучи впоследствии арестован как «враг народа», А.К. Залпетер на допросе 10 февраля 1939 г. показал:

«Николаев поручил Жупахину... допросить Прокофьева, он по поручению Николаева без допроса Прокофьева... составил по существу сам показания Прокофьева... В моем присутствии Жупахин принес «эти показания» Николаеву в его кабинет, сказав: «посмотрите, как получилось»... Николаев исправлял «показания» Прокофьева, придавая им «более» жизненный характер...

...В один из выходных дней после допроса в Лефортовской тюрьме некоторых обвиняемых... Николаев, сказав: «Что еще делать, давайте набьем Гаю морду», — поручил вызвать на допрос Гая и после вызова Гая Евгеньев³⁸³, не дав ему ответить по существу заданного ему вопроса... ударил его... При допросах Гая по делу ягодовского заговора я допрашивал Гая, иногда совместно с Николаевым, относясь в основном к делу Ягоды, как сталинскому «соцзаказу», так я понял Ежова на первом оперсовещании, на котором он инструктировал следователей... Гай начал давать показания по шпионской работе после того, когда Ежов обещал ему сохранить жизнь, заявив: «Поощажу»³⁸⁴.

22 апреля от Гая получили требуемые показания, 25 апреля их подтвердил Прокофьев. 27 апреля получили третье «доказательство» — показания Воловича. Некогда этот довольно решительный человек выполнял рискованные специальные задания (в частности, в 1930 г. участвовал в тайном похищении в Париже руководителя эмигрантской организации РОВС генерала Кутепова, который был вывезен на территорию СССР и там убит). В результате побоев и пыток Волович к концу апреля потерял способность самостоятельно давать показания, а Ежов по каким-то причинам хотел, чтобы он был допрошен в его присутствии (в его рабочем блокноте имеется пометка, сделанная в апреле 1937 г.: «особ. допросить Воловича»). Как показал впоследствии работник НКВД Суровицких, он вместе со своим коллегой Ярцевым сам сочинил «показания» от имени Волоича, затем изможденного арестанта доставили к Ежову, где он должен был их подтвердить; при этом, поясняет Суровицких, «абсолютное большинство фамилий под-

сказывались Воловичу Ярцевым или мною по его [Ежова] указанию»³⁸⁵.

Подготовив эту базу, Сталин и Ежов приступили к началу большой чистки в руководстве Красной Армии. Были арестованы и опросным путем выведены из состава ЦК, как прежде Ягода, трое высокопоставленных военных — первый замнаркома обороны Тухачевский, командующие Киевским и Белорусским военными округами Якир и Уборевич. Двух последних арестовали прямо в их личных железнодорожных вагонах, как до того Воловича, под предлогом срочного вызова в Москву. Начальник Главного Политуправления Гамарник, который санкционировал аресты среди высшего командного состава Красной Армии, 30 мая решением Политбюро уволен из Красной Армии. На следующий день к Гамарнику явился его заместитель А.С. Булин и сообщил эту неприятную новость³⁸⁶; сразу же после этого Гамарник застрелился, согласно официальному сообщению, «запутавшись в своих связях с антисоветскими элементами»³⁸⁷.

Перед завершающей фазой задуманной Сталиным атаки на ЦК оставалось «добрать» тех ягодцев, кто еще числился на руководящих постах в центральном аппарате. 9 мая подписан ордер на арест старшего майора госбезопасности, заместителя начальника ГУЛага, лауреата правительственных наград Семена Фирина-Пупко. Свой путь к славе эта будущая знаменитость начала с дезертирства³⁸⁸. Из дезертиров он подался напрямую в политику, поначалу в качестве эсдека-интернационалиста. Это, кстати, характерная черта многих большевиков-чекистов: большевистское самосознание проснулось в них только после окончательного укрепления большевиков у власти и, чтобы оправдать доверие новых хозяев, следовало основательно из-

мазаться в чужой крови. Свою дезертирско-бандитскую карьеру в литовских лесах наш герой впоследствии гордо именовал партизанской деятельностью. Ему удалось расположить к себе Ягоду, когда он руководил строительством Беломоро-Балтийского канала руками десятков тысяч заключенных, многие из которых нашли там свою могилу³⁸⁹. На костях этих людей построил он свою недолговечную славу. Под его руководством была воздвигнута на вершине скалы циклопических размеров статуя Ягоды, после ареста последнего взорванная вместе со скалою. Бывший дезертир, бывший бандит, а теперь гулаговский рабовладелец, Фирин наслаждался благосклонностью всемогущего тогда Ягоды, еще не зная, насколько дорого она ему обойдется. Хорошо и близко знавший его Кривицкий сообщает следующее: «Одним из достижений, которым особенно хвасталось ОГПУ, было «перевоспитание» крестьян, инженеров, учителей, рабочих, не питавших энтузиазма к советским порядкам, которых тысячами и миллионами хватало по всей стране и отправляли в трудовые лагеря, где приобщали к благодати коллективизма. Эти противники диктатуры Сталина, крестьяне, привязанные к своим полям, профессора, жадно впитывавшие немарксистские научные концепции, инженеры, несогласные с установками пятилетнего плана, рабочие, сетовавшие на низкую зарплату, — все эти отчаявшиеся люди миллионами переселялись по чужой воле в специально устроенный для них новый, коллективистский мир, где трудились принудительно под надзором ОГПУ и выходили оттуда покорными советскими гражданами.

Совет труда и обороны постановил 18 апреля 1931 г., что за 20 месяцев будет построен канал между Белым и Балтийским морями протяженностью

140 миль. Вся ответственность за строительство была возложена на ОГПУ.

Заставив пятьсот тысяч заключенных валить леса, взрывать скалы, перекрывать водные потоки, ОГПУ проложило великий водный путь точно по установленному расписанию. С палубы парохода «Анохин» сам Сталин в сопровождении Ягоды наблюдал за торжественной церемонией открытия.

Когда канал был построен, 12 484 «преступника» из полумиллиона работавших получили амнистию, у 59 526 человек были сокращены сроки наказания. Но ОГПУ вскоре пришло к выводу, что большинство «освобожденных», как и другие строители, настолько полюбили коллективный труд на канале, что их отправили на строительство другого великого проекта — канала Волга — Москва.

В апреле 1937 г. я любовался на Красной площади выставленной там огромной фотографией главного строителя каналов в системе ОГПУ Фирина. Хорошо, подумал я про себя, что хотя бы один из больших людей не арестован! Через два дня мне встретился коллега, только что отозванный из-за границы. Первое, что он мне сказал, едва придя в себя от удивления, что я на свободе:

— А вы знаете, Фирину конец.

Я ответил, что это невозможно, ведь его фотография выставлена на главной площади Москвы.

— Говорю вам, что с Фириним покончено. Я был сегодня на работах канала Волга — Москва, но никакого Фирина там не было! — проговорил он.

А вечером мне позвонил друг, работающий в «Известиях». Его редакции было предписано изъять все фотографии и упоминания Фирина — великого каналостроителя ОГПУ...»³⁹⁰. Арест Фирина повлек за собой повальные аресты работавших с ним чекистов и работников лагерного строительства, толь-

ко в Дмитлаге было взято 218 человек. Их обвиняли в том, что они собирались организовать мятеж осужденных на строительстве канала Москва — Волга, их силами захватить Москву и поставить во главе Советского государства Ягоду³⁹¹.

За Фириним последовал Артузов. В ночь с 12 на 13 мая в клубе НКВД состоялось собрание партактива центрального аппарата, на котором Фриновский во всеуслышание назвал Артузова шпионом. Ответного слова ему не предоставили. Растерянный и возмущенный, Артузов вернулся в свой кабинет и рассказал находившемуся там своему коллеге Л.Ф. Баштакову (на тот момент — лейтенанту госбезопасности, оперуполномоченному 8-го отдела ГУГБ НКВД) о случившемся. Минут через 20 в кабинет зашли сотрудники Оперода и предъявили ордер на обыск и арест. Завершив обыск, они доставили Артузова напрямик в Лефортовскую тюрьму. Там его, видимо, сразу же взяли «в работу». Можно лишь догадываться, до какого состояния его довели. В деле вопреки правилам нет ни одной тюремной фотографии — должно быть, в первый же день пребывания в лефортовских застенках он стал непригоден для фотографирования: «ежовские костоломы поработали над ним славно», и уже через десять дней, 22 мая он взалхлеб признавался в антисоветской деятельности. Артузов признал себя шпионом сразу четырех иностранных разведок и сообщником Ягоды по его «заговору» в целях захвата власти³⁹².

Жена Артузова Инна Михайловна не отвернулась от него в беде, не клеймила своего мужа как предателя и врага народа. Каждый день она писала ему письма, полные любви и страдания. 23 мая — на следующий день после того, как в протокол были занесены его слова: «Я признаю свою вину

перед государством и партией в том, что являюсь германским шпионом», она написала:

«Сегодня 10 дней (подумай, целых 10 дней!), как случилось это несчастье, как наступила для меня сплошная ночь — ни солнышка, ни яркой зелени я не замечаю, и только когда идет дождь, становится как-то чуточку легче. Возьму фотографию Ежова, смотрю на его такие прозрачные, чистые глаза и удивляюсь до бесконечности. Ну как он мог поверить, что ты мог сделать что-нибудь плохое?.. Я часто разговариваю с его карточкой, беру ее и говорю: «Ну что ты сделал? Зачем так поступил с лучшим из лучших?»...

А что самое тяжелое, так это ночь. Я так напугана этими ночными приходами, что от малейшего шороха прихожу в ужас — иногда мне кажется, что и за мной придут...»

Предчувствия ее не обманули. Нежные письма к «разоблаченному врагу народа» обошлись И.М. Артузовой слишком дорого; в отличие от жен Молчанова, Прокофьева, Миронова, Шанина и других, отправленных в лагеря для жен «врагов народа», И.М. Артузова была сочтена неисправимой и в 1938 г. казнена. Что же касается ее мужа, то он, конечно, не мог читать ее писем: режим содержания под стражей бывших чекистов был суров, им запрещались не только переписка и передачи, но даже газеты, так что узник находился в полной изоляции от внешнего мира. Бумаги и карандаша ему также не давали. Лишь однажды, в первые дни после ареста, 17 мая, еще не сломленный бывший разведчик сумел вступить в переписку, но не с женой, а со своим мучителем: сохранилось его обращение к «гражданину следователю», написанное собственной кровью на обороте тюремной квитанции, в котором он доказывал свою невиновность³⁹³.

К слову сказать, самому этому «гражданину следователю» — комиссару госбезопасности 3-го ранга Я.А. Дейчу — оставалось меньше года до ареста. Но в те дни, о которых идет речь, он еще надеялся втереться в ежовскую команду и, конечно, проигнорировал обращение погибающего в лефортовских казематах бывшего коллеги.

Следующей жертвой стал начальник специального отдела ГУГБ НКВД комиссар госбезопасности 3-го ранга «батька» Глеб Бокий. Он прославился крайней лютостью в Туркестане в конце Гражданской войны. Даже среди выдавших виды чекистов Востока о нем ходили слухи, будто из куража «он любил питаться сырым собачьим мясом и пить свежую человеческую кровь»³⁹⁴. «Батька» возглавлял спецотдел 16 лет, с 1921 г., а к весне 1937 г. по совместительству являлся еще и членом судебной коллегии Верховного суда СССР. Нам он встречался как советский вельможа, организовавший загородную коммуны для оргий своих коллег. Почетный чекист, награжденный высшей на тот момент советской наградой — орденом Ленина, он удостоился редкой чести — его именем был назван пароход, ходивший по Волге. Его зять Л.Э. Разгон, отработавший два года под руководством своего тестя в спецотделе ГУГБ НКВД, пишет в своих воспоминаниях, что этот отдел являлся крупнейшим вместилищем всякого рода секретной информации, но не аналитической, как в СПО, а зашифрованной и глубоко секретной: «И сам отдел, и его руководитель были, пожалуй, самыми закрытыми во всей сложной и огромной разведывательно-полицейской машине»³⁹⁵. В силу этого Г.И. Бокий, разумеется, был обречен.

Вечером 16 мая Бокий вызван в кабинет Ежова, однако наркома там не застал. Находившийся в кабинете Л.Н. Бельский — начальник ГУРКМ (Глав-

ного управления рабоче-крестьянской милиции) — объявил Бокию об аресте. Тот, видимо, давно ожидая подобного, прошептал: «Вас ждет такая же участь». Бельский визгливо крикнул «Везите его в Лефортово!», где уже через сутки благодаря «спецметодам» следователя с начальным образованием Али Кутебарова (впоследствии, конечно, тоже расстрелянного) звероподобный Глеб Бокий стал послушен, как провинившийся школьник, и собственноручно признал себя государственным преступником и заговорщиком³⁹⁶. Он заявил, что создал некую подпольную организацию оккультистов и медиумов, которая пыталась в содружестве с Ягодой захватить власть в стране. В рассветные часы 18 мая, когда утро красило нежным цветом стены древнего Кремля, изможденный Глеб Бокий, неплохо отделанный за ночь кулаками старшего лейтенанта госбезопасности Кутебарова, дрожащей рукой подписывал протокол со словами: «Я признаю, что наша ложа входила в состав общемасонской системы шпионажа... Входили в кружок сотрудники Спецотдела ВЧК/ОГПУ Гусев, Цибилов, Клеменко, Филиппов, Леонов, Гоппиус, Плужнецов...»³⁹⁷. Разгром СПЕКО — последнего уцелевшего в ГУГБ НКВД островка благополучия — начался.

В это дело оказалась вовлечена группа оккультистов и мистиков, которая под контролем ОГПУ-НКВД проводила исследования в области гипноза, биоритмологии, телепатии и т.п., некоторые из них работали на базе Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ). Гонениям в связи с этим подверглись и видные ученые этого института: завотделом биофизики ВИЭМ П.П. Лазарев, завлабораторией нейрознергетики А.В. Барченко, завотделом микробиологии О.О. Гартох (последнего как немца по национальности объявили еще и

немецким шпионом), директор ленинградского филиала ВИЭМ Р.Э. Яксон (этому латышу, соответственно, добавили обвинение в шпионаже в пользу Латвии) и др. Бокий являлся их куратором, а теперь ему навязали роль главара заговорщиков.

Вместо Бокия СПЕКО ГУГБ НКВД поручили временно возглавить его заместителю латышу Теодору Эйхмансу, который в прошлом, будучи начальником Соловецкого лагеря особого назначения, любил издеваться над заключенными, заставляя их ходить по лагерю строевым шагом и отдавать честь лагерным вертухаям. Узнав летом 1926 г. о смерти Дзержинского, он приказал расстрелять несколько заключенных из числа бывших военнослужащих царской армии и хвастливо объявил: «Теперь я отомстил за смерть своего учителя товарища Дзержинского!» В 1930 г. он являлся начальником «дикой» Вайгачской экспедиции, представлявшей собою заполярную каторгу на острове Вайгач в Карском море близ Новой Земли по добыче руд цветных металлов. С худощавым удлинненным лицом и холодным отсветом пронзительных, неестественно светлых глаз фанатика, он приглянулся Бокию еще в Туркестане, где служил его помощником. Бокий не забыл его и под следствием, заявив, что они вместе состояли в некой подпольной масонской организации. Кровавый Эйхманс вскоре после этого был арестован и, следуя примеру шефа, тут же перестал быть фанатиком, поспешив встать на путь исправления: он легко и непринужденно признался не только в антисоветском заговоре под руководством Ягоды, но и в том, что состоял в совершенно фантастическом «масонском» заговоре Бокия; в итоге обоих расстреляли.

На следующее утро после ареста Бокия на своей московской квартире на Ленинградском шоссе был

взят его коллега и конкурент Александр Формайстер, ныне почти забытый основоположник большинства методов негласного изъятия информации, применявшихся в СССР. Его молодые годы столь же сумрачны, как и у многих других руководителей НКВД. В прошлом польский националист, он не брезговал и уголовщиной, еще до революции был осужден за разбой и убийство беременной женщины к двадцати годам тюрьмы. В местах заключения он гордился своей принадлежностью к преступному миру и глубоко презирал и третировал «политических». Февральская революция распахнула перед ним тюремные ворота (он был освобожден революционной толпой как «узник царизма»), и польский вор устроился служить в милицию. Вскоре, оглядевшись в сложившейся обстановке, новоиспеченный милиционер сбил банду и стал промышлять в Москве вооруженными налетами (наиболее громким среди них считается ограбление фабрики Цинделя³⁹⁸). Будучи ранен в перестрелке с чекистами и отлеживаясь в одном из притонов в Ащеуловом переулке, Формайстер решил вновь легализоваться и поступил на службу на сей раз в ВЧК, где ему доверили должность уполномоченного по борьбе с бандитизмом в Особотделе центра. Причину столь резкой перемены в своей биографии он впоследствии объяснил доступностью комендатуры ВЧК: «...так как никакого учета оружия в ОГПУ не было, поэтому я брал то оружие, которое мне нравилось». Впоследствии при обыске у него дома обнаружили целый арсенал. Но перестреливаться с бывшими коллегами по бандитизму за небольшое жалованье в голодной, разоренной Гражданской войной стране ему не хотелось, и он вскоре перевелся на закордонную работу, в короткий срок за государственный счет, по словам его биографии,

«исколесил почти всю Европу: выезжал в Латвию, Литву, Эстонию, Финляндию, Швецию, Норвегию, Польшу, Италию, Германию». Вскоре старому бандиту поручили возглавить 1-е отделение КРО ОГПУ, которое ведало перлюстрацией, выемкой и обработкой дипломатической почты иностранных государств, оперативным обслуживанием иностранных дипломатических миссий и представительств.

И здесь неожиданно расцвел его талант. Не постеснявшись привлечь в качестве инструкторов старых специалистов царского Охранного отделения по организации так называемых черных кабинетов, он в короткий срок обучил своих сотрудников методам тайного физического проникновения (ТФП), вскрытия хранилищ дипломатической почты, подделки пломб и печатей, подмешивания дурманящих препаратов дипкурьерам, а чуть позже стал использовать технику прослушивания. Он первым создал для этих целей техническую лабораторию, а затем и передвижную вагон-лабораторию, которую прицепляли к поездам с международными вагонами для дипломатов. В итоге все иностранные посольства, консульства, а также представительства частных лиц были нашпигованы подслушивающей аппаратурой и агентурным аппаратом. Благодаря Формайстеру через несколько лет дипломатическая тайна в СССР просто перестала существовать. В начале 30-х гг. созданное Формайстером подразделение (ООТ — отделение оперативной техники) передало в подчинение Паукеру. Не сработавшись с последним, Формайстер перешел в Исполком Коминтерна заместителем начальника ОМС (отдела международной связи). Под этим названием скрывалась мощнейшая диверсионно-разведывательная организация, которая в интересах СССР вела сбор информации, вербовку и подрывную деятельность

по всему миру. Формайстер слишком хорошо был об этом информирован, чтобы оставаться на свободе. Дни его были сочтены, и церемониться с ним никто не собирался. Били его нещадно. На тюремном фото он изображен с забинтованной головой. Продержавшись два месяца, он признал себя польским шпионом и затем был расстрелян³⁹⁹.

День ареста Бокия увидел еще одно важное перемещение в лубяньских коридорах власти. Ежов вызвал своего заместителя Агранова и приказал ему отправиться в Саратов. Это поручение связано с арестом начальника УНКВД по Саратовской области, довольно колоритной личности. В прошлом прибалтийский барон Ромуальд фон Пильхау, троюродный брат Дзержинского, он с головою ушел в революционную деятельность и сменил имя, став Романом Пилляром. Во время войны с Польшей он попал в польский плен, его обменяли по условиям Рижского мирного договора на пленных поляков. Один из самых видных чекистов 20-х гг., он категорически возражал против принятия в ВЧК Сосновского; вероятно, поэтому Сосновского впоследствии перевели к нему заместителем — видимо, для того, чтобы они следили друг за другом и о любых подозрительных вещах или связях докладывали в Москву. После ареста Сосновского Пилляра стали разрабатывать как его «сообщника», к тому же Сосновский со старой обиды дал на него соответствующие показания.

16 мая его арестовали, но Агранов получил приказ в Москву арестованного не сопровождать, а остаться в Саратове и возглавить местное УНКВД. Само по себе это не было для Агранова чем-то новым. В свое время, сразу после убийства Кирова, он по поручению Ягоды временно возглавил ленинградское УНКВД, чтобы провести чистку среди ле-

нинградских чекистов. Теперь ему предстояло провести такую же чистку среди чекистов Саратова, начиная с замначальника УНКВД Сергея (Сурена) Маркарьяна, который при Ягоде являлся замначальника ГУРКМ.

Приближалась очередь Миронова. Показаний о его причастности к «заговору Ягоды» было собрано более чем достаточно. Измотанный «следственным конвейером» Эйнгорн показал, что его шеф Миرون являлся немецким шпионом⁴⁰⁰. 26 мая услужливый капитан госбезопасности Коган получил от морально раздавленного Ягоды уличающие показания в отношении Миронова о причастности к антисоветскому заговору⁴⁰¹. Вероятно, в чекистских кругах пошли разговоры о собранных на Миронова материалах, потому что в те дни определенную активность проявил многолетний ближайший соратник Миронова Дмитриев. Даже находясь в Свердловске, вдали от эпицентра событий, прирожденный ловкач и хитрец держал нос по ветру. Опасаясь, как бы его не притянули к делу Миронова, он применил проверенный прием — поспешил с доносом на Решетова, помощника недавно арестованного Шанина по транспортному отделу ГУГБ, по совместительству аграновского выдвиженца и, вероятнее всего, соглядатая. После ареста Шанина Решетов утратил всякую полезность для нового руководства НКВД, а его покровитель Агранов, потеряв контроль над ГУГБ, стал лишь одним из многих заместителей Ежова и ничем уже не мог ему помочь. Единственный шанс Решетова на спасение состоял в том, чтобы затеряться в массе третьестепенных исполнителей, забиться в щель. Оттуда-то и извлек его своим доносом Дмитриев: он сообщал, что Решетов, будучи его предшественником в должности начальника УНКВД по Свердловской облас-

ти, «помогал эсерам, не разрабатывал троцкистов»⁴⁰². В итоге Решетов был 8 июня арестован и затем расстрелян, а Дмитриев сумел избежать волны арестов, связанной с преследованием выдвиненцев Миронова.

Вот уже третий месяц тот находился в дальневосточной командировке и по доходящим из Москвы слухам узнавал об арестах своих сослуживцев. Возглавляемый им контрразведывательный отдел ГУГБ как будто оставался в стороне от пронесшегося по мрачным коридорам Лубянки урагана (если не считать ареста Эйнгорна). Заминке способствовало то обстоятельство, что в мае главные силы центрального аппарата НКВД были брошены на аресты среди военных: пошла в расход группа Тухачевского — Гамарника — Якира. До Миронова не доходили руки.

Чтобы не терять времени и, как говорится, не сбавлять темп, в мае стали энергично «добирать» действующих сотрудников тех отделов, где вроде бы уже отшумела гроза «чистки». Среди этих «падших ангелов» второго эшелона наиболее примечательна судьба старшего лейтенанта госбезопасности оперуполномоченного СПО Федора Бянкина, которого арестовали 16 мая и оформили английским шпионом. Федору повезло: он избежал смертного приговора и получил всего лишь 20 лет лагерей. Казалось бы, живи, человек, да радуйся. Но нет. Укрепляя ударным трудом мощь страны Советов на отдаленных приисках, идейный борец за торжество социалистического правосознания подвергся обморожению, разочаровался в возможности вернуться к веселой жизни столичного чекиста и в День работника госбезопасности, 20 декабря 1941 г., в разгар битвы за Москву, умер Иудиной смертью, повесившись под вой заполярной метели на оконной решетке своего барака⁴⁰³.

Среди многих лиц, имевших отношение к безопасности и арестованных в мае 1937 г., заслуживает внимания еще одна фигура — Григорий Каннер. В начале 20-х гг. он, будучи личным помощником Сталина, выполнял его наиболее секретные поручения, связанные с тайной борьбой за власть, которую Сталин начинал в те годы. Близко знавший его секретарь Политбюро Б. Бажанов описывает его следующим образом: «преступный субъект, и то, что он так нужен Сталину, немало говорит и о «хозяине», как любят его называть Мехлис и Каннер. Внешне Каннер всегда весел и дружелюбен. Он — небольшого роста, всегда в сапогах (неизвестно почему), черные волосы барашком»⁴⁰⁴. Каннер в тот период являлся поистине правой рукой Сталина в тех случаях, когда тот вынужден был прибегать к наиболее грязным приемам политической борьбы. Он организовал прослушивание Сталиным телефонных переговоров других членов ЦК по внутренней связи (телефонист, технически организовавший этот процесс, был по инициативе Каннера сразу после этого расстрелян внесудебным порядком как «чехословацкий шпион») ⁴⁰⁵. «Когда нужно было кого-то убрать, то именно Каннер организовывал это»⁴⁰⁶. Тот же Каннер, по мнению Бажанова, организовал убийство Э. Склянского — заместителя Троцкого как главнокомандующего Красной Армией. Он же организовал (совместно с Аграновым и врачом ЦК Погосянцем) «медицинское убийство» Фрунзе. Под его фактическим руководством действовал в то время управделами ЦК бывший чекист Ксенофонтов. Наконец, именно через Каннера в 20-е гг. Сталин давал поручения Ягоде — своему доверенному лицу в руководстве ВЧК. К середине 20-х гг., когда борьба за власть внутри партийной верхушки вступила в свою решающую

фазу, Каннер сделался Сталину необходим. Однако в дальнейшем Сталин начал склоняться к тому, чтобы избавиться от наиболее опасного свидетеля своих тайных дел, и удалил его из аппарата ЦК в наркомат тяжелой промышленности. Но Каннер и после этого, видимо, не утратил своих связей с руководством ГПУ, в частности, с Ягодой. По всей видимости, он поддерживал приятельские отношения и с майором госбезопасности Яковом Лоевым — помощником Миронова по ЭКО, а затем — и по КРО ГУТБ НКВД.

Арест Ягоды не сулил Каннеру ничего хорошего. Уже 29 апреля один из арестованных чекистов при допросе показал, что Каннер вместе с неким «доктором Мариупольским» и «Маркарьяном с женой» (имелся в виду, похоже, вышеупомянутый С. Маркарьян — старый, еще с 20-х гг., оперативник ГПУ) в октябре 1936 г. посещал на правительственной даче «Кабот» в Кисловодске опального Ягоду. 26 мая последовал арест человека, который слишком много знал. Тем самым предрешена была судьба не только самого Каннера, но и его друзей. Через три дня Сталин налагает резолюцию: «Важно. Каннер, Маркарьян, Самсонов, Лоев, доктор Мариупольский»⁴⁰⁷ (Самсонов — руководитель одного из отделений Особотдела центра). Что с ними всеми делать, было понятно. К примеру, Лоев прожил после этой резолюции менее трех месяцев. 21 августа его расстреляли вместе с Горбом, Артузовым и двумя бывшими подчиненными последнего по Разведуправлению Генштаба — Отто Штейнбрюком и Федором Кариным, начальниками Восточного и Западного агентурных отделов Разведуправления Красной Армии. Расстрел произведен в подвале здания Военколлегии Верховсуда (ВКВС) по адресу: ул. 25 Октября (ныне Никольская), д. 23, за спиной памятника

первопечатнику Ивану Федорову. Близ этого здания, известного как Расстрельный дом, построен торговый центр⁴⁰⁸.

На примере Карина имеет смысл проиллюстрировать судьбу членов семей работников НКВД и Разведуправления Красной Армии. Фельдбин-Орлов, знавший о судьбе семьи Карина с чужих слов, но близко к сердцу принявший варварскую расправу над семьей коллеги — военного разведчика, рассказывает следующее:

«В крупных городах появилось еще одно страшное знамение времени: случаи самоубийства подростков 10—25 лет. Мне рассказывали, например, такой случай. После расстрела группы сотрудников НКВД четверо их детей, оставшиеся сиротами, украл из квартиры другого энкаведиста пистолет и отправились в Прозоровский лес под Москвой с намерением совершить самоубийство. Какому-то железнодорожнику, прибежавшему на пистолетные выстрелы и детские крики, удалось выбить пистолет из рук четырнадцатилетнего мальчика. Два других подростка лежали на земле, — как выяснилось, тяжело раненные. Тринадцатилетняя девочка, сестра одного из раненых, рыдала, лежа ничком в траве. Рядом валялась записка, адресованная «дорогому вождю народа товарищу Сталину». В ней дети просили дорогого товарища Сталина найти и наказать тех, кто убил их отцов. «Наши родители были честными коммунистами, — следовало дальше. — Враги народа, подлые троцкисты, не могли им этого простить...» Откуда детям было знать, кто такие троцкисты!

Сталинский секретариат получал десятки таких писем. Отсюда они направлялись в НКВД с требованием убрать маленьких жалобщиков из Москвы. Здесь не должно было быть места детским слезам!

Иностранные журналисты и гости из-за рубежа не должны были видеть эти массы выброшенных на улицу сирот.

Многие из осиротевших детей не ждали, когда их вышлют из Москвы. Столкнувшись в домах друзей своих родителей с равнодушием и страхом, они присоединились к тем, кто принял их в свою среду как равных — к бездомным подросткам, жертвам более ранней «жатвы», которую принесла сталинская коллективизация. Банда беспризорных обычно забирала у новичка в качестве вступительного взноса часть его одежды, часы и другие ценные вещи и быстро обучала его своему ремеслу — воровству.

Хуже было осиротевшим девочкам. О судьбе одной из них я узнал от того же Шпигельгяса⁴⁰⁹. Весной 1937 г. были внезапно арестованы заместитель начальника разведуправления Красной Армии Федор Карин и его жена. Обоих расстреляли. До начала службы в разведуправлении Карин несколько лет работал в Иностранном управлении НКВД, помогая Шпигельгясу при выполнении секретных и опасных заданий за границей. Карины и Шпигельгясы дружили семьями; единственная дочь Кариных, которой было к моменту ареста отца тринадцать лет, была лучшей подружкой дочери Шпигельгяса.

После ареста Кариных их дочь оказалась на улице, а их квартиру занял один из «людей Ежова». Девочка пришла к Шпигельгясам. «Ты должен меня понять, — втолковывал мне Шпигельгяс. — Я люблю этого ребенка не меньше собственной дочери. Она пришла ко мне со своим горем, как к родному отцу. Но мог ли я рисковать... и оставить ее у себя? У меня язык не повернулся сказать ей, чтобы она уходила. Мы с женой постарались ее

утешить и уложили спать. Ночью она несколько раз вскакивала с постели с душераздирающими криками, не понимая, где она и что с нею. Утром я пошел к ежовскому секретарю Шапиро и рассказал ему, в каком положении я очутился. «В самом деле, положение щекотливое, — заметил Шапиро. — Надо найти какой-то выход... Во всяком случае, тебе не стоит держать ее у себя... Мой тебе совет: попробуй от нее избавиться!»

«Совет Шапиро, — продолжал Шпигельглас, — был по существу приказом выгнать ребенка на улицу. Моя жена вспомнила, что у Кариных были какие-то родственники в Саратове. Я дал девочке денег, купил ей билет на поезд и отправил ее в Саратов. Мне было стыдно глядеть в глаза собственной дочери. Жена беспрестанно плакала. Я старался поменьше бывать дома...

Через два месяца дочь Кариных вернулась в Москву и пришла к нам. Меня поразило, как она изменилась: бледная, худая, в глазах застыло горе. Ничего детского в ее облике не осталось. «Я подала в прокуратуру заявление, — сказала она, — и прошу, чтобы люди, которые живут в нашей квартире, вернули мою одежду». Так посоветовал сделать человек, приютивший ее в Саратове. «Я была в нашей пионерской дружине, — продолжала девочка, — и получила там удостоверение для прокуратуры, что меня два года назад приняли в пионеры. Но пионервожатый потребовал, чтобы я выступила на пионерском собрании и сказала, что одобряю расстрел моих родителей. Я выступила и сказала, что если они были шпионы, то это правильно, что их расстреляли. Но от меня потребовали сказать, что они на самом деле были шпионы и враги народа. Я сказала, что на самом деле... Но мне-то известно, что это неправда и они были честные люди. А те,

кто их расстрелял, — вот они и есть настоящие шпионы!» — сердито закончила она. Девочка отказалась от еды и не пожелала взять денег...»

В это же самое время на митингах и в газетах до небес превозносили «гуманизм сталинской эпохи». Крики обездоленных детей заглушались дифирамбами «сталинской заботе о людях» и «трогательной любви к детям»⁴¹⁰.

Упомянутый в приведенном отрывке Шапиро — не кто иной, как майор госбезопасности И.И. Шапиро, в прошлом близкий к Ежову работник аппарата ЦК ВКП(б). Примечательная черта времени: один из наиболее известных советских разведчиков, имевший на тот момент 18-летний опыт службы в органах госбезопасности Сергей Шпигельглас вынужден был спрашивать совет у далекого от оперативной работы заместителя начальника секретариата НКВД Шапиро, который впервые попал на службу в НКВД лишь в начале 1937 г.

Тем временем, пока в Москве решался вопрос об аресте Лоева и других сотрудников Миронова, сам он, кажется, все еще надеялся выкрутиться. 19 мая 1937 г., в день пионерской организации, когда по всей стране усиленные радиотрансляторами звонкие детские голоса выкликали бодрые речевки в честь товарища Сталина и, конечно, зорких защитников страны Советов — бойцов НКВД, — Миронов прислал с Дальнего Востока жизнерадостную телеграмму, где скромно докладывал о своих достижениях в деле выявления «врагов народа» и приводил их список, предлагая осудить их тремя группами в особом порядке. Сталин наложил резолюцию «за предложение т. Миронова»⁴¹¹. Ежов после такой сталинской резолюции не решился сразу отозвать Миронова и арестовать. Ему предписыва-

лось продолжить палаческую работу. Все же 11 мая на Дальний Восток отправился новый начальник управления НКВД по Дальнему Востоку комиссар госбезопасности 1-го ранга Всеволод Балицкий. С Мироновым они теперь трудились бок о бок, с большим энтузиазмом. Один из подчиненных Балицкого, начальник управления НКВД по Сахалинской области В.М. Дреков, будучи впоследствии арестован, показал на допросе: «Провокационные методы стали применяться в 1937 году с приездом на Дальний Восток московской бригады во главе с Балицким и Мироновым. Именно с появлением этих людей начались массовые аресты. Всякая критическая мысль в отношении показаний обвиняемых душилась»⁴¹². Однако служба службой, а притом Балицкий, что называется, в оба глаза следил за Мироновым и его командой, ожидая со дня на день приказа об их аресте.

В начале июня в Москве состоялось расширенное заседание Высшего Военного совета (созданного в 1934 г. взамен упраздненного Реввоенсовета). Сталин был до такой степени поглощен этим мероприятием, что не приехал на похороны своей матери, умершей 4 июня. Сиротливый венок «От сына Иосифа» стал скорбным напоминанием о единственном из трех детей Екатерины Джугашвили, оставшемся в живых. По сохранившемуся устному рассказу, перед смертью женщина сказала: «Лучше бы жил один из моих старших сыновей» (Иосиф был самым младшим, его братья Михаил и Георгий умерли во младенчестве).

На заседании Высшего Военного совета, четверть состава которого к началу заседания находилась в тюрьме, выступили 43 крупнейших советских военачальника, обрушивших потоки грубой брани в адрес арестованных сослуживцев (34 из выступав-

ших в дальнейшем сами были репрессированы)⁴¹³. В день его открытия Политбюро утвердило проект постановления ЦИК СССР: «За предательство и контрреволюционную деятельность лишить орденов СССР: 1. Молчанова Г.А. — ордена Красного Знамени; 2. Воловича З.И. — Красной Звезды» и далее следовал внушительный перечень арестованных чекистов-орденоносцев, у которых отбирали столь щедро розданные им награды. На следующий день Сталин, выступая на Военном совете, назвал Гая, Паукера и Воловича сознавшимися шпионами. Но на этом он не остановился и подверг резкой критике контрразведывательную работу⁴¹⁴. Участь руководителя контрразведки Миронова была этим решена. Очередные его достижения по раскрытию «троцкистской террористической шпионско-вредительской организации, действовавшей в строительных организациях» были доложены в Политбюро через ведомство Вышинского⁴¹⁵. Это означало, что карьера Миронова в органах госбезопасности окончена.

Фриновский, любивший пошутить, поручил операцию по аресту Миронова и его подчиненных его однофамильцу Сергею Миронову-Королю, начальнику Западно-Сибирского крайуправления НКВД. Миронову дали приказ с Дальнего Востока выехать со своей следственно-оперативной бригадой в Новосибирск. Вместе с ними выехал и Балицкий со своими людьми, так что Миронов ощутил себя как будто уже взятым под стражу, отчего выглядел очень подавленным. 6 июня Балицкий получил шифротелеграмму из Москвы с приказом об аресте Миронова и его сотрудников. На следующий день он отчитался перед Москвой в исполнении. Вот как вспоминала об этом вдова Миронова-Короля, после его расстрела в 1940 г. выжившая в сталинских ла-

герях: «Миронова-гостя посадили на главное место, а он, как увидел нашу Агулю, ей тогда было четыре года, так уж и не смог от нее оторваться. Посадил ее на колени, гладит по голове, шепчет что-то, и она к нему приникла... Странно это мне как-то показалось — не к дамам поухаживать, не к мужчинам — выпить, поговорить, а к ребенку за лаской...

Я потом говорю Сереже:

— А Миронов-то был грустный...

Он встрепенулся, с вызовом:

— Что ты выдумываешь? С чего это ему быть грустным? С таким почетом принимали.

А через неделю и гость наш Миронов, и вся его свита были арестованы»⁴¹⁶.

Должно быть, Эйхе, Балицкий и Миронов-Король как следует отметили успешное выполнение задания партии по обезвреживанию врага народа Миронова и его сообщников (санкцию на арест Миронова, между прочим, выдали лишь 14 июня — видимо, после того как его доставили в Москву и взяли «в работу»; до этого дня он формально оставался начальником КРО ГУГБ НКВД)⁴¹⁷. Балицкий умел пожить со вкусом, с размахом. С Мироновым-Королем они были старые собутыльники: Миронов-Король еще недавно был начальником управления НКВД по Днепропетровской области, Балицкий — в то время нарком внутренних дел Украины — из государственных средств выдал ему денег на свадебные гулянья, которые прошли с большим размахом, и сам присутствовал на этой свадьбе на даче наркома⁴¹⁸.

Балицкий много лет держал в своих руках все правительство Украины: на каждого или почти каждого его члена он имел какой-то компромат. Наркомторг Чернов в своем гостиничном номере вздумал ради потехи топить в ванне двух проститу-

ток, из которых одна погибла, а другая вырвалась и убежала. Другой нарком, Николаенко, в пьяном виде ходил по улице и избивал встречаемых постовых милиционеров. Наркомфин Каттель насильовал машинисток в своем кабинете. Наркомзем Моисеенко повесил свою жену на чердаке (официально объявили, что она покончила с собой). Балицкий часто возил украинских руководителей по ночам в женскую тюрьму и устраивал там оргии⁴¹⁹.

Он, конечно, не мог знать, что в тот же день, 7 июня, бывшие дни вспоминают не только они с Мироновым-Королем. Арестованный бывший начальник финотдела НКВД Украины Леонид Словинский в тот день детально рассказывал на допросе о разгульной жизни Балицкого. О том, что содержание его особняка обходилось в 35 тысяч рублей в месяц, содержание «увеселительного судна «Днепр» — в четверть миллиона, на празднование Нового года — 50 тысяч, на Октябрьские праздники 1936 г. — 120 тысяч, да еще в какой-то «особый фонд», т.е. на неизвестные расходы, выдавалось непосредственно на руки Балицкому свыше миллиона рублей в год. Балицкому припомнили даже лошадь, купленную им за счет неподотчетных секретных фондов в подарок начальнику ИСО НКВД Лурье, любимцу Ягоды. Припомнили и вскользь брошенную им фразу относительно образа жизни: «так делает Ягода». На листы протоколов ложились описания его оргий вплоть до блудливых загулов с женами своих приближенных, которые происходили во время ночных прогулок по Днепру и на многочисленных дачах (под Киевом, Одессой, в Крыму). Каждый близкий Балицкому чекист-руководитель должен был расплачиваться с ним не только личной преданностью, но и собственной женой, если она своей внешностью заслуживала благосклонного вни-

мания вельможного наркома. Ворованные деньги проигрывались за карточным столом, причем проигравшие получали компенсацию за счет все тех же секретных неподотчетных фондов⁴²⁰.

Словом, было Балицкому с Мироновым-Королем о чем вспомнить, о чем порассказать Эйхе в тот летний вечер 7 июня 1937 г. Расчувствовавшись, Балицкий стал делиться сокровенным: арестованный Ягода «топит без разбора правых и виноватых... обстановка в органах НКВД сложилась такая, что арестовать могут каждого в любой момент и получить правильные показания, так как в Лефортовской тюрьме узников избивают», а Ежов дает санкции на многочисленные аресты чекистов.

Миронов-Король доложил об этом разговоре, происходившем в присутствии Эйхе, в НКВД СССР, и 19 июня Ежов вызвал Балицкого в Москву⁴²¹. Тот, как мог, оттягивал свой приезд, но все же в начале июля выехал, и 7 июля арестован в служебном вагоне⁴²². Заместитель наркома В.М. Курский, которому после ареста Миронова поручили возглавить КРО и, следовательно, принять к производству дела арестованных чекистов, в день ареста Балицкого застрелился. Возможно, он оставил какую-то предсмертную записку, поскольку его секретаря Георгия Саламова арестовали и продержали в тюрьме вплоть до казни Ежова (Саламов по иронии судьбы угодил в один список приговоренных смертников с самим Ежовым и рядом других видных чекистов ежовской эпохи). Не исключено, что именно от Саламова стала известна причина самоубийства Курского: ему в начале июля передали предложение Сталина в перспективе возглавить НКВД, что сулило неминуемый конфликт с Ежовым⁴²³. Эти два события — арест Балицкого и самоубийство Курского — вызвали новую волну «изъя-

тий» среди чекистов, которые теперь уже не прекращались. Истребление «ягодинского охвостья» приобрело масштабы эпидемии.

Тем временем, через неделю после ареста Миронова, 12 июня в Москве расстреляли группу военачальников — Тухачевского, Уборевича, Якира и прочих. Судебное решение по этому делу было подготовлено заранее; шифротелеграмма Политбюро от 11 июня гласила: «В связи с происходящим судом над шпионами и вредителями Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими ЦК предлагает Вам организовать митинги рабочих, где возможно, крестьян, а также митинги красноармейских частей и выносить резолюцию о необходимости применения высшей меры репрессии...»⁴²⁴. Арестованные ягодовцы, чьи показания требовались для этого процесса в качестве свидетельских, тем самым исполнили свою последнюю миссию и стали никому более не нужны. Ежов получил санкцию на их физическое уничтожение.

Путь в могилу

Первые расстрелы состоялись 20 июня — в этот день расстались с жизнью Лурье, Островский, Станиславский, Гай и группа бывших сотрудников Особотдела центра. С этого момента «ликвидации» продолжались по отработанной схеме: об окончании следствия и вынесенном приговоре чекистам не сообщали; «чекистов уничтожали в так называемом особом порядке: после утверждения Сталиным и ближайшими членами его окружения расстрельного приговора жертву без всякой судебной процедуры несколько дней спустя выдавали коменданту военной коллегии Вер-

ховного Суда СССР с предписанием расстрелять. Все эти предписания выполнялись от руки, что говорило об особой секретности данной категории расстрелов»⁴²⁵. Всего через два месяца после ареста Миронова, 14 августа 1937 г., Сталин и Молотов санкционировали список, составленный Фриновским, где предлагалось «осудить по первой категории» (т.е. к смертной казни) большую группу бывших чекистов. Среди них начальник СПО-2 (т.е. второго отделения СПО) В.В. Григорьев, старший майор госбезопасности замначальника Оперода З.И. Волович, начальник ОПС И.Ю. Лоренс и его заместитель И.В. Винецкий, заместитель Ягоды Г.Е. Прокофьев, начальники отделов К.В. Паукер и А.М. Шанин, бывший личный порученец Ягоды И.М. Саволайнен и другие⁴²⁶. Их смертный час пробил. В тот же день оформили приговор и привели его в исполнение. Приговор бывшим сотрудникам НКВД выносился особым внесудебным порядком — специальной комиссией в составе Вышинского, Ежова и председателя ВКВС Василия Ульриха⁴²⁷. Комиссия оформляла смертный приговор списком в отсутствие осужденных, которым сообщали об их участии лишь непосредственно перед казнью⁴²⁸. Расстреляли и Балицкого; «говорили, что он страшно кричал, когда его вели на расстрел»⁴²⁹. Словно невидимый конвейер опускал разжалованных главарей всемогущего карательного ведомства в его недра — туда, где исполнялся не подлежащий обжалованию приговор.

Оставалось покончить с Аграновым. У Ежова были причины ненавидеть хитрого, авторитетного в чекистских кругах и хорошо искушенного в кремлевских интригах «Яню» и опасаться его. Он к тому же являлся главным свидетелем того, какие интриги плел Ежов за спиной Ягоды летом 1936 г.

Майский перевод Агранова в Саратов сам по себе не снимал проблемы. Но в стране уже воцарилась атмосфера всеобщей подозрительности и доносительства. Ежову оставалось только терпеливо ждать, когда поступит подходящий донос на Агранова — последнего из могижан ягодинского призыва.

Ждать пришлось недолго. 2 июля председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы И.И. Межлаук, еще не ведая, что и сам обречен и в скором времени будет уничтожен дубянским ведомством, подал Сталину донос на своего заместителя Волинского, что тот якобы раньше знал о связях Ягоды с Бухариным и Рыковым, но сообщил об этом только Агранову — своему куратору в НКВД, а в партийные инстанции не доложил. Донос был направлен против Волинского: Межлаук просил его избавить от столь сомнительного заместителя и передать дело о нем в НКВД. Но Сталин наложил резолюцию: «Т.т. Молотову, Ежову. Волинский, конечно, виновен, но дело не столько в Волинском, сколько в Агранове, который, надо полагать, скрыл от ЦК сообщенное ему Волинским об Ягоде. Нужна проверка этого дела с точки зрения поведения Агранова. И. Сталин». Молотов рядом написал: «Согласен»⁴³⁰. Ежову только это и требовалось. По итогам проверки он добился направления в Саратов специальной комиссии во главе со своим другом Георгием Маленковым — в прошлом заместителем, а затем и преемником по должности завотделом руководящих партийных кадров (ОРПО) в ЦК ВКП(б).

Агранов сам невольно этому содействовал, немалой активностью в борьбе с «врагами народа» затягивая петлю на собственной шее. По прибытии в Саратов он оказался в эпицентре отчаянной борьбы за власть двух местных группировок: одну воз-

главлял областной партийный босс А. Криницкий, другую уполномоченный КПК по Саратовской области А. Яковлев⁴³¹. Оба не покладая рук направляли в Москву взаимные доносы с обвинениями в политической слепоте, потакании троцкистам и прочих антипартийных грехах. Агранов, собаку съевший на подковерных интригах, опытным глазом сразу определил, что обе группировки обречены на гибель и попросту съедят друг друга (так в итоге и произошло). Ловким движением профессионального фальсификатора он нашел способ запрячь двух непримиримых врагов в одну упряжку, на которой он рассчитывал, вероятно, выехать из крутившейся вокруг него мясорубки. Для начала он «изобличил» второго секретаря обкома П. Липендина в том, что тот в 20-е гг. учился в Институте красной профессуры с некими троцкистами Рубаном и Пожидаевым «и не разоблачил их». Арестованный Липендин под соответствующим нажимом «признался» в том, что Криницкий и Яковлев поручили ему создать антисоветскую террористическую группу. Соответствующее сообщение полетело в Москву — и попало в руки Маленкова, который по прибытии в Саратов сразу же заговорил о виновности Агранова в укрывательстве антисоветской деятельности Криницкого и Яковлева.

Агранов, отчаянно пытаясь выкрутиться, пошел ва-банк: он поспешил направить Сталину письмо, в котором предлагал арестовать теперь уже Маленкова как «врага народа», а заодно с ним и вдову Ленина Крупскую, о которой Агранову было известно, что Сталин ею недоволен. Этот шаг на грани отчаяния оказался последним шагом в пропасть. Письмо Агранова ничего не изменило в ходе событий, разве что дополнительно озлобило Маленкова. 19 июля тот переслал в Москву доклад, в котором

утверждал, что среди партийно-государственного руководства Саратовской области сложилась «серьезная правотроцкистская шпионская организация» во главе с первым секретарем Саратовского обкома членом ЦК Александром Криницким. Эта шпионская организация, по словам доклада, «остается до сих пор неразоблаченной и неизъятой... Агранов, видимо, и не стремился к этому... Сам аппарат Саратовского УНКВД до сих пор остается нерасчищенным от врагов... Агранов ничего в этом отношении не сделал. На основании этого считаем целесообразным Агранова сместить с должности и арестовать»⁴³².

На следующий же день Криницкий отозван в Москву, по прибытии сразу вызван в кабинет Маленкова в здании ЦК на Старой площади и при выходе из него арестован; Агранов в тот же день взят под стражу и возвращен на Лубянку, но уже в качестве секретного заключенного Внутренней тюрьмы (узники такого ранга содержались в ней под номерами и персоналу тюрьмы не полагалось знать, кто у них находится)⁴³³. Попав в лапы своих бывших подчиненных, Агранов был обвинен в том, что состоял в заговоре вместе с Ягодой, Мироновым и Молчановым. Впереди его, как и упомянутых «сообщников», ждала неизбежная смертная казнь. Летом, в душной камере Внутренней тюрьмы, он находился всего в нескольких метрах от хорошо знакомых ему кабинетов Лубянки. Агабеков применительно к периоду, когда он возглавлял Восточный сектор ИНО в главном здании на Лубянке, описывает свой кабинет так: «Это была небольшая комната с одним окном, выходящим во внутренний двор. Из окна напротив виднелись тоже окна, которые, однако, были завешены высокими, смотрящими вверх, окрашенными в серый цвет щитами. Щиты

не позволяли видеть, кто и что скрывается за этими окнами, но мы знали, что это камеры Внутренней тюрьмы ОГПУ, где содержались арестованные. Летом при открытом окне мы говорили очень громко, и, вероятно, арестованные слышали наши беседы, но это никого не беспокоило, ибо из Внутренней тюрьмы ведь редко кто выходил на свободу»⁴³⁴.

По ночам Агранов из своей камеры мог слышать не менее впечатляющие звуки. Тех, кто подобно Агранову, весной и летом 1937 г. был этапирован в Москву из провинциальных тюрем, непривычно поражали слышавшиеся по ночам вопли истязаемых арестантов: вскоре ежовские методы следствия распространятся по всему СССР, и уже никого не будут удивлять, но тогда с непривычки это шокировало. Евгения Аксенова-Гинзбург, мать известного писателя Василия Аксенова и жена советского градоначальника (в терминах того времени председателя горисполкома) Казани, этапированная летом 1937 г. в один из московских следственных изоляторов, упоминает невозможность уснуть летом, когда окна были открыты для вентиляции, примерно между полуночью и тремя часами ночи из-за близости следственного корпуса: «Сейчас оно начнется. Неотвратимое, как смерть... Началось все сразу, без всякой подготовки, без какой-либо постепенности. Не один, а множество криков и стонов истязаемых людей ворвалось сразу в открытые окна камеры...

Над волной воплей пытаемых плыла волна криков и ругательств, изрыгаемых пытающими. Слов разобрать было нельзя, только изредка какофонию ужаса прорезывало короткое, как удар бича: «мать! мать! мать!» Третьим слоем в этой симфонии были стуки бросаемых стульев, удары кулаками по столам и еще что-то неувловимое, леденящее кровь.

Хотя это были только звуки, но реальное восприятие всей картины было так остро, точно я разглядела ее во всех деталях»⁴³⁵.

Вряд ли ночи во Внутренней тюрьме для Агранова в то время чем-то существенно отличались. Все это составляло, так сказать, психологический фон настроения Агранова. Ему было что вспомнить, ворочаясь под крики из соседнего корпуса на жесткой койке в одиночной камере Внутренней тюрьмы.

Забегая чуть вперед, скажем два слова о том, каков оказался Агранов под следствием. Сведений об этом сохранилось немного. Но судя по тому, что мы имеем, вечно бодрый, веселый «Яня», оказавшись в бесстрастных объятиях родного ему тюремного ведомства, несколько приуныл. Первоначально он отказывался говорить со своими бывшими подчиненными. Его приходилось «уличать» показаниями ранее арестованных чекистов центрального аппарата, а также «изъятых» руководителей Саратовского УНКВД: Канарейкина, Зарицкого и других.

Все тот же вездесущий, как бес, начальник одного из отделений СПО майор госбезопасности Л. Коган, думая, что зарабатывает себе орден (в действительности — расстрельную пулю в затылок), быстро нашел способы привести своего бывшего начальника к общему знаменателю. От него потребовалось непременно получить признательные показания. И к бывшему первому заместителю наркома применили одну из тех низких и подлых оперкомбинаций, на которые прежде Агранов сам был великий мастер. Арестовали его жену, известную в литературно-художественных кругах Москвы светскую даму Валентину Агранову, и бросили в камеру как она была — в домашнем халате и тапочках на босу ногу (по воспоминаниям ее сокамерницы, о ко-

торой речь пойдет чуть ниже). Ее подвергли страшным истязаниям. Подробности вряд ли когда-нибудь станут нам известны. Но то, что этой женщине пришлось безвинно принять воистину адовы муки, не подлежит сомнению. Для примера упомянем, что казненная одновременно с Аграновой Татьяна Постолюкская — секретарь парткома Украинской Ассоциации марксистско-ленинских научных институтов и жена Павла Постышева, пытавшаяся одно время через своего мужа играть свою роль в решении вопросов расстановки руководящих кадров на Украине, подвергалась после ареста совершенно варварским издевательствам: «Постолюкскую притаскивали в большой кабинет, где уже находилось шесть-семь молодых людей с жокейскими бичами в руках. Ее заставляли раздеться совершенно донага и бегать вокруг большого стола посреди комнаты. Она бегала, а эти ребята, годившиеся ей в сыновья, в это время подгоняли ее бичами... А потом предлагали лечь на стол и показывать «во всех подробностях» — «как ты лежала под Постышевым»... И так почти каждую ночь»⁴³⁶.

Вернемся к Валентине Аграновой. Ее участь оказалась ничуть не легче, чем у Постолюкской. Ее жестоко избивали, о ее тело гасили папиросы, требовали показаний об антисоветской деятельности мужа. Отрекшись от своего супруга, она могла легко отделаться — получить упрощенным порядком свои стандартные восемь лет лагерей как ЧСИР («член семьи изменника Родины») и отбыть их в одном из лагерей для «жен врагов народа» (в Мордовии или Казахстане). Однако Валентина Александровна не захотела покупать жизнь такой ценой. Тогда ее обманули, сыграв на ее самопожертвовании. Ей предложили «признаться», что это она была шпионкой и «врагом народа», а ее муж Агранов ни-

чего не знал о ее враждебной деятельности; в обмен на подписание такого протокола ей обещали освободить ее мужа. И она подписала домыслы своих мучителей. В камере вместе с ней сидела бывший директор Партиздата Украины, жена кандидата в члены ЦК ВКП(б) и наркома зерновых и животноводческих совхозов СССР Н.Н. Демченко — твердого сталинца, одного из главных организаторов чудовищного голодомора на Украине, арестованного через 2 дня после Агранова⁴³⁷, — Мария Демченко. Она разъяснила Аграновой, что та попала в ловушку и, подписав этот протокол, погубила этим себя и мужа. Агранова стала биться в железную дверь камеры, требуя вернуть ей протокол. С этого момента ее на допросах избивали до потери сознания и бесчувственной бросали обратно в камеру. Молодая женщина, не дожившая до сорока лет, на сохранившейся тюремной фотографии выглядит изможденной старухой⁴³⁸. При этом, как она рассказала Марии Демченко, Агранова узнала в человеке, бившем ее сапогами, руководящего работника НКВД, который прежде считался другом семьи Аграновых и не раз бывал у них в гостях (вероятнее всего, речь идет о майоре госбезопасности В. Агасе — многолетнем секретаре Агранова, его выдвиженце, ставшем в начале 1937 г. заместителем начальника Особотдела ГУТБ НКВД; он пережил все ежовские чистки и лишь осенью 1938 г. был арестован, а избежать судьбы своего шефа и покровителя Агранова в 1937 г. по тогдашним неписаным законам лубянского ведомства он мог лишь одним способом...). Предчувствуя неизбежную гибель, Агранова подарила Марии Демченко свой платок с просьбой помнить о ее судьбе и рассказать о ней, если когда-нибудь выйдет на свободу⁴³⁹.

Ознакомившись с выбитыми у его жены показаниями, Агранов согласился, в свою очередь, признать себя участником «заговора Ягоды» в обмен на обещание пощадить его жену. Это обещание, разумеется, не было выполнено: вскоре Агранову расстреляли вместе с Постоловской, а также женами Артузова и Гая и еще двенадцатью женами высокопоставленных «врагов народа»⁴⁴⁰.

Что же касается самого Агранова, то у Ежова уже руки чесались поскорее расправиться с ним. Для казни Агранова он облюбовал бывшую загородную дачу Ягоды «Лоза», переименованную в Спецобъект «Коммунарка». В конце августа там были сделаны приготовления для закапывания в лесу, по которому еще недавно бродили Ягода и Агранов, трупов казненных чекистов. Эту идею одобрил Сталин, после беседы с которым в рабочем блокноте Ежова появилась запись: «Дача Ягоды — чекистам». 2 сентября 1937 г. из Москвы на грузовиках доставлены и закопаны в лесу трупы первой партии расстрелянных сотрудников НКВД (среди них был, видимо, Роман Пилляр, казненный в этот день). Вторая партия поступила сюда 20 сентября, третья — 8 октября...⁴⁴¹. Настал черед Агранова. 1 ноября 1937 г. он попал в список предназначенных к расстрелу. Однако чья-то властная рука вычеркнула его оттуда⁴⁴². Видимо, «Яня» не заслужил права умереть легко. Его ожидали новые страдания и унижения.

Покойный исследователь жизни и «творчества» Ежова А.И. Полянский значительную часть своей жизни посвятил собиранию сведений о биографии «железного наркома». Он встречался с людьми, близко знавшими его, и собрал много устных рассказов и отзывов о его словах, поступках, характере, образе жизни. К сожалению, он не успел за-

кончить свой труд. Но его неоконченные записки опубликованы. Они отличаются высокой степенью достоверности. Во всех случаях, где есть возможность проверить рассказ опубликованными документами, его сведения точны. Есть у него и рассказ о том, как Ежов 9 ноября 1937 г. лично допрашивал своего бывшего первого заместителя Агранова. Вероятнее всего, он записан со слов человека, слышавшего его, либо от Когана, либо от присутствовавшего при допросе Николаева-Журида. Трудно, если вообще возможно, проверить подлинность деталей. Но сами показания Агранова, приведенные в рассказе, точно соответствуют протоколу его допроса от 9.11.37. Итак, «дверь открылась, в кабинет вошел Коган с папкой в руке и встал по стойке «смирно». Потом два конвоира ввели и усадили на стул в самом углу человека в поношенном распахнутом пиджаке и в грязной рубашке, в котором было трудно узнать некогда вальяжного и холеного Агранова. Его щеки, на которых раньше играл легкий румянец, обвисли и покрылись густой щетиной. Он сидел опустив голову, покрытую седыми, давно не стриженными волосами. Николаев-Журид сделал знак рукой Когану, и тот, достав из папки бумаги, произнес хорошо поставленным голосом:

— Подследственный Агранов, сейчас вы должны в присутствии народного комиссара внутренних дел СССР подтвердить данные вами показания на допросе 30 октября 1937 г. Прошу отвечать на мои вопросы.

Агранов слегка кивнул головой, как бы одобряя предложение следователя, хотя его согласия никто не спрашивал.

— Знали ли вы о подготовке троцкистско-зиновьевским центром убийства Сергея Мироновича Кирова?

— Нет, не знал.

— Разве в результате следствия по делу ленинградского террористического зиновьевского центра вам не было ясно, что троцкисты были участниками убийства Кирова?

— Конечно, поскольку мне было известно о созданном троцкистско-зиновьевском блоке, мне с самого начала следствия было ясно, что в подготовке убийства Кирова участвовали и троцкисты.

— Были ли вами приняты какие-либо меры к разоблачению роли троцкистов в убийстве Кирова? Приняли ли вы какие-либо меры к розыску и аресту троцкистов-террористов и ограждению руководства ВКП(б) и правительства от грозившей им опасности?

— Нет, никаких мер в этом отношении я не принял и, как троцкист, не был в этом заинтересован. Я видел, что следствие по делам троцкистов, которое вел начальник секретно-политического отдела НКВД Молчанов в связи с убийством Кирова, проведено поверхностно и ничего не вскрыло. Однако никаких мер по пересмотру следственного материала я не принял, прикрыв тем самым участие троцкистов в террористической борьбе против ВКП(б) и советской власти.

Ежов заметил, что Агранов слегка шепелявит. Он присмотрелся внимательнее и увидел, что у того нет нескольких передних зубов. Видимо, показания из Агранова вытянуть было не так уж и легко.

— На основании данных следствия, — продолжал Коган, — мы констатируем, что вы являетесь участником контрреволюционного троцкистского заговора против Советского государства. Подтверждаете ли вы это? Признаете ли вы себя в этом виновным?

— Да, подтверждаю. Признаю себя виновным в том, что до моего ареста я состоял участником контрреволюционного террористического троцкистского заговора, ставившего своей целью насильственное свержение руководства ВКП(б) и советского правительства, ликвидацию колхозного строя и реставрацию буржуазно-капиталистического порядка.

Я признаю себя виновным в том, что являлся участником антисоветского террористического троцкистского заговора, осуществившего злодейское убийство секретаря ЦК ВКП(б) Кирова и готовившего физическое уничтожение других руководителей ЦК ВКП(б) и советского правительства.

Агранов, отвечая на вопросы следователя, ни на секунду не задумывался, говорил четко, без запинки. По всему было видно, что этот показательный допрос был хорошо отрепетирован и Агранову пришлось выучить наизусть свои покаянные показания.

Коган сделал паузу и осторожно посмотрел на Ежова. Ему очень хотелось узнать, доволен ли нарком его работой. Но по невыразительному лицу Ежова было трудно сделать какой-то вывод, и следователь продолжал допрос.

— Вашей подрывной деятельностью в НКВД руководил Ягода?

— Да. Моей враждебной деятельностью в НКВД руководил Ягода, он выполнял в чекистских органах задания не только Троцкого, но и правых, в частности Бухарина...

— Кто еще из руководства НКВД входил в вашу организацию?

— Прокофьев, Миронов, Молчанов, Паукер, Буланов, еще Островский и Бокий. Но об их подрывной деятельности в НКВД мне неизвестно, поскольку Ягода не посвящал меня в это.

Николаев-Журид, видимо, остался доволен, как Коган справился с этим делом, поскольку, слегка улыбнувшись, подмигнул ему. Потом он пристально посмотрел на Агранова и сказал:

— Гражданин Агранов, подтвердите, что вы дали эти показания добровольно, без какого-либо принуждения и давления на вас.

— Да, я это подтверждаю.

— Тогда подпишите протокол. У вас есть какие-нибудь просьбы, жалобы?

Агранов трясущейся рукой стал подписывать переданные ему следователем бумаги, потом, тяжело дыша, встал со стула и сказал, обращаясь к Ежову:

— Я понимаю, что вина моя колоссальна и не будет пощады. Я кругом виноват и во всем сознался. Прошу вас, Николай Иванович, не наказывать мою семью. Никто из моих близких не знал о моем предательстве, в первую очередь я маскировался от них. Поверьте, они ни в чем не виноваты.

На глаза Агранова навернулись слезы, и он стал вытираться рукой.

— А я больше не могу жить, — продолжал Агранов, задыхаясь и всхлипывая, — Расстреляйте меня скорее, каждый день жизни для меня мука.

Коган поднялся и вышел в приемную за конвоем, а Ежов молча сидел за столом и смотрел в окно, прислушиваясь к монотонным ударам дождя по стеклу»⁴⁴³.

Прошло еще четыре месяца. Наступила другая весна. 8 марта 1938 г., хотя и являлось рабочим днем, все же было отмечено в календаре как праздник — Международный женский день. Однако советские газеты занимала другая тема. «Правда» вышла в тот день с апологетической статьей Михаила

Кольцова, воспевающей его приятеля — Николая Ежова, «чудесного нестигаемого большевика, который, дни и ночи не вставая из-за стола, стремительно распутывает и режет нити фашистского заговора». В тот же день на процессе «Правотроцкистского центра» давал показания один из главных подсудимых — бывший глава НКВД, а ныне государственный изменник Генрих Ягода. Чтобы он не впал в истерику прямо на процессе и не выкинул чего-нибудь неожиданного, ему перед началом процесса показали его жену Иду — бывшую помощницу прокурора Москвы, которая еще оставалась жива. Ей строго запретили сообщать мужу, что она арестована, перед свиданием привели в приличный вид, переодели и причесали (ее расстреляют после процесса). Сидя напротив друг друга, Генрих и Ида наверняка вспоминали ушедшие дни молодости. Бухарина-Ларина описывает одну из таких картин, случайной свидетельницей которой она оказалась: «однажды в нашей квартире звучали торжественные аккорды бетховенской увертюры к «Эгмонту». Играла жена Ягоды Ида, худенькая, щупленькая, с острым личиком, похожая, как считали многие, знавшие Я.М. Свердлова, на своего известного дядю, а Ягода, опершись локтем о пианино, приложив ладонь к лицу, казавшийся грустным и задумчивым, слушал музыку»⁴⁴⁴. Теперь, увидевшись с женою и перенесшись воспоминаниями в минувшее, бывший нарком снова остро захотел жить. Именно это и требовалось организаторам судебного процесса. Чтобы обмануть Ягоду, Бухарина и других подсудимых, которых готовили к открытому процессу, было даже принято специальное Постановление ЦИК СССР о тяжких государственных преступлениях, где говорилось: в целях «предоставления суду возможности избирать по этим преступлениям не толь-

ко высшую меру наказания (расстрел), но и лишение свободы на более длительные сроки»⁴⁴⁵ максимальный срок лишения свободы увеличен с 10 до 25 лет. Тем самым у подсудимых создавалась иллюзия: если они признают на открытом процессе свою вину, их осудят к 25 годам тюрьмы, сохранив жизнь.

Ягода заметно нервничал, путался в показаниях, отказывался от своих признаний, сделанных в ходе следствия, отрицал обвинения в шпионаже: «Если бы я был шпионом, то уверяю вас, что десятки государств вынуждены были бы распустить свои разведки». В перерывах между заседаниями Ягоду инструктировал его следователь капитан госбезопасности Лернер. Он заверял Ягоду, что тот может спасти свою жизнь, если подтвердит показания, данные в ходе следствия, и для того, чтобы вернуть Ягоде интерес к жизни, даже сел играть с ним в шахматы (во время игры Ягода то и дело спрашивал, расстреляют его или нет, как будто еще на что-то надеялся). Все же решили не рисковать и на следующий день, 9 марта, провели закрытое заседание, после которого в печати объявили, что Ягода признал все обвинения. Работу Лернера, видимо, признали неудовлетворительной: 26 марта его перевели с понижением из центрального аппарата в Ленинградскую область.

11 марта настала очередь выступать государственному обвинителю А.Я. Вышинскому — тому самому, которого, по утверждению Фельдбина-Орлова, Ягода лишь один раз соизволил принять в дни подготовки процесса Каменева-Зиновьева. Вышинский сполна отомстил падшему ангелу сталинского режима за то унижение. Бывшему меньшевику вообще было за что отомстить большевикам из так называемой ленинской гвардии. С первых же меся-

цев после Октябрьской революции меньшевики подвергались гонениям. Ленин, узнав, что в Моссовет избрано 40 меньшевиков, в том числе их лидеры Мартов и Дан, написал председателю Моссовета Каменеву: «Вы должны загонять их практическими поручениями. Дан — санучастки, Мартов — контроль за столовыми»⁴⁴⁶. К меньшевикам широко применялись аресты, обыски, перлюстрация переписки, без объяснения причин закрыта их газета «Всегда вперед». Меньшевики обратились к Ленину с письменным протестом, на что получили увесистое: «Меньшевики подличают, и им надо за это сугубо набить морду»⁴⁴⁷.

Плодом изодренной мысли Сталина стал теперь суд бывшего меньшевика над большевиками. Блестяще эрудированный, одаренный юрист, получивший добротное дореволюционное университетское образование, прокурор Союза ССР оказался одним из талантливейших судебных ораторов. По воспоминаниям старых прокурорских работников, он мастерски владел навыками не просто судебной риторики, но жестикуляцией, интонацией, мимикой. Этот выдающийся актер блестяще сыграл свою роль в мрачной судебной пьесе. «Ягода, — витийствовал бывший сокамерник Сталина по бакинской Баиловской тюрьме, бывший меньшевик, а ныне большевик и Прокурор Союза ССР Вышинский, — как мухами, был облеплен германскими, японскими и польскими шпионами, которых он не только прикрывал, как это он сам здесь признал, но через которых он вел шпионскую работу... главный организатор и вдохновитель этих чудовищных преступлений, его ответственность тем более сильна и серьезна, что ведь Ягода — не просто Ягода, это... человек, на обязанности которого лежала охрана государственной безопасности. Если бы те престу-

пленя, которые совершил Ягода, в которых он признался, если бы он совершил их в миллионной дозе, то и тогда я вправе был бы требовать от суда расстрела Ягоды». На следующий день, на вечернем заседании 12 марта Ягода делал последние вялые попытки защититься: «Я — не шпион и не был им... Неверно не только то, что я являюсь организатором, но неверно и то, что я являюсь соучастником убийства Кирова... Мои возражения по этим моментам не являются попыткой ослабить значение моих преступлений. Моя защита и не имела бы здесь никакого практического значения, ибо за каждую миллионную часть моих преступлений, как говорит Прокурор, он требует моей головы... Я знаю свой приговор, я его жду целый год. В последние часы или дни своей жизни я не хочу лицемерить и заявлять, что я хочу смерти. Неверно это. Я совершил тягчайшие преступления. Я это сознаю. Тяжко жить после таких преступлений, тяжело сидеть десятки лет в тюрьме. Но страшно умереть с таким клеймом. Хочется, хотя бы из-за решетки тюрьмы, видеть, как будет дальше расцветать страна, которой я изменил.

Граждане судьи! Я был руководителем величайших строек-каналов. Сейчас эти каналы являются украшением нашей эпохи. Я не смею просить пойти работать туда хотя бы в качестве исполняющего самые тяжелые работы... я прошу вас, граждане судьи, при вынесении мне приговора учтите, есть ли революционная целесообразность в моей казни теперь. Я бы не смел просить о пощаде, если бы не знал, что данный процесс является апофеозом разгрома контрреволюции, что страна уничтожила все очаги контрреволюции и Советская страна выиграла, разбила контрреволюцию наголову. То, что я и мои сопроцессники сидим здесь на скамье подсу-

димых и держим ответ, является триумфом, победой советского народа над контрреволюцией. Я обращаюсь к суду с просьбой, — если можете, простите!»

Троцкий по этому поводу злорадствовал и одновременно удивлялся: «Самой, пожалуй, фантастической частью всей серии московских судебных фантазмагорий является включение Генриха Ягоды, долголетнего руководителя ГПУ, в число «заговорщиков» троцкистско-бухаринского центра. Можно было ждать всего, только не этого.

Сталину пришлось долго маневрировать в Политбюро, пока ему удалось навязать Ягodu, свое наиболее доверенное лицо, в качестве главы ГПУ. С 1923 года борьба со всеми видами оппозиции была сосредоточена в руках Ягоды. Он был не только ближайшим исполнителем всех фальсификаций и подлогов, но и организатором первых расстрелов оппозиционеров... Система чистосердечных покаяний войдет в историю, как изобретение Генриха Ягоды»⁴⁴⁸.

Трудно сказать, чем объяснить виляния Ягоды на процессе. Возможно, ему специально предназначили такую роль: для большего правдоподобия, чтобы он походил на настоящего заговорщика, стремящегося улизнуть от ответственности. Не исключено, что сам Ягода как опытный фальсификатор в деле подготовки политически значимых судебных процессов решил подыграть Вышинскому, талантливо симпровизировать, чтобы этим продемонстрировать Сталину свою полезность для новых процессов и тем самым сохранить жизнь. В любом случае он старался зря.

В 21 час 25 минут, выслушав последнее слово Ягоды, суд удался для вынесения приговора. В 4 часа утра началось его оглашение. Ягodu и еще 17 подсу-

димых осудили к смертной казни и отправили во Внутреннюю тюрьму ждать исполнения приговора. По прибытии в тюрьму, получив клочок бумаги, он написал на нем:

«В Президиум Верховного совета от приговоренного к в. м. Г. Г. Ягоды

ПРОШЕНИЕ О ПОМИЛОВАНИИ

Вина моя перед родиной велика. Не испутив ее в какой-либо мере, тяжело умереть. Перед всем народом и партией стою на коленях и прошу помиловать меня, сохранив мне жизнь.

Г. Ягода 13.03.1938 года»⁴⁴⁹.

Следующую ночь им дали провести в бессоннице, в ожидании смерти. Ягода ждал, когда откроется дверь камеры и его подземными коридорами проведут в подвал Автобазы НКВД № 1 в Варсонофьевском переулке, где при нем исполнялись смертные приговоры. Но наступил день 14 марта, а осужденные оставались еще живы. Может быть, им дали в последний раз почитать газеты, где печатались горячие приветствия смертному приговору, брань и проклятия в адрес осужденных. Даже «Пионерская правда» опубликовала подборку детских писем, славящих Ежова и бранящих Ягоду. Пятиклассницы московской 272-й школы написали:

«Дорогой Николай Иванович! Вчера мы прочитали в газетах приговор над сворой право-троцкистских шпионов и убийц. Нам хочется сказать большое пионерское спасибо Вам и всем зорким наркомвнудельцам.

Спасибо, товарищ Ежов, за то, что Вы поймали банду притаившихся фашистов, которые хотели отнять у нас счастливое детство. Спасибо за то, что Вы разгромили и уничтожили эти змеиные гнезда.

Мы Вас очень просим беречь себя. Ведь змея-Ягода пытался ужалить Вас. Ваша жизнь и здоровье нужны нашей стране и нам, советским ребятам.

Мы стремимся быть такими же смелыми, зоркими, непримиримыми ко всем врагам трудящихся, как Вы, дорогой товарищ Ежов!»

Рядом с этим и другими подобными детскими письмами была опубликована фотография с подписью: «На пионерском сборе 232-й школы вожатая отряда Соня Кукушкина читает ребятам приговор Верховного Суда»⁴⁵⁰.

Но вообще-то осужденным во Внутренней тюрьме газеты не полагались, так что о содержании советской прессы Ягода мог и не знать, хотя наверняка догадывался.

Поздним вечером 14 марта, в промозглые сумерки, осужденных вывели во двор перед Внутренней тюрьмой и поместили в черные грузовики. Взревели моторы.словно чрево людоеда, внутренности кузова оказались забиты сливками коммунистической знати, вместив в себя трех бывших членов Политбюро, из которых Бухарин к тому же возглавлял Коминтерн, а Рыков Совнарком, двух бывших партийных вождей союзных республик, двух глав республиканских правительств, бывшего секретаря ЦК, шестерых союзных наркомов. Их засыпали, будто гниющие отходы в мусоровоз, и неспешно отправили на свалку истории.

Чекисты не приучены были церемониться с бывшими коллегами, осужденными на смерть. Вспоминается рассказ Агабекова о том, как он вел на казнь бывшего начальника одной из советских тюрем Махлина:

«Мы направились к одиночной камере Махлина. Узкая квадратная комнатка без всякой мебели. Под потолком маленькое окошечко с густой железной

решеткой. Махлин сидел на асфальтовом полу с разутыми ногами. Сапоги его стояли тут же рядом. Увидев нас, он, не вставая, выжидательно смотрел. Видно, еще до сих пор не верил, что будет расстрелян. Он надеялся на отмену приговора и сейчас ждал, что мы ему сообщим.

— Гражданин Махлин, ЦИК СССР отказал вам в помиловании, поэтому сегодня приговор суда должен быть приведен в исполнение. Имеете ли вы что-либо передать вашим родным и друзьям? — сказал я.

Еще минуту он смотрел на меня, точно воспринимая произнесенные мною слова. Затем глаза его потухли, и вместе с потерей надежды он как-то весь опустился, точно проткнутая шина. Он молча сидел и не шевелился.

— Итак, передавать нечего? — переспросил я. — Ну, в таком случае, одевайтесь...

Я вышел из камеры и ушел ждать в канцелярию тюрьмы. С завязанными назад руками красноармейцы бросили Махлина на дно грузовика. Вероятно, ему было больно и неудобно лежать на досках. Но до этого ли ему сейчас? Он ведь теперь всего лишь груда мяса. Что ему ушибы? Через час он будет ничто»⁴⁵¹.

Вероятно, с такими же удобствами везли на казнь и Ягоду. Если бы он мог видеть сквозь стены, его ожидало удивление: кавалькада автомобилей отправилась по хорошо знакомой Ягоде дороге, вслед заходящему солнцу, навстречу багрово-красному закату, навстречу смерти — на его дачу «Лоза» по Калужскому шоссе. Грузовик подбрасывало на ухабах, из тьмы его чрева не видно было неба с хмурыми рваными тучами, подкрашенными багряными лепестками заката. Смертники, конечно, понимали, что их ждет. Ягода вполне мог вспомнить в эти ми-

нуты свои слова в одном из писем Максиму Горькому: «Как мы быстро-быстро живем, и как ярко-ярко горим»⁴⁵².

*Мартовские сумерки
перед воротами бывшей дачи Ягоды «Лоза».
Такими они были и семьдесят лет назад*

Тьма ранней мартовской ночи встретила их в лесу, огороженном забором и колючей проволокой. Когда-то этот лес являлся частью ягодинского поместья, теперь же ему предстояло навсегда укрыть под своей сенью ночного властелина советской империи. Осужденных вывели из грузовиков и по липовой аллее подвели к зданию бани, в предбаннике которой Ягода когда-то устроил тир. Теперь ему предстояло стать в этом тире мишенью.

Его и Бухарина усадили возле стены на двух стульях; им предстояло в ожидании казни смотреть, как убивают остальных осужденных. Почему рядом с бывшим хозяином дачи усадили Бухарина, нетрудно догадаться: Ежову наверняка было хоро-

шо известно содержание предсмертного письма бывшего «любимца партии» Сталину: «Если вы предрешили меня ждет смертный приговор, то я заранее тебя прошу, заклинаю прямо всем, что тебе дорого, заменить расстрел тем, что я сам выпью в камере яд (дать мне морфию, чтоб я заснул и не просыпался). Для меня этот пункт крайне важен, я не знаю, какие слова я должен найти, чтобы умолить об этом, как о милости: ведь политически это ничему не помешает, да никто этого и знать не будет. Но дайте мне провести последние секунды так, как я хочу. Сжальтесь!.. Молю об этом...»⁴⁵³. Бывший глава мирового коммунистического движения, «любимец партии», еще недавно бредивший массовыми расстрелами, Бухарин панически боялся сам подвергнуться расстрелу. Поэтому его решили не просто расстрелять, но растянуть процедуру, чтобы он своими глазами увидел, что его ожидает.

Мрачной церемонией командовали пьяный Ежов, Фриновский, Дагин и Литвин. По приказу Ежова первым втащили и пристрелили его бывшего секретаря Буланова. Потом настал черед остальных: их до двух часов ночи заводили в помещение и убивали одного за другим. Ввели и расстреляли Григория Гринько, в прошлом украинского эсера, который в 1920 г. примкнул к большевикам и в качестве замнаркомзема стал одним из главных организаторов голодомора; за это его сделали наркомом финансов СССР, ввели кандидатом в ЦК. Гринько, как и другие представители коммунистической верхушки, жил барином, ни в чем себе не отказывая. Вот описание одного из его салон-вагонов: «Двери купе, спальни и ванной с внутренней стороны зеркальные, внутренняя отделка — из дуба под красное дерево с по-

лировкой под лак, обивка потолка салона клеенкой, стен — линкрустом по сукну, мебель особой конструкции под красное дерево, обитая шагреновой тканью»⁴⁵⁴. Много хорошего получил от Советской власти товарищ Гринько. Осталось ему получить только пулю в затылок.

Ввели и расстреляли Исаака Зеленского. В прошлом он являлся видной фигурой, первым секретарем Московской парторганизации, секретарем ЦК и членом Оргбюро. Осенью 1923 г. он «проглядел» троцкистскую оппозицию, которая завладела головами большинства московских парторганизаций, и за это Зиновьев и Каменев перевели его в Среднюю Азию. Там он благополучно пережил этих двух своих гонителей. Теперь же настало время его расстрелять как троцкиста.

Ввели и расстреляли Прокопия Зубарева. Ничем не примечательный работник Наркомзема РСФСР, он вряд ли попал бы в столь избранное общество. Но в протоколе его допроса, где он обвинялся в том, что «собирал секретные сведения о посевных площадях», имелось упоминание, будто в 1908 г. он завербован неким приставом Васильевым в качестве агента царской охранки. Этот протокол попал в очередной сводке на глаза Сталину и тот сделал пометку: «Зубарев — охранник. Включить в список»⁴⁵⁵, чем и решил судьбу этого человека. Он требовался для колоритности, чтобы показать всему миру, как бывшие главари Страны Советов Бухарин и Рыков оказались связаны со старым агентом охранки.

Ввели и расстреляли Владимира Иванова. Это был крупный партийный чиновник, член ЦК. Последняя его должность — нарком лесной промышленности СССР. Он являлся верховным правителем лесоповалов, на которых погибали десятки тысяч

заключенных. Именно он, по версии Ежова, завербовал в заговорщицкую организацию вышеупомянутого Зубарева, став тем самым связующей нитью между царской охранкой и Бухариним.

Ввели и расстреляли Акмаля Икрамова и Файзуллу Ходжаева, 1-го секретаря ЦК и председателя Совнаркома Узбекистана. В июне Икрамов «разоблачил» Ходжаева как буржуазного националиста, и тот был арестован. Через три месяца Икрамова арестовали как сообщника Ходжаева. Сам себя Икрамов назвал «человекоподобным зверем»⁴⁵⁶.

Ввели и расстреляли доктора Игнатия Казакова. Это один из прототипов профессора Преображенского в «Собачьем сердце» М. Булгакова. В 20-е гг. он выдвинул смелую доктрину из области экспериментальной медицины — искусственное омоложение организма с помощью экстрактов из эмбриональных клеток человека. Его опыты, разумеется, носили секретный характер, это приближало его к ведомству Ягоды. В 30-е гг. ему поручили возглавить Институт обмена веществ и эндокринных расстройств. Возможность омоложения организма вызвала живейший интерес кремлевских вождей. Вскоре выяснилось, что методика доктора Казакова дает лишь кратковременный эффект: организм пациентов постоянно требовал новой дозы омолаживающих экстрактов, а иммунная система не выдерживала такого вмешательства и давала сбой⁴⁵⁷. Несчастливого доктора объявили шарлатаном и обвинили в том, что по приказу Ягоды он принимал участие в «медицинском» убийстве Менжинского. В те же мартовские дни 1938 г. арестовали его сына в Саратове и на 10 лет отправили в лагерь по обвинению в том, что он якобы готовил убийство Ежова.

Ввели и расстреляли Николая Крестинского, видного троцкиста, одного из первых членов Политбю-

ро, впоследствии замнаркоминдел. Предшественник Сталина на посту Ответственного секретаря ЦК (при назначении Сталина должность переименовали в Генерального секретаря). У него был брат-близнец, Сергей Крестинский, участник русско-японской войны, который впоследствии служил в МВД, затем в контрразведке царской России. Н. Крестинский из идейных соображений отрекся от брата; тот был растерзан разъяренной толпой революционно настроенных дезертиров.

Ввели и расстреляли Петра Петровича Крючкова, известного в литературных и чекистских кругах Москвы под прозвищем «ПеПеКрю». Будучи литературным секретарем М. Горького, он являлся агентом Ягоды при нем. Он понадобился для того, чтобы обвинить Ягоду в убийстве Горького, якобы на личной почве (Ягода на самом деле состоял в любовной связи с невесткою писателя).

Ввели и расстреляли доктора Льва Левина. К числу его пациентов принадлежали В.И. Ленин и Н.И. Ежов, которому он пытался позвонить по телефону, когда пришли его арестовывать. С бывшим пациентом ему пришлось теперь встретиться здесь — в полутемном и тесном помещении ягодовской бани, пропахшей сырым деревом и свежей кровью. Ежов смотрел, как расстреливают лечившего его врача, а Ягода, вероятно, вспоминал очную ставку с Левиным, которую ему устроили зимою, незадолго до суда. По ее результатам Ягоду обвинили в том, что он через своего агента «ПеПеКрю» (Крючкова) поручил Левину устроить медицинское убийство М. Горького и председателя Госплана СССР, члена Политбюро В. Куйбышева. Должно быть, Ягоде все это показалось приветом из преисподней, который передавали ему Фрунзе и Дзержинский. После ареста Левина его сын, работавший в Наркоминделе,

написал письмо Молотову с просьбой заступиться за отца; Молотов не оставил письмо без внимания, поставив на письме резолюцию: «т. Ежову. Почему этот Левин до сих пор в НКВДе, а не в НКВД?» — и Левин-младший в тот же день был арестован, а затем расстрелян⁴⁵⁸.

Ввели и расстреляли Вениамина Максимова-Диковского. Он возглавлял секретариат Куйбышева. По версии обвинения, именно через него Ягода организовал «медицинское» убийство последнего. Подробности, видимо, обсуждались на закрытом заседании 9 марта: возможно, не хотелось афишировать, что канцелярией члена Политбюро руководил агент НКВД.

Ввели и расстреляли Аркадия Розенгольца, в прошлом члена Реввоенсовета, советского полпреда в Англии, из-за шпионско-подрывной работы которого в 1927 г. были расторгнуты дипломатические отношения между двумя странами, затем наркомвнешторг СССР. Работников себе в аппарат он подбирал, задавая на собеседовании единственный вопрос: «Сколько контрреволюционеров вы расстреляли собственноручно?»⁴⁵⁹.

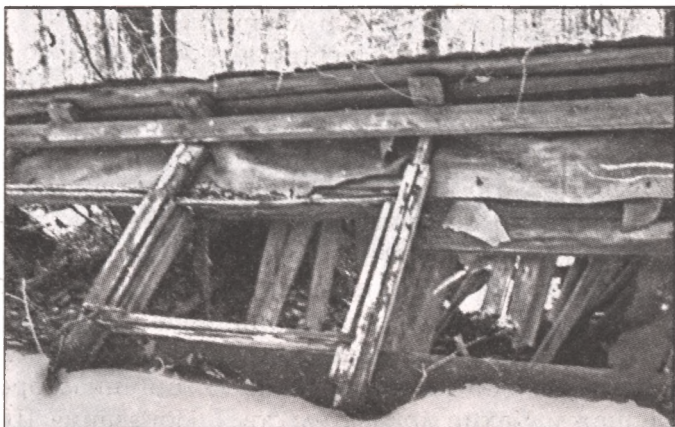
Бывшего главу советского правительства Рыкова, до ареста страдавшего алкоголизмом (ходил даже анекдот, будто Троцкий в эмиграции составил завещание — в случае его смерти заспиртовать его мозг и отправить в Москву: мозг отдать Сталину, а спирт Рыкову)⁴⁶⁰, Фриновский ради потехи заставил его выпить стакан чистого спирта и пристрелил.

Ввели и расстреляли Михаила Чернова. Один из организаторов сталинского голодомора, после его успешного проведения стал наркомом земледелия СССР, членом ЦК. Организатор Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (впоследствии ВДНХ, ныне ВВЦ). Во время судебного процесса советские

газеты называли его «злой двуногой крысой». Его 23-летнюю дочь Марию расстреляют там же, в «Коммунарке», через месяц, 21 апреля. Его сын умрет в 1942 г. в магаданском лагере⁴⁶¹.

Ввели и расстреляли Василия Шаранговича. Ежов хорошо знал его по многолетней совместной работе в Комиссии партийного контроля. Видимо, Шарангович до последнего момента надеялся, что уж его-то Ежов не бросит в беде. На вечернем судебном заседании 12 марта Бухарин заявил: «Гражданин Прокурор утверждает, что я наравне с Рыковым был одним из крупнейших организаторов шпионажа. Какие доказательства? Показания Шаранговича, о существовании которого я и не слышал до обвинительного заключения». Шарангович выкрикнул с места: «Бросьте врать, хоть один раз в жизни! Врете вы и сейчас на суде». В последнем слове он заявил: «Каждый такой, как я, безусловно будет раздавлен всей мощью Советской власти...»

Наконец, никого больше не осталось. Бывшего члена Политбюро и главу Коминтерна Николая Бухарина подняли со стула, подвели к стене и расстреляли. Остался один Ягода. Ежов приказал Дагину хорошенько избить его перед казнью: «А ну-ка, дай ему за всех нас!» Пока Ягodu, бессильного, как кукла, били, Ежов и Фриновский наблюдали за происходящим, наслаждаясь моментом. Наконец, обмякшее под ударами, почти бесчувственное тело бывшего наркома бессильно упало на пол... Ягodu поставили на ноги, подтащили к стене и застрелили. Тела казненных крючьями выволокли из бани, швырнули в выкопанную неподалеку траншею. Так закончил свой земной путь один нарком страха, а другой отправился по своему обыкновению пьянствовать...⁴⁶²

*Остатки бани. Здесь были расстреляны
Бухарин, Рыков, Ягода и остальные*

Ежов не пощадил и родню уничтоженных ягодовцев. Одних (как, например, жену Шанина или бывшую жену Бокия Софию) арестовали и расстреляли в Москве. Других сослали в Астрахань и арестовали уже там как «жен врагов народа». Шрейдер описывает, к примеру, как вдове Паукера в лагере приходилось «стирать белье с опухшими от мороза красными руками»⁴⁶³. 78-летнему отцу Ягоды пришлось написать покаянное письмо, что его сын «стал врагом народа, за что должен понести заслуженную кару». Он просил Сталина: «Мы, старики, просим Вас, чтобы нам, находящимся в таких тяжелых моральных и материальных условиях, оставшимся без всяких средств к существованию (ибо не получаем пенсию) была бы обеспечена возможность спокойно дожить нашу, теперь уже недолгую жизнь в нашей счастливой Советской стране. Мы просим оградить нас, больных стариков, от разных притеснений со стороны домоуправления и Ростокинского райсовета, которые уже начали

Здесь их трупы тащили железными крючьями от бани к траншее. Эта земля пропитана кровью Ягоды и других казненных палачей.

Прокурор Вышинский закончил свою обвинительную речь на суде словами: «Пройдет время. Могилы ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом, покрытые вечным презрением честных советских людей, всего советского народа.

А над нами, над нашей счастливой страной по-прежнему ясно и радостно будет сверкать своими светлыми лучами наше солнце».

занимать нашу квартиру и готовят, очевидно, другие стеснения по отношению к нам»⁴⁶⁴.

Бывший политзаключенный Ухтинско-Печерского лагеря К.П. Гурский оставил описание последних дней арестованного отца Ягоды:

«Как-то после работы я пришел в общежитие. За столом, задумавшись, сидел седой, рыжеватый, высокий худощавый человек. Дневальный шепнул, что это отец Ягоды. В общежитие на несколько дней его велел поселить Яцковский. Нарядчику при-

казано поставить его «на общий» котел. На работу не выводить — все же дряхлый старик, едва передвигает ноги.

Он рассказал о расстреле своего сына — Г.Г. Ягоды, что вызвало в душе каждого из нас только ликование. Старику, члену РСДРП с 1892 г., за сына дали 25 лет лагерей (!), несмотря на его возраст. Он очень переживал, уверял всех, что дело инспирировано по указанию «хозяина». Ни сам он, ни сын никогда не принадлежали к троцкистскому блоку. Вся деятельность сына якобы находилась под строгим контролем и проводилась непосредственно по указанию Сталина. Сын дважды пытался отказаться от своего портфеля, вызвав этим ярость вождя. Старик уверял, что настанет время, и история скажет правду.

Странно было слушать отца всеми ненавидимого палача. Многого мы еще не знали. Большинство заключенных верило в непогрешимость Сталина. Впервые о завещании В.И. Ленина мы услышали от этого престарелого коммуниста и «врага народа». Кое в чем старый Ягода оказался прав. И только в отношении сына отец ошибся. Генрих Ягода оказался таким же преступником, как Ежов и Берия...

Старик пробыл у нас двое суток. В Управлении узнали об этом, Яцковскому объявили строгий выговор и приказали отправить Ягodu на штрафной 6-й лагпункт тракта Чибью-Крутая. Позже в Седью явился курьер начальника этого лагпункта, одетый в знакомую потрепанную лисью шубу с облезлым воротником и большим коричневым портфелем, в котором Ягода хранил пару грязного нижнего белья и полотенце. Теперь в этом портфеле курьер возил служебные документы и бумаги. На вопрос, почему на нем шуба Ягоды, он ответил: «Отправлен гад к своему любимому сынку еще позавчера!»⁴⁶⁵.

А теперь вернемся чуть назад, к середине лета 1937 г. Малый контрпереворот, задуманный Сталиным и выполненный Ежовым, был завершен. Мощный тайный орден НКВД, возглавляемый Ягодой, который находился в полушаге от взятия власти над огромной страной, разгромлен. 17 июля Ежов с большими торжествами получил орден Ленина «за выдающиеся успехи в деле руководства органами НКВД по выполнению правительственных заданий». Кадровая революция на Лубянке в общих чертах завершилась. Пора было приступить к выполнению новых задач...

Примечания

- ¹ Орлов А.М. Тайная история сталинских преступлений. — М.: Автор, 1991. — С. 95.
- ² Кривицкий В.Г. Я был агентом Сталина: Записки советского разведчика / Пер. с англ. И.А. Вишневецкой. Сост. Б.А. Старков. — М.: Терра-Тегга, 1991. — С. 220.
- ³ Как справедливо заметил А.Ф. Катусев, «карательная практика тридцатых, сороковых и начала пятидесятых годов выявила катастрофическую ущербность следователей из НКВД и МГБ» (в кн.: Столяров К. Палачи и жертвы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997. С. 211). Того же мнения придерживались и современники. Хрущев о «вычищенных» руководителях госбезопасности середины 30-х гг. отзывается так: «Хорошие были работники. Сталин начал, видимо, терять доверие к НКВД и решил брать туда на работу людей прямо с производства, от станка. Это были люди неопытные, иной раз политически совершенно неразвитые. Им достаточно было какое-то указание сделать и сказать: «Главное, арестовывать и требовать признания», и все: они сразу же делали» (Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания). Книга I. М.: ИИК «Московские Новости», 1999. С. 185). Ему вторит бывший сотрудник НКВД Кирилл Хенкин: «...на место исчезнувших пришли другие. Деревенские гогочущие хамы. Мои друзья называли их... «молотобойцы»...» (Хенкин К. Охотник вверх ногами. М., 1991. С. 36).

- ⁴ Шрейгер М.П. НКВД изнутри. Записки чекиста. — М.: Возвращение, 1995. — С. 10.
- ⁵ Там же. — С. 24.
- ⁶ Шрейгер М.П. Воспоминания чекиста-оперативника. Лит. запись И.А. Эланской. Машинописная рукопись. Место хранения: г. Москва, архив общества «Мемориал». — С. 226.
- ⁷ Ильинский М. Нарком Ягода. — М.: ЭКСМО, Язуа, 2005. — С. 141–144, 509–510.
- ⁸ Подробнее об этом см.: Астрахан В.И. Академия ФАПСИ РФ. Правительственный телефон «ВЧ» как символ власти в СССР // В сб.: Исторические чтения на Лубянке. Власть и органы государственной безопасности. Великий Новгород: ИПЦ Новгородского университета, 2003. — С. 212–217.
- ⁹ Бояринцев В.И. Тифозная вошь советской поэзии // «Дуэль». № 27 (221). 3 июля 2001.
- ¹⁰ Орлов А.М. Тайная история сталинских преступлений. — М.: Автор, 1991. — С. 117–119.
- ¹¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. — М.: МФД, 2004. — С. 200.
- ¹² Шрейгер М. Воспоминания... — С. 588.
- ¹³ Там же. — С. 18.
- ¹⁴ Тумшиц М.А. ВЧК. Война кланов. — М.: ЭКСМО, 2004. — С. 130.
- ¹⁵ Хенкин К. Охотник вверх ногами. — М.: Терра, 1991. — С. 41.
- ¹⁶ Петров П., Янсен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. — М.: РОССПЭН, 2008. — С. 234–235. Цитируемый документ датируется 23 января 1935 г.
- ¹⁷ Шрейгер М. Воспоминания... — С. 523.

- ¹⁸ Кокурин А.И., Петров Н.В. Лубянка. Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ 1917—1991. Справочник: — М.: МФД, 2003. — С. 60.
- ¹⁹ Шрейдер М.П.: НКВД изнутри... — С. 23.
- ²⁰ Стенограмма февральско-мартовского Пленума ЦК 1937 года. Утреннее заседание 3 марта. Цит. по: Вопросы истории. 1995. № 2. С. 14.
- ²¹ Там же. — С. 13.
- ²² Шрейдер М.П. Воспоминания... — С. 227.
- ²³ Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934—1941: Справочник. — М.: Звенья, 1999. — С. 328.
- ²⁴ Шрейдер М.П. Воспоминания... — С. 524.
- ²⁵ Жуковский В.С. Лубянская империя НКВД 1937—1939. — М.: Вече. — С. 45.
- ²⁶ Бесеговский Г.З. На путях к термидору. — М.: Современник, 1997. — С. 270—271.
- ²⁷ Об этом говорил, в частности, на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 г. нарком иностранных дел М. Литвинов (см. стенограмму Пленума — Вопросы истории, 1992, № 2—3).
- ²⁸ Козлов А.И. «Большой террор»: сущность и время // Relga. № 19 (121). 01.12.2005.
- ²⁹ Источник: Петров Н.В., Скоркин К.В. Указ. соч.
- ³⁰ Конквест Р. Большой террор // Нева. 1989. № 9—12. 1990. № 1—12. О рассматриваемом событии — Нева. 1990. № 2.
- ³¹ Орлов А.М. Тайная история... — С. 212—213.
- ³² Кривицкий В.Г. Я был агентом Сталина. — С. 182.
- ³³ Шрейдер М.П. НКВД изнутри... — С. 34.
- ³⁴ Цит. по: Соколов Б.В. Наркомы страха. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2001. — С. 18—20.
- ³⁵ Шрейдер М.П. Воспоминания... — С. 226.

- ³⁶ Яковенко М.М. Агнесса: Устные рассказы Агнессы Ивановны Мироновой-Король о ее юности, о счастье и горестях трех ее замужеств, об огромной любви к знаменитому сталинскому чекисту Сергею Наумовичу Миронову, о шикарных курортах, приемах в Кремле и... о тюрьмах, этапах, лагерях — о жизни, прожитой на качелях советской истории / Послесловие И. Щербаковой. — М.: Звенья, 1997. — С. 176.
- ³⁷ В 1949 году Камерный театр был закрыт за «эстетство и формализм». Театр реорганизовали, и с 1950 года он стал называться Московским драматическим театром им. А.С. Пушкина (Тверской бульв., д. 23).
- ³⁸ Орлов А.М. Тайная история... — С. 82.
- ³⁹ Протокол допроса Г.Г. Ягоды от 26 апреля 1937 г. - Место архивного хранения документа: ЦА ФСБ. Ф. Н-13614. Т. 2. Л. 57.
- ⁴⁰ Шрейдер М. Воспоминания... — С. 340.
- ⁴¹ Источник: Справка комиссии Президиума ЦК КПСС «О проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям, в измене родины, терроре и военном заговоре». Опубликовано: Военно-исторический архив. 1998. Вып. 2. С. 3—81. При дальнейших упоминаниях — Справка комиссии...
- ⁴² Агабеков Г. Секретный террор. — М.: Терра, 1998. — С. 5.
- ⁴³ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ / В сб.: Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. — М.: Инком-НВ, 1991. — Т. 5. — С. 155—156.
- ⁴⁴ Новак Л. Дача особого назначения // Итоги. № 44(230). 14 февраля 2002.
- ⁴⁵ Выступление Агранова на утреннем заседании 3 марта февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 17.
- ⁴⁶ Соколов Б.В. Наркомы страха. — С. 69—70.
- ⁴⁷ Шрейдер М.П. НКВД изнутри... — С. 12.

- 48 Шрейдер М. Воспоминания... — С. 536.
- 49 Головкова Л.А. Московские расстрелы // Право и милосердие. 2003. № 7(17).
- 50 На сегодняшний день здание клуба НКВД, где производились расстрелы в «тире», сохранилось. Его адрес: г. Москва, ул. Б. Лубянка, д. 13. Там находятся Культурный центр МВД РФ, рестораны «Щит и меч» и «Майор Пронин».
- 51 Имеется в виду заместитель Слуцкого Борис Берман.
- 52 Орлов А.М. Тайная история... — С. 141.
- 53 Цит. по: *Калчинский О.* Госбезопасность изнутри. Национальный и социальный состав. — М.: Яуза, ЭКСМО, 2005. — С. 307.
- 54 Опубликовано: *Сигоров Д.А.* В Бутырской тюрьме / В сб.: Россия забытая и неизвестная. Белое движение. Т. 4: Сопротивление большевизму. 1917–1918 гг. — М.: Центрполиграф, 2001.
- 55 Шрейдер М. Воспоминания... — С. 278.
- 56 Там же. — С. 572.
- 57 Там же. — С. 323.
- 58 *Бажанов Б.Г.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. — М.: СП «Софинта», ИРЦ «Инфодизайн», 1990. — С. 217.
- 59 См., например, Список сбежавших белогвардейцев и изменников революции, разыскиваемых Центр. Фронтальной Чрезвычайной комиссией // Красный террор. Еженедельник Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией на чехословацком фронте. 1 ноября 1918 года. № 1.
- 60 *Александров К.* Несостоявшийся десант. Дело военных на фоне сплошной коллективизации // Новое время. 7 августа 2005. № 31.
- 61 *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. — М.: Воениздат, 1988. — С. 207–209, 259–262.

- 62 Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930—1931 годы. — М.: Московский общественный научный фонд, 2000. — С. 5.
- 63 Хаиров А. Конец политических попутчиков, или «Никто не забыт, и вас не забудут» // Власть, бизнес, политика. № 01(55), 2004.
- 64 Шрейдер М.П. НКВД изнутри... — С. 13—14.
- 65 Кохурин А.И., Петров Н.В. Лубянка. Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ 1917—1991. Справочник. — С. 52.
- 66 Там же. — С. 55.
- 67 Там же. — С. 58.
- 68 Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. — М.: ТЕРРА, 1991. — С. 318.
- 69 Павлюков А.Е. Ежов. Биография. — М.: Захаров, 2007. — С. 418—419.
- 70 Полянский А. Ежов. История «железного» наркомма. — М.: ВЕЧЕ, 2003. — С. 108.
- 71 Орлов А.М. Тайная история... — С. 326—327.
- 72 Источник: Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД.
- 73 Орлов А.М. Указ. соч. — С. 120.
- 74 Жуков Ю.Н. Тайны «Кремлевского дела» 1935 года и судьба Авеля Енукидзе // Вопросы истории. 2000. № 9. — С. 83—113.
- 75 Шрейдер М. Воспоминания... — С. 588.
- 76 Из шифрограммы Сталина в Политбюро от 7 сентября 1935 г. Опубликовано: Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 255.
- 77 Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива / Сост. Ю.Г.Мурин. — Берлин, Чикаго, Токио, Москва: Родина, 1993. — С. 174—175.
- 78 Там же. — С. 176—177.

- 79 Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1994. № 12. — С. 14–15.
- 80 Там же. — С. 367–368.
- 81 Там же. — С. 142.
- 82 Суворов В. Очищение: Зачем Сталин обезглавил свою армию? — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — С. 65.
- 83 Там же. — С. 250.
- 84 Бажанов Б.Г. Воспоминания бывшего секретаря Сталина... — С. 210–211.
- 85 Хаустов В.Н. Из предыстории массовых репрессий против поляков. Середина 1930-х гг. / В сб.: Репрессии против поляков и польских граждан. — М.: Звенья, 1997.
- 86 Стенограмма февральско-мартовского 1937 года Пленума ЦК ВКП(б). Утреннее заседание 3 марта.
- 87 Ильинский М. Нарком Ягода. — С. 384–386.
- 88 Орлов А.М. Тайная история... — С. 71–72.
- 89 Там же. — С. 115.
- 90 Кривицкий В. Я был агентом Сталина. — С. 215.
- 91 Орлов А.М. Указ. соч. — С. 85.
- 92 Там же. — С. 93.
- 93 Ильин А.С. Кадровая революция 1937 года // В сб.: Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края. Красноярск: Издательские проекты, 2004. Кн.1
- 94 Орлов А.М. Указ. соч. — С. 87.
- 95 Тумшис М. Георгий Молчанов: портрет в полумраке // В кн.: ВЧК. Война кланов. — М.: Эксмо, Яуза, 2004.
- 96 Тумшис М. Указ. соч. — С. 125.
- 97 Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. Сб. документов. — М.: Политиздат, 1991. — С. 178.
- 98 Там же. — С. 178.
- 99 Там же. — С. 179.

- ¹⁰⁰ Датировка предположительна, однако она в данном случае не столь существенна. Если даже людям Агранова удалось получить какие-то показания раньше Молчанова, то все равно он, как руководитель следствия, воспользовался плодами их рук.
- ¹⁰¹ Орлов А.М. Тайная история... — С. 82–84.
- ¹⁰² Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1994. № 12. — С. 18.
- ¹⁰³ Там же. — С. 216.
- ¹⁰⁴ Орлов А. Указ. соч. — С. 312.
- ¹⁰⁵ Гумшиц М. ВЧК. Война кланов. — С. 130.
- ¹⁰⁶ Орлов А.М. Указ. соч. — С. 77–78.
- ¹⁰⁷ Там же. — С. 80.
- ¹⁰⁸ На приеме у Сталина. Тетради записи лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник / Под ред. А.А. Чернобаева. — М.: «Новый хронограф», 2008. — С. 189.
- ¹⁰⁹ Орлов А. Указ. соч. — С. 114.
- ¹¹⁰ Троцкий Л. По столбцам «Правды»/ Бюллетень оппозиции. 1936. № 50.
- ¹¹¹ Орлов А. Указ. соч. — С. 156–157.
- ¹¹² Залесский К.А. Империя Сталина. Библиографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000. — С. 324.
- ¹¹³ Реабилитация... — С. 186.
- ¹¹⁴ Роговин В.З. 1937. — М.: Москва, 1996. — С. 42–46.
- ¹¹⁵ По сведениям Мартиролога Красноярского общества «Мемориал».
- ¹¹⁶ Подробнее о «деле академика Н.Н. Лузина» см. в кн.: Дело академика Николая Николаевича Лузина. — СПб.: Изд-во РХГИ, 1999.
- А также: Токарина Т. А., Вологарский А.И. Дело академика Н.Н. Лузина и советская пресса (июль — август, 1936 г.) // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 1999. — М.: «Янус-К», 1999.

- 117 Горький М. По Союзу Советов // Наши достижения. 1929. № 2. — С. 30–31.
- 118 Там же. — С. 18.
- 119 Ефремов А. Рыбинск потерял шанс стать Ягодой 65 лет назад // Интернет-сайт «Волгарь. Летопись Ярославского Поволжья». Адрес публикации: <http://yag-volgar.narod.ru/yagoda.html>.
- 120 Ильинский М. Нарком Ягода. — С. 313–314.
- 121 Список «Мемориала». Интервью с Н. Петровым / Знание — сила. 2002. № 7.
- 122 Рыбин А.Т. Сталин и органы ОГПУ. Выходные данные в брошюре не указаны. — С. 4.
- 123 Источник: общество «Мемориал» Архив Президента Российской Федерации. Сталинские расстрельные списки. Место архивного хранения документа: АП РФ, оп 24, дело 412, лист 78.
- 124 Исключение позднее сделали для Бухарина: Сталину нравилось получать его жалобные покаянные письма.
- 125 Бурман, фон Василий. Леонид Федоров. Жизнь и деятельность. Львов, 1993. Ч. VI.
- 126 Круликаускене Н. Я поведу тебя в музей // Богородские вести. 8 апреля 2004. № 38.
- 127 Горшков В.В. Мне подарили мою жизнь // В кн.: Поживши в ГУЛАГе: Сб. воспоминаний / Сост. А.И. Солженицын. — М.: Рус. путь, 2001. — С. 277.
- 128 Агабеков Г. Секретный террор. — С. 251.
- 129 Стенограмма февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. Утреннее заседание 3 марта (выступление Заковского).
- 130 Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД... — С. 227.
- 131 Шрейдер М.П. НКВД изнутри... — С. 23–24.
- 132 Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности... — С. 194.
- 133 Там же.
- 134 Агабеков Г. Указ. соч. — С. 144.

- 135 Яковенко М.М. Агнесса. — С. 55.
- 136 Ильинский М. Указ. соч. — С. 498.
- 137 Яковенко М.М. Агнесса. — С. 83–84, 93.
- 138 Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1994. № 12. — С. 18.
- 139 Вопросы истории. 1993. № 6. — С. 28.
- 140 Об этом распоряжении упомянул Ежов на февральско-мартовском Пленуме 1937 г. (Вопросы истории. 1995. № 2. С. 15).
- 141 Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности... — С. 578–602.
- 142 Кто руководил НКВД... — С. 360–361.
- 143 Ильинский М.М. Нарком Ягода. — С. 499.
- 144 Там же. — С. 712.
- 145 Об отказе в медицинской помощи Зиновьеву объявил начальник Санчасти НКВД доктор Кушнер Михаил Григорьевич, имевший звания корвоенврача (что соответствовало званию комиссара госбезопасности 3 ранга) и Почетного работника ВЧК-ГПУ. Здесь уместно сказать несколько слов о предшествующем и последующем жизненном пути этого человека. Высшее медицинское образование он получил еще до революции. Знавший его Шрейдер характеризует как «строгого, но доброго и внимательного врача». Перешагнув тридцатилетний рубеж, примкнул к социал-демократическому революционному движению. В сентябре 1918 г. поступил на службу в ВЧК, а в декабре того же года оказался в Высшей военной инспекции, заместителем председателя которой являлся Г.Г. Ягода. В начале 1921 г. Ягода, уже будучи Управделами ВЧК, добился перевода Кушнера на должность начальника Санчасти ВЧК. Во время партийной чистки осенью 1921 г. Кушнер был исключен из партии «как балласт» (так называли членов партии, которые не вели активной партийной работы), однако благодаря заступничеству Ягоды сохранил должность (Источник: О. Калчинский. Госбезо-

пасность изнутри. Национальный и социальный состав. — М.: Язуза, ЭКСМО, 2005. — С. 227–228). В дальнейшем преданно служил тюремному ведомству. Весною 1923 г. две осужденные эсерки, Евгения Ратнер и Екатерина Иванова-Иранова, объявили голодовку в знак протеста против невыносимых условий содержания. Им попытались провести психиатрическое освидетельствование на предмет объяснения их голодовки наличием у них «болезненного влечения к смерти». Поскольку обе голодающие арестантки, едва догадавшись о цели освидетельствования — признания их сумасшедшими, — отказались от его дальнейшего прохождения, Кушнер предложил им подписать акт об этом, вписав в него, что арестантки отказываются не только от психиатрического освидетельствования, но и «равно от всякой медицинской помощи» (Источник: *Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства.* — М.: РОССПЭН, 2005 — С. 543. Место архивного хранения документа: ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 61. Л.11). Между прочим, режим содержания заключенных эсеров по этому делу согласовывался с членами Политбюро, включая того же Г.Е. Зиновьева. В ночь с 7 на 8 мая 1925 г. Кушнер лично освидетельствовал тело Б. Савинкова, которого по одной из версий четыре чекиста выбросили из окна во внутренний двор главного здания ОГПУ, инсценировав самоубийство. Разумеется, при этом Кушнер не обнаружил никаких следов борьбы на теле. По свидетельству Фельдбина-Орлова, когда физические страдания арестованного Зиновьева становились совершенно невыносимыми, «Кушнер... выписывал Зиновьеву какое-то лекарство, от которого тому становилось еще хуже» (А.М. Орлов. Указ. соч. — С. 130). Вскоре после этого Кушнера арестовали как ягодовца. По Шрейдеру, «его били и пытали, требуя показаний о шпионской деятельности совместно с Ягодой и его сподвижниками. Самым тяжелым и оскорбительным для Кушнера, по его же словам, было

хамское отношение к заключенным и к нему самому медицинского персонала... Когда во время избиений с Кушнером стало дурно, в кабинет к следователю вызвали его бывшего подчиненного, фельдшера внутренней тюрьмы. Посмотрев на Кушнера, он ледяным тоном произнес: «Ничего серьезного нет, можно продолжать допрос», — повернулся и ушел». 7 сентября 1938 г. Кушнер расстрелян по приговору ВКВС как «шпион и враг народа».

- 146 Орлов А. Тайная история... — С. 133–136.
- 147 Протоколы допросов Рейнгольда, Зиновьева и Каменева датированы по Закрытому письму ЦК ВКП(б) от 29.07.1936 «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского террористического блока» (Известия ЦК КПСС. 1989. № 8).
- 148 Вопросы истории. 1994. № 12. — С. 27.
- 149 На приеме у Сталина... — С. 190.
- 150 Там же. — С. 191.
- 151 В 1938 г. обоих расстреляют.
- 152 Ежов жаловался на это Пленуму ЦК (см. стенограмму: Вопросы истории. 1995. № 2. С. 17).
- 153 Павлюков А.Е. Ежов. — С. 269.
- 154 Там же. — С. 270–271.
- 155 Подсудимые и их поведение на суде //Бюллетень оппозиции. 1936. № 52–53.
- 156 Орлов А. Указ. соч. — С. 161.
- 157 Там же. — С. 165–168.
- 158 Место архивного хранения документа: АП РФ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 6. Л. 10–13.
- 159 Шрейдер М.П. НКВД изнутри... — С. 8.
- 160 Шрейдер М. Воспоминания... — С. 662.
- 161 Там же. — С. 323.
- 162 Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности... — С. 589.
- 163 Тумшис М. ВЧК. Война кланов. — С. 515.

- 164 *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД... — С. 281.
- 165 *Пятаков Ю.* Беспощадно уничтожать презренных убийц и предателей // Правда. 1936. 21 августа. *Радек К.* Троцкистско-зиновьевская фашистская банда и ее гетман — Троцкий // Известия. 1936. 21 августа.
- 166 *Мозохин О., Гладков Т.* Менжинский. Интеллигент с Лубянки. — М.: Яуза, ЭКСМО, 2005. — С. 279. Место архивного хранения документа — АПРФ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 88. Л. 4.
- 167 *Соколов Б.В.* Наркомы страха... — С. 58–59.
- 168 *Кривицкий В.* Я был агентом Сталина. — С. 213.
- 169 *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» — Николай Ежов. — С. 30.
- 170 *Соколов Б.В.* Указ. соч. — С. 196.
- 171 Письмо Ежова Сталину от 9.09.1936. РГАСПИ. Ф. 558. Оп 11. Д. 729. Л. 83–84 Цит. по: *Петров Н., Янсен М.* Указ. соч. — С. 249–252 (далее — Письмо Ежова...)
- 172 *Ильинский М.М.* Нарком Ягода. — С. 515.
- 173 Письмо Кагановича Сталину от 14.09.1936. Место архивного хранения документа: Ф. 558. Оп. 11. Д. 743. Л. 56–63.
- 174 Письмо Ежова...
- 175 Документ опубликован: *Павлюков А.Е.* Ежов. — С. 209.
- 176 *Шрейдер М.* Воспоминания... — С. 721.
- 177 Место архивного хранения документа: ЦА ФСБ. Ф. Н-13614. Т. 2. Л. 117–145.
- 178 *Капчинский О.* Госбезопасность изнутри... — С. 214.
- 179 *Орлов А.* Тайная история. — С. 196.
- 180 *Соколов Б.В.* Наркомы страха... — С. 61.
- 181 *Ильинский М.* Указ. соч. — С. 516. Место архивного хранения документа: ЦА ФСБ. АСД Фриновского Н-15301. Т. 13. Л.1–27.
- 182 *Суворов В.* Святое дело. — М.: АСТ, 2008. — С. 73.
- 183 *Кривицкий В.* Указ. соч. — С. 132–134.

- 184 Место архивного хранения документа: АП РФ. Ф.3. Оп.62. Д.46. Л.17 Цит. по: *Петров Н., Янсен М.* Указ. соч. — С. 66–67.
- 185 Справка управления КГБ по Ленинградской области от 10.03.89 г. № 10/28–456, присланной по запросу Главной астрономической обсерватории СССР. Канцелярия ГАО, вх. № 36 от 17.03.89 г.
- 186 *Жганов Ю.А.* Во мгле противоречий // Вопросы философии. 1993. № 7, С. 65–92.
- 187 *Жирнов Е.* Усердное ничтожество/ Коммерсантъ-Власть. № 26(428). 03.07.2001.
- 188 Лубянка. Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ 1917–1991. Справочник: — М.: МФД, 2003. — С. 567–569.
- 189 *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996.
- 190 *Шрейдер М.* Воспоминания... — С. 776.
- 191 Л.М. Каганович — Г.К. Орджоникидзе. 30 сентября 1936 г. / В сб.: Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М.: «АИРО-XX», 1995. — С. 148.
- 192 *Ильинский М.* Указ. соч. — С. 187.
- 193 Сталинские депортации. 1928–1953. Сб. документов / Под ред. А.Н. Яковлева. — М.: МФД, Материк. — С. 66–67.
- 194 Стенограмма Бухаринско-троцкистского процесса. Вечернее заседание 8 марта.
- 195 Точнее, в данном постановлении было сказано: «...необходима расправа с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами, охватывающая не только арестованных, следствие по делу которых уже закончено, и не только подследственных вроде Муралова, Пятакова, Белобородова и других, дела которых еще не закончены, но и тех, которые были раньше высланы» (публикация в сб.: Реабилитация. Политические процессы... — С. 221).

- ¹⁹⁶ Прокофьева С. Е. Годы 1936—38 // В кн.: Уроки гнева и любви: Сб. воспоминаний о годах репрессий (1918 год — 80-е годы) / Сост. Т. В. Тигонен. — СПб., 1994. — Вып. 7. — С. 38.
- ¹⁹⁷ Ларина А.М. (Бухарина). Незабываемое. — М.: Изд-во АПН, 1989. — С. 66.
- ¹⁹⁸ С 1 сентября 1931 по 26 июня 1940 г. в СССР действовала шестидневная неделя с одним днем отдыха, приходящимся на 6, 12, 18, 24 и 30-е число каждого месяца (31-е число рассматривалось как дополнительный рабочий день).
- ¹⁹⁹ Эти сведения приводит историк А.Г. Тепляков в книге: Машина террора. ОГПУ-НКВД в Сибири в 1929—1941 гг. — М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008.
- ²⁰⁰ Место архивного хранения приказа Ежова о вступлении в должность: ГАРФ. Ф. 9401. Оп.12. Д.275. Т. 1. Л.д.1. Относительно занятого им кабинета № 410 — Оп.1а. Д.15. Л.д.242. Опубликовано: Петров Н., Янсен М. Указ. соч. — С. 67.
- ²⁰¹ Соколов Б.В. Наркомы страха... — С. 63.
- ²⁰² Место архивного хранения документа: АП РФ, оп.24, дело 413, лист 373.
- ²⁰³ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности... — С. 434.
- ²⁰⁴ Богомолова В., Жиляев В. Покушения на Сталина оказались мифом / Российские вести. 2007. 28 февраля — 7 марта. № 7(1857).
- ²⁰⁵ Столяров К.А. Палачи и жертвы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997. — С. 292.
- ²⁰⁶ Паукер впоследствии показал: «Ягода позвонил Власику и просил его спросить разрешения Сталина его посетить. Я испугался убийства Сталина и сказал Власику, чтобы он просил Сталина воздержаться от приема Ягоды. Власик так и поступил, и Ягода не смог убить Сталина» (цит. по: Петров Н., Янсен М. Указ. соч. — С. 307).

- 207 Убийство Кирова // Бюллетень оппозиции. № 52 – 53. Октябрь 1936.
- 208 Шрейдер М. Воспоминания... — С. 700.
- 209 Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности... — С. 199.
- 210 Шрейдер М. Воспоминания... — С. 725.
- 211 Там же. — С. 706.
- 212 Там же. — С. 664.
- 213 Полянский А. Ежов. История... — С. 287.
- 214 Стенограмма февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. Утреннее заседание 3 марта.
- 215 Реабилитация... — С. 223.
- 216 Жуковский В.С. Лубянская империя НКВД... — С. 44.
- 217 Шрейдер М.П. НКВД изнутри... — С. 22–23.
- 218 Шрейдер М. Воспоминания... — С. 527.
- 219 Жуковская Е.Г. Я — СОЭ // В кн.: ...Иметь силу помнить: Рассказы тех, кто прошел ад репрессий / Сост. Л.М. Гурвич. — М.: Моск. рабочий, 1991. — С. 264.
- 220 Жуковский В.С. Указ. соч. — С. 46.
- 221 Яковенко М.М. Агнесса. — С. 81.
- 222 Полянский А. Указ. соч. — С. 288.
- 223 Ильинский М. Нарком Ягода. — С. 190.
- 224 Тумшис М. ВЧК. Война кланов. — С. 130.
- 225 Роговин В.З. 1937. — С. 401.
- 226 Тумшис М. Указ. соч. — С. 526.
- 227 Шрейдер М. Воспоминания... — С. 517а.
- 228 «Петроградская правда». 1921. 1 сентября. Сообщение ВЧК «О раскрытом в Петрограде заговоре против Советской власти».
- 229 Возможно, это тот Попов, комендант Внутренней тюрьмы ВЧК, который любил присутствовать при расстрелах, пока однажды озверевший исполнитель смертных приговоров Петр Магго, приняв его за осужденного, не ринулся на него с криком: «Раздевайся,

такой-сякой!» По словам очевидца: «Глаза, налитые кровью, весь ужасный, обрызганный кровью и кусочками мозга, Магго был совсем невменяем и ужасен... Попов струсил, бросился бежать, поднялась свалка и только счастье, что своевременно подбежали другие чекисты и окружили Магго» (*Мельгунов С.П. Красный террор в России: 1918 – 1923. Изд. 4-е. Нью-Йорк, 1989. — С. 222*). Попов позднее возглавил Тюремный отдел НКВД (в составе АХУ НКВД, возглавляемого Островским), после смещения Ягоды получил понижение, оставшись начальником Бутырского следственного изолятора. Позднее его расстреляли. Магго спился и в приступе «белой горячки» покончил с собой.

- 230 *Таганцев Н.С. Дневник 1920 – 1921 гг. / Публ. К.В. Таганцева; подгот. текста Н.Б. Орловой-Вальской; коммент. В.Ю. Черняева // Звезда. 1998. № 9. С. 130 – 157.*
- 231 Декрет ВЦИК от 16 сентября 1918 г., учредивший этот первый советский орден, предписывал награждать им исключительно за «особую храбрость и мужество при непосредственной боевой деятельности». За достижения в мирной жизни награждали орденом Трудового Красного Знамени, учрежденным лишь в 1928 году (*Собрание законодательства СССР. 1928. № 59. ст. 523*).
- 232 Следователь по делу поэта Гумилева.
- 233 Этот, с позволения сказать, следственный прием Сосновского получил название «допрос на яме» и нашел немало приверженцев, применявших его и после казни Сосновского (*Павлюков А. Ежов. — С. 357*).
- 234 Подробнее об этом см.: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953. Сост.: Артизов А. и Наумов О. М.: Международный фонд «Демократия», 2002. — С. 201.
- 235 Чаянов А.В., Петриков А.В. в следствии ОГПУ по делу Трудовой крестьянской партии (1930–1932 гг.) // *Сельский мир: Альманах. 1998. № 2. — М.: Энциклопедия российских деревень, 1998. — С. 4–146. На грязной*

совести Агранова трагические судьбы и других выдающихся ученых: патриарха математической науки, президента Московского математического общества академика Д.Ф. Егорова, выдающегося философа А.Ф. Лосева и мн. др., ставших жертвами сфабрикованных им политических «дел».

- 236 Мельгунов С. П. Красный террор в России: 1918—1923. — С. 141.
- 237 Кто руководил НКВД... — С. 390.
- 238 Полянский А. Ежов. История... — С. 114.
- 239 Ильинский М. Нарком Ягода. — С. 168.
- 240 Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности... — С. 199.
- 241 Шрейдер М.П. НКВД изнутри... — С. 37.
- 242 Палчинский А., Тумшис М. Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. — М.: Современник, 2001. — С. 167.
- 243 Гинзбург Е.С. Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. — Рига: Творч. фотостудия Союза журналистов ЛССР, 1989. — Т. 1. — С. 125—126. Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. — С. 138—139.
- 244 Рудин В., Ягунов Ф. Кемеровское дело // Альманах «Красная горка». Кемерово. Вып. 5.
- 245 Орлов А. Тайная история... — С. 173—174.
- 246 Процесс антисоветского троцкистского центра (23—30 января 1937 года). — М.: НКЮ Союза ССР, Юридическое издательство, 1937. — С. 213.
- 247 Опубликовано: Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925—1936 гг. — М.: Россия молодая, 1995. — С. 216—217. Место архивного хранения документа: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388.
- 248 «Вперед», 17(4) апреля 1918 г. № 65 (311).
- 249 Место архивного хранения документа: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 94. Л. 31.
- 250 Иосиф Сталин в объятиях семьи. С. 187—188, 191.

- 251 *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» — Николай Ежов. — С. 139.
- 252 Кто руководил НКВД... — С. 260.
- 253 Доклад Народного Комиссара Внутренних Дел СССР тов. Н.И. Ежова на совещании народных комиссаров внутренних дел республик, начальников краевых и областных управлений и руководящих работников центрального аппарата НКВД СССР. 3 декабря 1936 г. Место архивного хранения документа: ЦА ФСБ. Ф. 3-ос. Оп. 4. Д. 6. Л.д. 1—61 (в копии). Опубликовано: *Петров Н., Янсен М.* Указ. соч. — С. 252—289.
- 254 *Ильинский М.* Указ. соч. — С. 165.
- 255 Стенограмма декабрьского 1936 года Пленума ЦК ВКП(б). Цит. по: Вопросы истории. 1995. № 1. С. 18—19.
- 256 *Тумшиц М.* ВЧК. Война кланов. — С. 123.
- 257 *Гарасева А.М.* Я жила в самой бесчеловечной стране...: Воспоминания анархистки / Лит. запись, вступ. ст., коммент, и указ. А.Л. Никитина. — М.: Интерграф Сервис, 1997. — С. 134, 152.
- 258 *Гинзбург Е.* Крутой маршрут. — С. 126.
- 259 Место архивного хранения этого списка: АП РФ, оп. 24, д. 409, л. 7.
- 260 Место архивного хранения документа: ЦА ФСБ. Д. Н-15301. Т. 2. Л.д. 35.
- 261 *Петров Н., Янсен М.* Указ. соч. — С. 221—222.
- 262 Ягода и Прокофьев были введены в эту Комиссию 16 января 1933 г. (Источник: Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. Сост.: Хлевнюк О.В., Квашонкин А.В., Кошелева Л.П., Роговая Л.А. — М.: Каиро-ХХ, 1995. — С. 58).
- 263 Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности... — С. 55, 60—61.
- 264 *Полянский А.* Ежов. История... — С. 222.
- 265 Вопросы истории. 1994. № 12. С. 14.

- 266 Цит. по: Жуков Ю.Н. Тайны «Кремлевского дела». — С. 236. Место архивного хранения документа: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2 Д. 572. Л.д. 38.
- 267 Место архивного хранения документа: РГАСПИ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 710. Л.д. 179.
- 268 Вопросы истории. 1995. № 12. С. 11, 19.
- 269 Подробнее об этом: Волков А.Г. Перепись населения 1937 года: вымыслы и правда/ В сб.: Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы /Экспресс-информация. Серия «История статистики». Выпуск 3–5 (часть II). 1990. — С. 6–63.
- 270 Иоффе Э. Две короткие биографии // Советская Белоруссия. 15 августа 2007.
- 271 Жуков Ю.Н. Указ. соч. — С. 326.
- 272 Стенограмма февральско-мартовского Пленума ВКП(б) // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 27.
- 273 Залесский К.А. Указ. соч. — С. 327.
- 274 Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД 1934–1941. Справочник. — С. 307.
- 275 Кривицкий В. Я был агентом Сталина. — С. 179.
- 276 Тумшис М. ВЧК. Война кланов. — С. 77.
- 277 Там же. — С. 96.
- 278 Папчинский А., Тумшис М. Щит, расколотый мечом... — С. 125.
- 279 Нева. 1990. № 4. С. 139.
- 280 Цит. по: Залесский К.А. Указ. соч. — С. 487.
- 281 Вопросы истории. 1994. № 12. С. 28.
- 282 Тепляков А.Г. Опричники Сталина. — М.: Яуза, ЭКСМО, 2009. — С. 128.
- 283 Более двух третей участников этого пленума, голосовавших за резолюцию, в ближайшие месяцы были арестованы и затем казнены как «враги народа».
- 284 Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности... — С. 112–113.
- 285 Шрейдер М. НКВД изнутри... — С. 36.

- 286 Залесский К.А. Указ. соч. — С. 15.
- 287 Кто руководил НКВД... — С. 83.
- 288 Березков В.И. Питерские прокураторы: Русско-Балтийский информационный центр. — СПб., 1998. — С. 100.
- 289 Тумшис М. ВЧК. Война кланов. — С. 117.
- 290 Когда расстреливали прокуроров. Воспоминания Главного военного прокурора генерал-лейтенанта юстиции Афанасьева Н.П. / В сб.: Фронт военных прокуроров. Сост.: Ушаков С. Ю., Стукалов А.А. — М.: ОО «СЫНОВЬЯ», 2000. — С. 62.
- 291 Дубинин Н. История скрипача Жалейки // Урал. 1988. № 8.
- 292 Кокурин А.И., Петров Н.В. Лубянка. Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ 1917—1991: Справочник. — С. 569—582.
- 293 Протокол допроса Ягоды от 02.04.37. Место архивного хранения документа: ЦА ФСБ. Ф. Н-13614. Т. 2. Л. 21, 40—56.
- 294 Полянский А. Ежов. История... — С. 114—115.
- 295 Кривицкий В. Я был агентом Сталина. — С. 181—182.
- 296 Реабилитация... — С. 178, 180.
- 297 Папчинский А., Тумшис М. Щит, расколотый мечом. — С. 63.
- 298 Жуков Ю.Н. Иной Сталин. — М.: ВАГРИУС, 2008. — С. 371.
- 299 А. Павлюков. Ежов. — С. 538.
- 300 Спецсообщение Л.П. Берии И.В. Сталину о Н.И. Ежове от 30 января 1939 г. № 471/6. Место архивного хранения документа: АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 372. Л. 112—115.
- 301 Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности... — С. 611—612.
- 302 Тумшис М. Указ. соч. — С. 133.
- 303 Шрейдер М. НКВД изнутри... — С. 36.

- 304 Там же. — С. 36–37. Фельдман был арестован через три недели после ареста Молчанова.
- 305 Палчинский А., Тумшиц М. Указ. соч. — С. 330.
- 306 «Григорий Филиппович» — отец Ягоды (Гирш Фишелевич Йегуда), Леонид Авербах — его тесть, Леопольд Авербах — шурин (брат жены; в следующей части текста Леопольда путают с Леонидом), Роза, Эсфирь и Таиса — сестры Ягоды. Фридлянд — предположительно, М.Е. Кольцов-Фридлянд, выдающийся журналист, создатель журналов «Огонек» и «Крокодил», член редколлегии «Правды».
- 307 Полный текст справки см.: Ильинский. М. Нарком Ягода. — С. 503–504.
- 308 Бажанов Б.Г. Сталин с близкого расстояния. — С. 175. Цитируемая им фраза принадлежит троцкисту Мрачковскому.
- 309 Шрейдер М.П. НКВД изнутри... — С. 39.
- 310 Кривицкий В. Я был агентом Сталина. — С. 186.
- 311 Шрейдер М.П. НКВД изнутри... — С. 164, 168.
- 312 Там же. — С. 156–157.
- 313 Пятницкая Ю.И. Дневник жены большевика. Venson: Chalidze, 1987. — С. 163.
- 314 Справка комиссии...
- 315 М.П. Шрейдер. НКВД изнутри... — С. 24.
- 316 Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности... — С. 124.
- 317 Местонахождение цитируемых архивных документов на момент публикации: РЦХИДНИ (ныне РГАСПИ). Ф. 17 оп. 2, д. 614, л. 103, 104. Цит. по: Роговин В.З. 1937. — С. 411.
- 318 Там же. — С. 126.
- 319 Соколов Б. В. Наркомы страха... — С. 71.
- 320 Орлов А. Тайная история... — С. 250–251.
- 321 Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... — С. 127–130.

- 322 Возможно, здесь намек на строки из юношеского стихотворения Сталина «Эристави»:
- «Сердца, превращенные в камень,
Заставить биться сумел,
У многих будил он разум,
Дремавший в глубокой тьме».
- 323 Шрейдер М.П. НКВД изнутри... — С. 38.
- 324 Кто руководил НКВД... — С. 301.
- 325 Там же. — С. 299.
- 326 Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности... — С. 639.
- 327 Палчинский А., Тумшис М. Щит, расколотый мечом. — С. 223.
- 328 Шрейдер М.П. НКВД изнутри... — С. 132–143.
- 329 Сведения о месте проживания Авиновицкого, а также сотрудников НКВД Заковского и Саволайнена приведены по архивным данным, опубликованным на интернет-ресурсе «Расстрелы в Москве» (<http://mos.memo.ru/>).
- 330 Шрейдер М.П. НКВД изнутри... — С. 12.
- 331 События, связанные с «делом об отравлении Ежова», воссозданы по документам, опубликованным в следующих источниках: Афанасьев Н.П. Когда расстреливали прокуроров. — С. 66; Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. — С. 75–77; Павлюков А.Е. Ежов. — С. 398–401.
- 332 Цитата смягчена.
- 333 Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности... — С. 600.
- 334 Яковенко М.М. Агнесса. — С. 102–103.
- 335 Справка работников Прокуратуры СССР и следственного отдела КГБ СССР по поводу записки А.А. Яковлева «Некоторые соображения по итогам изучения обстоятельств убийства С. М. Кирова» 14 июня 1990 г. (далее — Справка Прокуратуры и КГБ СССР).

- 336 Цит. по: *Петров Н., Янсен М.* Указ. соч. — С. 155–156.
Место архивного хранения документа: АП РФ. Ф. 3.
Оп. 24. Д. 456. Л. 95.
- 337 *Прокофьева С.Е.* Годы 1936–38. — С. 39.
- 338 Кто руководил НКВД... — С. 441.
- 339 *Яковенко М.М.* Указ. соч. — С. 90.
- 340 *Тумшиц М.* ВЧК. Война кланов. — С. 113.
- 341 Там же. — С. 100.
- 342 *Тепляков А.* Опричники Сталина. — М.: Яуза, ЭКСМО, 2009. — С. 22
- 343 *Кривицкий В.Г.* Я был агентом Сталина. — С. 191.
- 344 Там же. — С. 185.
- 345 Возможно, этот Уманский — родственник того Уманского, который доводился родным дядей Михаилу Горбу.
- 346 *Шрейдер М.* Воспоминания... — С. 721.
- 347 *Бобринев В.А.* За отсутствием состава преступления. — М.: «Олимп»; Аст, 1998. — С. 38–46.
- 348 *Прокофьева С.Е.* Годы 1936–38. — С. 39.
- 349 Справка комиссии... (из показаний Залпетера от 10.02.1939).
- 350 *Ларина А.М. (Бухарина).* Незабываемое. — С. 66.
- 351 Там же. — С. 41.
- 352 *Шрейдер М.* Воспоминания... — С. 369–370.
- 353 Точнее его должность называлась помощник начальника Оперода.
- 354 *Орлов А.* Тайная история... — С. 123, 214.
- 355 М. Шрейдер (Воспоминания... — С. 312) пишет, что в 20-е годы Л. Черток проживал в ведомственном доме сотрудников ОГПУ в Варсонофьевском переулке, д.4. Судя по высоте этажа, Черток в 1928 г. или позже получил квартиру в одном из высотных 15-этажных домов между Большой и Малой Лубянской, которые построены на месте снесенной Третьей Московской гимназии.

- 356 Имеется в виду начальник одного из отделений ИНО ГУГБ капитан госбезопасности Ф.А. Гурский.
- 357 Жилые дома чекистов — Варсонофьевский пер., д. 4 и 7, ул. Рождественка, д. 10 и 12.
- 358 Орлов А. Тайная история... — С. 214.
- 359 Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сборник документов. — М.: УРСС, 1995. — С. 55.
- 360 Орлов А. Тайная история... — С. 325.
- 361 Там же. — С. 327, 332–334.
- 362 Рыбин А.Т. Сталин и органы ОГПУ. — С. 4.
- 363 К.В. Паукер был совершенно лыс, как и упомянутый литературный персонаж Я. Гашека.
- 364 Щуплов А. И дольше века длится день... // Независимая газета. 30.09.2000.
- 365 Яковенко М.М. Агнесса. — С. 91.
- 366 Там же.
- 367 Шрейдер М.П. НКВД изнутри... — С. 35.
- 368 Соколов Б.В. Наркомы страха... — С. 79.
- 369 Цит. по публикации: Соколов Б.В. Указ. соч. — С. 76–78. Местонахождение цитируемого архивного документа: ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 318. Л. 113–114.
- 370 Ларина А. М. Незабываемое. — С. 71.
- 371 Справка Прокуратуры и КГБ СССР (см. ранее).
- 372 Захаров А. Загадки дела Тухачевского // Красная звезда. 3 июня 2003.
- 373 Следует упомянуть, что Джунковский и ранее, еще будучи шефом царской охранки, оказывал немалые услуги революционным партиям. Применительно к большевикам достаточно упомянуть разоблачение Джунковским связи Романа Малиновского — члена ЦК и Председателя фракции большевиков в Государственной Думе — с охранкой, чьим агентом тот являлся. После революции осенью 1918 г. Малиновского расстреляли. Но и сам Джунковский не избежал

той же участи: его расстреляли двадцатью годами позже (подробнее об этом см.: Колоколов Б. Дилетант в голубом мундире, или «Третий путь» генерала Джунковского // Красная звезда. 25 апреля 2007).

- 374 Папчинский А., Тумшис М. Щит, расколотый мечом... — С. 283.
- 375 Справка комиссии...
- 376 Кто руководил НКВД... — С. 319.
- 377 Бережков В.И. Питерские прокураторы. — СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1998. — С. 149.
- 378 Капчинский О. Указ. соч. — С. 138–139.
- 379 Например: Заковский Л. Шпионов, диверсантов и вредителей уничтожим до конца! // В сб.: О методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры. — М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. В этой статье Л. Заковский хвастает разоблаченными им «преступлениями» против советской власти, в частности: «В начале 1937 г. в одном из районов Ленинградской области старообрядческие попы собрали «организационное» собрание всех церковников, на котором и решили созвать съезд всех церковников, для того чтобы выставить кандидата в Верховный Совет. В другом районе поп Р. установил контакт с эсером И. Эсер И. дал установку попу Р. «готовиться» к выборам в советы... Таковы коварные приемы церковников — фашистских агентов, которые прикрывают свою контрреволюционную работу крестом и евангелием. Все эти фашистско-вредительские банды ликвидированы, а вместе с ними ликвидирован и ряд других контрреволюционных организаций церковников в районах Ленинградской области».
- 380 Шрейдер М.П. НКВД изнутри... — С. 31–32.
- 381 Павлюков А.Е. Ежов. — С. 401.
- 382 Справка комиссии... (Показания А.К. Залпетера.)

- 383 Евгенийев, которого упоминает в своих показаниях Залпетер, — это, вероятнее всего, майор госбезопасности Е.А. Евгенийев, матерый гулаговский волк, при Ягоде — начальник отдела охраны ГУЛаг. Впоследствии Евгенийева «почистили», по выражению Ежова, во время большой чистки гулаговского руководства.
- 384 Справка комиссии...
- 385 Там же (показания Суровицких).
- 386 Соколов Б.В. Михаил Тухачевский: жизнь и смерть «Красного маршала». — Смоленск: Русич, 1999. — С. 398–399. Булина позднее расстреляли.
- 387 Залесский К.А. Указ. соч. — С. 106.
- 388 Там же. — С. 462.
- 389 Шабиев Н. Мы помним о вас: [О захоронении заключенных Беломор.-Балт. лагеря НКВД] // Курьер Карелии. 2004. 30 сентября.
- 390 Кривицкий В. Я был агентом Сталина. — С. 193.
- 391 Сталинские стройки ГУЛага. 1930–1953. Сборник документов. — М.: Материк-Альфа, 2005. — С. 74. В указанном источнике арест Фирина датирован 28 апреля, что в большей степени согласуется с датировкой по воспоминаниям Кривицкого. Не исключено, что Фирина действительно взяли 28 апреля, но, как и до него Молчанова, без ордера; а 9 мая лишь оформили его арест.
- 392 Сопельняк Б. Смерть в рассрочку. — М.: Гея, 1998. — С. 41–42, 61.
- 393 Там же. — С. 52, 62–63.
- 394 Агабеков Г. Секретный террор. — С. 8.
- 395 Разгон Л.Э. Плен в своем отечестве. — М.: Кн. сад, 1994. — С. 96.
- 396 Бережков В.И. Питерские прокураторы. — С. 45–47.
- 397 Протокол допроса Г. Бокия от 17–18 мая 1937 г. Цит. по: Брачев В. Чекисты против оккультистов. — М.: Яуза, ЭКСМО, 2004. — С. 343–345.
- 398 Впоследствии — 1-я ситценабивная.

- 399 Тюремное фото Формайстера и биографические сведения о нем опубликованы в кн.: *Палчинский А., Тумшис М.* Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. — М.: Современник, 2001.
- 400 *Палчинский А., Тумшис М.* Щит, расколотый мечом. — С. 64.
- 401 Место архивного хранения документа: ЦА ФСБ. Ф. Н-13614. Т. 2. Л. 168 — 185.
- 402 Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности... — С. 640.
- 403 *Тумшис М.* ВЧК. Война кланов. — С. 133 — 135.
- 404 *Бажанов Б.Г.* Воспоминания личного секретаря Сталина. — С. 130.
- 405 Там же. — С. 56 — 59.
- 406 *Бажанов Б.* Сталин с близкого расстояния // Красная звезда. 9 июля. 2005.
- 407 Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности... — С. 199 — 200.
- 408 *Колодный Л.* Где стреляли в затылок, там должен быть музей Смерти // Московский комсомолец. 06.04.2006.
- 409 Сергей Шпигельглас, известный в закордонной резидентуре под кличкой Дуглас, по должности — замначальника ИНО НКВД, являлся крупнейшим организатором терактов в Западной Европе, в том числе «ликвидаций» своих бывших сотрудников. Арестован осенью 1938 года и после пыток казнен.
- 410 *Орлов А.М.* Тайная история... — С. 219 — 220.
- 411 Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности... — С. 166 — 169.
- 412 Цит. по: *Войничович М.* Дело № СУ-3246 (жизнь и смерть комбрига Дрекова). — Южно-Сахалинск, 1991.
- 413 *Роговин В.З.* 1937. — С. 370.
- 414 Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности... — С. 204, 207 — 208.
- 415 Там же. — С. 219.

- 416 Яковенко М.М. Агнесса. — С. 91 — 92.
- 417 Кто руководил НКВД... — С. 300 — 301.
- 418 Яковенко М.М. Указ. соч. — С. 65.
- 419 Бесеговский Г.З. Указ. соч. — С. 147.
- 420 Протоколы допросов Словинского опубликованы в кн.: Наумов Л. Сталин и НКВД. М.: Яуза, ЭКСМО, 2007. — С. 504 — 514.
- 421 Тепляков А. Опричники Сталина... — С. 242.
- 422 Наумов Л. Сталин и НКВД... — С. 502.
- 423 Кто руководил НКВД... — С. 260.
- 424 Данная ШТ публиковалась неоднократно, здесь цитируется по публикации: Гражданин. 2003. № 2.
- 425 Тепляков А. Сибирь: процедура исполнения смертных приговоров в 1920 — 1930-х годах / Голоса Сибири. Вып. 4.
- 426 Архив Президента РФ, оп.24, дело 410, лист 222. Опубликовано обществом «Мемориал».
- 427 Записка комиссии Н.М. Шверника от 18.02.63. Место архивного хранения документа: АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 449. Л. 89.
- 428 Рогинский А.Б. Послесловие // Расстрельные списки. Москва, 1937 — 1941. «Коммунарка» — Бутово. Книга памяти жертв политических репрессий. — М., 2000. — С. 494 — 496.
- 429 Яковенко М.М. Агнесса. — С. 133.
- 430 Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности... — С. 234.
- 431 Подробности саратовских событий приводятся по статье крупнейшего специалиста по данному вопросу, защитившего диссертацию об истории саратовской партийной элиты: Саранцев Н.В. Партийная элита Саратовского края: трагедия сталинской эпохи (1934 — 1939) // В сб.: Новейшая история Отечества XX — XXI вв.: Сб. науч. тр. — Саратов: Наука, 2007. — Вып. 2.

- 432 О письме Агранова по поводу ареста Маленкова — по: *Иоффе Э.* Первый заместитель Ягоды и Ежова // Вечерний Минск. 19 сентября. 2007. Место архивного хранения письма Маленкова и Андреева (другого сталинского эмиссара по этому же делу): РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 19. Л. 8—11.
- 433 *Сопельняк Б.* Указ. соч. — С. 270.
- 434 *Агабеков Г.* Секретный террор. — С. 166.
- 435 *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут... — С. 107—109.
- 436 *Разгон Л.Э.* Указ. соч. — С. 101.
- 437 *Залесский К.А.* Указ. соч. — С. 141.
- 438 Предсмертное фото В.А. Аграновой обнаружено на Интернет-ресурсе «Лики перед казнью»: grp.nm.ru/wotgulag/wgulag1.html.
- 439 Воспоминания М. Демченко переданы в пересказе по кн.: *Борев Ю.* Власти-мордасти. — М.: Пропаганда, 2003.
- 440 Место хранения расстрельного списка: АП РФ, оп.24, дело 417, лист 256.
- 441 *Головкова Л.А.* Указ. соч.
- 442 АП РФ, оп. 24, д. 412, л. 124.
- 443 *Полянский А.* Ежов. История... — С. 130—134.
- 444 *Ларина А.М.* Незабываемое. — С. 69.
- 445 «Известия». 3 октября. 1937.
- 446 *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений... — Т. 51. — С. 150.
- 447 Цит. по: *Литвин А.* Красный и белый террор в России. — М.: «Яуза», ЭКСМО, 2004. — С. 275. Место архивного хранения документов: РГАСПИ. Ф. 2. Д. 9102. Л.д. 1, 4—5. Д. 10382. Л.д. 2.
- 448 *Троцкий Л.* Роль Генриха Ягоды / Бюллетень оппозиции. Апрель. 1938. № 65.

- 449 Кокурин А.И., Петров Н.В. Лубянка. Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ 1917—1991. Справочник. — С. 62.
- 450 Пионерская правда. № 36(2030) от 14 марта 1938 г. Видимо, по крайней мере часть писем была подготовлена в редакции заранее, иначе трудно понять, как письма детей со всего СССР, написанные ими после опубликования приговора 13 марта, в тот же день могли быть получены в редакции и подписаны в печать.
- 451 Агабеков Г. Секретный террор. — С. 89—90.
- 452 Цит. по: Ваксберг А. Горький и Ягода (из кн. «Гибель буреви́стника») // Независимый альманах «Лебедь». № 554. 30 декабря. 2007.
- 453 АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 427. Л. 13—18. Маш. копия. Л. 19—22. Автограф.
- 454 Цит. по: Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». — М.: РОССПЭН, 2008. — С. 176.
- 455 Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности... — С. 420.
- 456 Залесский К.А. Указ. соч. — С. 192.
- 457 Опубликовано 12 июня 2009 г. на интернет-сайте: <http://lentyajka.ru/?p=108>.
- 458 Реабилитирован посмертно. Вып. 1, 2. — М.: Юрид. лит., 1989. — С. 354.
- 459 Гуль Р.Б. Я унес Россию. Воспоминания. [Запись рассказа А.Д. Нагловского, опубликованная во II томе] // Огонек. 1992. № 7.
- 460 Теляков А. Опричники Сталина... — С. 193.
- 461 Реабилитирован посмертно. Вып. 1, 2. — С. 154—155.
- 462 Сведения о последних часах жизни Ягоды — по показаниям Лернера, Фриновского и Дагина (приведены по кн: Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. — С. 155—156)

- ⁴⁶³ Шрейдер М. Записки оперативника-чекиста... — С. 227.
- ⁴⁶⁴ Этот документ впервые опубликован в книге кандидата исторических наук, полковника запаса ФСБ, президента Регионального общественного фонда содействия социальной и правовой поддержки ветеранов и сотрудников ФСБ РФ Василия Соймы «Запрещенный Сталин», основанной на документах из личного архива И.В. Сталина. Книга вышла в 2005 г. в издательстве «ОЛМА-ПРЕСС».
- ⁴⁶⁵ Константин Петрович Гурский / Сост. А.И. Галкин. — Ухта: УГТУ, ИПЦ УПОО «Мемориал», 2003. — С. 56 — 57.

Научно-популярное издание
Я — СЕКРЕТНЫЙ АГЕНТ СТАЛИНА

Цыркун Сергей Анатольевич
СТАЛИН ПРОТИВ ЛУБЯНКИ
Кровавые ночи 1937 года

В авторской редакции

Ответственный редактор *Д. Галкина*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Т. Кирпичева*
Корректор *В. Чернявская*

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Тауар белгісі: «Эксмо»
Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский қаш., 3-а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 ын. 107; E-mail: RDC-Alimaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, д.15

Для корреспонденции: 123308, Москва, ул. Зорге, д. 1
Тел.: (495) 745-58-23

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно
законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 23.10.2013. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура «Балтика». Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12.
Тираж 2000 экз. Заказ № 7768.

Отпечатано в ООО «Тульская типография»
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ISBN 978-5-699-68505-9

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*

international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумагами-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород,
ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

Сенсационное расследование трагедии 1937 года. Захватывающий триллер, проливающий свет на самые темные и запретные страницы прошлого. Новый взгляд на причины и цели Большого Террора. Подлинная история борьбы за власть над СССР, в ходе которой Сталину удалось разгромить не только партийную оппозицию, но и органы государственной безопасности, в середине 1930-х годов достигшие пика могущества: ОГПУ фактически контролировало экономику страны и финансовые потоки, правительственную охрану и милицию, Особые отделы Красной Армии и гигантскую теневую империю ГУЛага, судебную систему и исполнение приговоров, распоряжалось колоссальными средствами, переводило в свое ведение крупнейшие стройки и промышленные предприятия, осуществляло негласный надзор за высшим руководством страны – казалось, что реальная власть уплывает из рук Сталина к Ягоде и его клике, что подлинный центр силы находится уже не в Кремле, а на Лубянке...

Как Сталину удалось переломить ситуацию в свою пользу? Что позволило ему разобщить чекистов и заставить их убивать друг друга? Почему эта грандиозная чистка фактически не встретила сопротивления, и сталинский контрпереворот увенчался полным успехом?.. Отвечая на самые острые и сложные вопросы истории, эта книга разгадывает главную тайну XX века.

ISBN 978-5-699-68505-9

9 785699 685059 >